

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

Политическая
Наука **2** *2018*

POLITICAL SCIENCE (RU)

Москва
2018

Центр социальных научно-информационных исследований

Отдел политической науки

Редакционная коллегия:

- Е.Ю. Мелешикина* – д-р полит. наук, главный редактор,
зав. Отделом политической науки ИНИОН РАН,
В.С. Авдонин – д-р полит. наук, ведущий
научный сотрудник ИНИОН РАН,
Л.Н. Верчёнов – канд. филос. наук, ведущий
научный сотрудник ИНИОН РАН,
И.И. Глебова – д-р полит. наук, руководитель
Центра руссиеведения ИНИОН РАН,
Д.В. Ефременко – д-р полит. наук, зам. директора ИНИОН РАН,
В.Н. Ефремова – канд. полит. наук, ответственный секретарь,
научный сотрудник ИНИОН РАН,
М.В. Ильин – д-р полит. наук, профессор факультета
социальных наук НИУ ВШЭ,
О.Ю. Малинова – д-р филос. наук, зам. главного редактора,
профессор факультета социальных наук НИУ ВШЭ,
П.В. Панов – д-р полит. наук, ведущий научный сотрудник
Пермского научного центра Уральского отделения РАН,
С.В. Патрушев – канд. ист. наук, руководитель отдела
сравнительных политических исследований Института
социологии РАН,
Ю.С. Пивоваров – академик РАН, научный
руководитель ИНИОН РАН,
А.И. Соловьёв – д-р полит. наук, заведующий кафедрой
политического анализа факультета государственного
управления МГУ им. Ломоносова,
Р.Ф. Туровский – д-р полит. наук, профессор факультета
социальных наук НИУ ВШЭ,
И.А. Чихарев – канд. полит. наук, доцент кафедры сравнительной
политологии факультета политологии МГУ им. Ломоносова
- Редакторы-составители номера –
канд. ист. наук *С.В. Патрушев*, канд. полит. наук *Л.Е. Филиппова*
- Ответственные за выпуск –
канд. полит. наук *О.А. Толпыгина*, канд. полит. наук *И.А. Помигуев*

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Свидетельство о регистрации средства массовой информации – ПИ №ФС77–36084.

POLITICAL SCIENCE (RU)

Political science (RU) is a key Russian periodical dedicated to the political science. Founded in 1997, it is well known among foreign researchers. The journal is quarterly published by the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN) and with the assistance of the Russian Political Science Association (RAPN).

The journal always pays attention to the actual situation in the political science and its trends, as well as to the overview and analysis of up-to-date scientific achievements. Articles and other materials dedicated to the methodology are featured in the journal. Research and information sources (abstract reviews, synopses, book reviews, etc.), materials from other periodicals and results obtained by various think tanks and institutes are published in **Political science (RU)**.

Political science (RU) is included in the list of the leading academic journals that are recommended by the High Certification Commission (VAK) of the Ministry of Education and Science of Russian Federation.

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief – Elena MELESHKINA, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Head of Political Science Department, INION RAN (Moscow, Russia)

Deputy Editor-in-Chief – Olga MALINOVA, Dr. Sci. (Philos.), Chief Researcher, Prof., National Researcher University Higher School of Economics (Moscow, Russia)

Executive secretary – Valentina EFREMOVA, Cand. Sci. (Pol. Sci.), Research Fellow, INION RAN (Moscow, Russia)

Vladimir AVDONIN, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Leading Researcher, INION RAN (Moscow, Russia)

Lev VERCHENOV, Cand. Sci. (Philos.), Leading Researcher, INION RAN (Moscow, Russia)

Irina GLEBOVA, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Head of Center of Russian Studies, INION RAN (Moscow, Russia)

Dmitry EFREMENKO, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Acting Director, INION RAN (Moscow, Russia)

Mikhail ILYIN, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Prof., National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia)

Petr PANOV, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Leading Researcher, Department of Research of Political Institutions and Processes, Perm Scientific Center of Ural Branch Russian Academy of Sciences (Perm, Russia)

Sergey PATRUSHEV, Cand. Sci. (Hist.), Head of Comparative Political Studies Department, Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Yuriy PIVOVAROV, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Full Member of Russian Academy of Sciences, Academic Supervisor, INION RAN (Moscow, Russia)

Aleksandr SOLOVYEV, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Prof., Head of Political Analysis Department, Faculty of Public Administration, M.V. Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

Rostislav TUROVSKY, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Prof., National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia)

Ivan CHIHAREV, Cand. Sci. (Pol. Sci.), Associate Professor, Comparative Political Science Department of Political Science, M.V. Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

Представляем номер	9
--------------------------	---

СОСТОЯНИЕ ДИСЦИПЛИНЫ: ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ И ПОЛИТИКА

<i>С.В. Патрушев, Л.Е. Филиппова.</i> Институциональные проблемы конституирования политического поля и политики в современной России	14
<i>С.Г. Айвазова.</i> Гендер: Граница и / или измерение политического поля. Перечитывая классиков	34
<i>И.Л. Недяк.</i> Определение политического через свободу от произвола: Абрис гражданственности в неоклассическом республиканизме	53
<i>Т.В. Павлова.</i> Делиберация как фактор конституирования поля современной политики	73

РАКУРСЫ: ЛОГИКА ТРАНСФОРМАЦИИ ПРОТОПОЛИТИЧЕСКОГО И РОЖДЕНИЕ ПОЛИТИКИ

<i>Л.Е. Филиппова.</i> «Политизация» vs «деполитизация»: Поиск альтернативных стратегических проектов и возможности структурирования политического поля	95
<i>А.М. Кучинов.</i> Формирование политического пространства в условиях квазиполитики	116
<i>Л.Г. Панов.</i> Политическое поле и институциональная логика	136

ИДЕИ И ПРАКТИКИ: МАССОВОЕ СОЗНАНИЕ, ИДЕНТИЧНОСТЬ И СУБЪЕКТИВНОСТЬ В ПОЛИТИКЕ

<i>Г.Л. Кертман.</i> Статус политики в российском массовом сознании	151
---	-----

<i>О.В. Попова.</i> Модели идентичности политических акторов в современной России	173
<i>А.А. Белькова.</i> «Семейский клан» в постсоветской Бурятии: Приватизация идентичности в политике	195
<i>О.А. Мирясова.</i> Гражданская субъектность как предпосылка формирования политического поля	214

КОНТЕКСТ: СУБНАЦИОНАЛЬНЫЕ АКТОРЫ, ИДЕОЛОГЕМЫ, ПРОТЕСТ И МЕДИА

<i>З.Д. Шаймарданова, Ж.К. Макашев.</i> Усиление роли субнациональных акторов.....	234
<i>Н.К. Радина, А.В. Козлова, А.А. Набокова.</i> Методы изучения политического поля: Алгоритм идентификации контекстуальных идеологем (На примере региональной культурной политики)	252
<i>Я. Лю.</i> Деполитизация и реполитизация сельских протестов в медийной сфере Китая.....	271

С КНИЖНОЙ ПОЛКИ

<i>М.О. Комин.</i> Множественные поля и управление идентичностью: Новый подход для анализа причин и динамики социально-политических трансформаций	289
<i>В.О. Деткина.</i> Теория политического пространства в российских диссертационных исследованиях (2001–2016)...	297
К сведению авторов	307

CONTENTS

Introducing the issue	9
-----------------------------	---

STATE OF THE DISCIPLINE: POLITICAL FIELD AND POLITICS

<i>S.V. Patrushev, L.Y. Philippova.</i> Institutional problems of the constitution of political field and politics in contemporary Russia.....	14
<i>S.G. Ayvazova.</i> Gender: The border and / or dimension of the political field. Rereading the classics	34
<i>I.L. Nedyak.</i> Defining the political through the freedom from arbitrary power: An outline of civic consciousness in the Neo-Classical republicanism.....	53
<i>T.V. Pavlova.</i> Deliberation as the constitution factor of modern politics field	73

PROSPECTS: TRANSFORMATION LOGIC OF THE PROTOPOLITICAL AND POLITICS RISING

<i>L.Y. Philippova.</i> «Politicization» vs «depoliticization»: The search for alternative strategic projects and possibilities of political field structuring.....	95
<i>A.M. Kuchinov.</i> Political space formation under quasi-politics conditions	116
<i>L.G. Panov.</i> The political field and institutional logics.....	136

IDEAS AND PRACTICE: MASS CONSCIOUSNESS, IDENTITY AND SUBJECTNESS IN POLITICS

<i>G.L. Kertman.</i> Status of politics in Russian mass consciousness.....	151
<i>O.V. Popova.</i> Identity models of political actors in contemporary Russia.....	173

<i>A.A. Bel'kova.</i> «Semeiskii (familialistic) clan» in post-soviet Buryatia: Privatization of identity in politics	195
<i>O.A. Miryasova.</i> Citizen's subjectness as a prerequisite for formation of political field	214

CONTEXT: SUBNATIONAL ACTORS, IDEOLOGEMS, PROTEST AND MEDIA

<i>Z.D. Shaimardanova, Zh.K. Makashev.</i> Strengthening of the subnational actors' role	234
<i>N.K. Radina, A.V. Kozlova, A.A. Nabokova.</i> Methods of studying the political field: The algorithm of contextual ideologemes identification (on the example of regional cultural policy)	252
<i>Y. Liu.</i> Depolitization and re-politicization of rural protests in the media sphere of China	271

FROM THE BOOKSHELF

<i>M.O. Komin.</i> Multiple fields and identity politics: A new approach for analyzing the causes and dynamics of social transformations (Review)	289
<i>V.O. Detkina.</i> Theory of political space in Russian dissertations (2001–2016)	297
Information for the authors	307

ПРЕДСТАВЛЯЕМ НОМЕР

В 2018 г. в России начался новый президентский цикл, с которым, как это часто бывает, связывают возможные новации в жизни общества. «Страна, – полагают специалисты, которых мы цитируем в этом номере журнала, – замерла в ожидании положительных перемен и боится, как бы не вышло хуже».

Одна из необходимых перемен, по мнению большинства политологов – авторов номера, – выработка и реализация современной политики, ориентированной на решение трудных задач, стоящих перед страной во внутреннем и внешнем контурах. Важной предпосылкой разработки такой политики является анализ состояния политического в России, изучение возможностей и условий конституирования политического поля / пространства как сферы развертывания политических практик и функционирования политического государства.

Открывает номер традиционная рубрика «Состояние дисциплины». В ней представлены материалы, в которых на основе альтернативного понимания политического с позиций классической (арендтовской) и современной республиканистской традиций, институционального и гендерного подходов раскрываются различные аспекты формирования политического поля и реализации политики современного типа.

В статье С.В. Патрушева и Л.Е. Филипповой состояние, предпосылки, условия и критерии конституирования политического пространства в современной России рассматриваются сквозь призму идеал-типического конструкта политического поля и разработанного авторами понятия «зона власти». Опираясь на результаты многолетних исследований, авторы выделяют институциональные проблемы, препятствующие реализации политики современного

типа, и ставят вопросы о необходимости обновленной интеграции на социальном уровне и о готовности современной власти к стратегическому повороту в направлении новой модели развития. В статье С.Г. Айвазовой анализируется взаимообусловленность сфер политического и гендерного. Обращаясь к разработкам классиков политической социологии Х. Арентс, П. Бурдьё и др., автор показывает, что структуры «политического поля» и «зоны власти» могут быть разведены как публичное – маскулинное и приватное – феминное, а гендерная поляризация и субординация связаны с устойчивостью социальных иерархий. На основе исторического материала показано, как борьба за гендерное равноправие приводит к трансформации («гендерному переделу») политического поля; во многих обществах, однако, гендер по-прежнему остается «границей» политического поля, и проблема ее преодоления не утрачивает свою актуальность. Еще один подход к анализу конституирования политического поля представлен в статье И.Л. Недяк, которая опирается на представленное в неоклассическом республиканизме понимание сферы политического как пространства, свободного от произвола. Политическое предстает в качестве события, которое происходит при сочетании определенных обстоятельств, отсюда – необходимость анализа многочисленных факторов, которые могут приближать или отдалять это событие. К первым относятся создание неманипулируемой и устойчивой к коррупции системы, утверждение приоритета социальной справедливости, широкое распространение гражданственности; ко вторым – многочисленные негативные последствия экспансии этоса и принципов рынка в сферу политического. Наконец, в статье Т.В. Павловой анализируется «делиберативный поворот» в современной политической теории. Рассмотрев основные нормативные принципы делиберации как нового способа политического участия, автор приходит к выводу, что практики делиберации могут стать одним из важных способов конституирования поля современной политики. В статье также сформулированы условия, при которых возможна имплементация данной модели в России.

Тему продолжают материалы рубрики «Ракурсы», в которых представлены разные аспекты исследования политики в контексте проблемы трансформации протополитического в политическое. Л.Е. Филиппова рассматривает возможность использования в теоретическом анализе процессов конституирования и структуриро-

вания политического поля концептов «политизация» (возникновение возможностей артикуляции социальных противоречий и реализации политической субъектности в пространстве выбора и целеполагания) и «деполитизация» (отрицание конфликтности, упразднение возможности выбора и разрушение правил политического взаимодействия). Показано, что механизмом (вос)производства и горизонтального структурирования политического поля является конкуренция альтернативных стратегических проектов, содержащих принципы устройства общества, цели и направления его развития. В статье А.М. Кучинова показано, что политика как институционализированная, основанная на правилах, а не на насилии, конкуренция проектов и решений, ориентированных на всеобщее благо, среди неограниченного круга свободных граждан, может замещаться квазиполитикой. Автор анализирует такие формы квазиполитики, как недополитика (мерцающая политика и протополитика) и ингибиторы политики (дополитика и антиполитика). Анализ динамики использования некоторых понятий, отражающих понимание происходящих процессов, приводит автора к выводу, что в России последнего десятилетия вряд ли происходило скольконибудь отчетливое формирование политического пространства. Л.Г. Панов предлагает использовать для анализа состояния российской политики концепт «институциональных логик», призванный обозначить категории, представления и принципы, которые позволяют индивидам делать социальную реальность осмысленной, предоставляют рациональность для оценки приемлемости тех или иных решений, а также лежат в основании общественных институтов.

В следующем разделе «Идеи и практики» представлены материалы, в которых исследуются субъективные измерения феномена политического поля и политики – массовое сознание, идентичность и субъектность. Г.Л. Кертман, анализируя особенности восприятия публичной политики, характерные для российской политической культуры, показывает ценностные основания дистанцирования «среднего россиянина» от политики и его некомпетентности в вопросах институционального дизайна государства и политической системы. Проведенный автором анализ интерпретационных схем, циркулирующих в массовом сознании, позволяет оценить перспективы формирования в России массового «зрителя» – пристрастного наблюдателя, необходимого для конституирования политического

поля. В статье О.В. Поповой идет речь о механизмах формирования моделей политической идентичности различных групп населения в современной России. Автор раскрывает причины фрагментированности и противоречивости этих моделей, а также неэффективности попыток политической элиты и других акторов политического поля предложить населению свои модели идентичности. В статье также проанализированы базовая матрица государственной и политической идентичности и наиболее существенные характеристики, задающие спектр политических оценок. В статье А.А. Бельковой с помощью концепции неопатримониализма исследуются проблема клановости в политике и сосуществование патримониальных отношений и рационального государства. Анализ языка описания бурятской политики, сформированного в публичном пространстве, позволяет реконструировать место и роль так называемого семейского клана в политическом пространстве региона. В статье О.А. Мирясовой с помощью эмпирического материала иллюстрируются возможности применения концептов «политического поля», «протополитического поля» и «зоны власти» для изучения перспектив и проблем формирования гражданской субъектности в современной России. Автор подчеркивает значение формальных гражданских прав, эмпатизации и мобилизующих акторов для обеспечения субъектности граждан.

Особенностью рубрики «Контекст» в этот раз стал широко понимаемый региональный поворот материалов, раскрывающих подчас необычные стороны проблематики данного номера. В статье казахстанских ученых З.Д. Шаймардановой и Ж.К. Макашева рассмотрен феномен включения субнациональных акторов в международные отношения. На примере Павлодарской и Омской областей показано развитие парадипломатии – приграничного сотрудничества в регионе, роль субнациональных акторов в разрешении конфликтов и имеющиеся противоречия в этом вопросе, выделены факторы, влияющие на усиление этой роли. В работе нижегородских исследователей Н.К. Радиной, А.И. Козловой и А.А. Набоковой предложен алгоритм идентификации контекстуальных (смысловых) идеологем как метода изучения продуктов политического поля и представлены итоги его апробации на документах региональной политики Нижегородского региона и Нижнего Новгорода. Этот алгоритм может быть рекомендован для идентификации контекстуальных идеологем в рамках решения множества задач, связанных с деятельностью агентов политического поля, чьи цели, задачи и ак-

тивность отражены в порожденных ими документах. В статье Я. Лю (Владивосток) проанализирована репрезентация сельских протестов 2011 г. в китайских официальных и неофициальных медиа. Показано, что через «журналистские» преобразования событий (преуменьшение «антисистемной» радикальности протестов, вписывание их в рамки углубления реформ и т.д.) осуществляется де- / реполитизация протестов в медиа.

Завершает номер рубрика «С книжной полки». В рецензии на книгу Н. Флигстина и Д. Макадама «Теория полей» М.О. Комин дает оценку возможности применения теории стратегических полей взаимодействия для анализа поля российской политики, подчеркивая, что одним из преимуществ данной теории является внимание не только к формальным институтам и акторам, но и к неформальным нормам и практикам. В статье В.О. Деткиной представлен обзор ряда диссертаций отечественных исследователей XXI в., научный интерес которых сосредоточен вокруг теории политического пространства. Среди авторов – не только политологи, но также философы и социологи. Подходы к определению и концептуализации, необходимость переосмысления понимания «политического пространства» в условиях современных трансформационных процессов являются центральной темой работ, представленных в обзоре. Материалы этой рубрики еще раз показывают актуальный интерес исследователей разных поколений к проблематике номера.

Мы надеемся, что читатели «Политической науки» также не останутся безразличны к представленным в номере исследовательским материалам, многие из которых имеют открыто дискуссионный характер.

*Е.Ю. Мелешкина,
С.В. Патрушев,
Л.Е. Филиппова*

СОСТОЯНИЕ ДИСЦИПЛИНЫ: ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ И ПОЛИТИКА

С.В. Патрушев, Л.Е. Филиппова*

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КОНСТИТУИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОЛЯ И ПОЛИТИКИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация. Цель исследования, представленного в данной статье, – развить институциональный подход для анализа перспектив формирования современной политики в России. При этом решается исследовательская задача изучить возможности и условия конституирования политического поля / пространства как сферы развертывания политических практик. Показаны институциональные проблемы, препятствующие реализации политики современного типа. На основе идеал-типического конструкта политического поля и разработанного авторами понятия «зона власти» рассматриваются состояние, предпосылки, условия и критерии кон-

*** Патрушев Сергей Викторович**, кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, заведующий отделом сравнительных политических исследований Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), профессор Всероссийской академии внешней торговли (Москва, Россия), e-mail: servpatrushev@gmail.com; **Филиппова Людмила Евгеньевна**, кандидат политических наук, старший научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, e-mail: ludmila_filippova@hotmail.com

Patrushev Sergey, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia); Russian Foreign Trade Academy (Moscow, Russia), e-mail: servpatrushev@gmail.com; **Philippova Liudmila**, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), e-mail: ludmila_filippova@hotmail.com

ституирования политического пространства в современной России. Обсуждается возможность стратегического поворота власти к новой модели развития.

Ключевые слова: политическое поле; политическое пространство; политика; зона власти; Россия.

S.V. Patrushev, L.E. Philippova
Institutional problems of the constitution of political field
and politics in contemporary Russia

Abstract. The aim of the research presented in this article is to develop an institutional approach for analyzing the prospects of formation of modern politics in Russia. The research task is set to study the possibilities and conditions for constituting of a political field / space as a sphere for deployment of political practices. Institutional problems that impede implementation of modern-type politics are shown. The status, prerequisites, conditions and criteria for constituting of a political space in modern Russia are considered on the base of the ideal-typical construct of political field and the notion of «zone of power» developed by the authors. The possibility of a strategic turn of today's authorities towards a new development model is being discussed.

Keywords: political field; political space; politics; Russia.

Введение.
О пространстве, поле и политике

Словосочетание «социальное пространство», введенное Г. Зиммелем в 1903 г., развил П. Сорокин в 1920 г. в «Системе социологии», определив его как многомерное пространство, включающее политическое измерение. При этом Г. Зиммель отмечал, что «единственная область, в которой социальные образования рано стали осознаваться как таковые, – это область практической политики» [Зиммель, 1996, с. 321]. Зиммель обосновывал это тем, что «в сфере политики необходимое для всякого осознания различие было дано посредством противопоставления одних групп другим, и, кроме того, в политическом аспекте отношение между отдельным человеком и всеобщностью требует очень заметного вклада именно от человека, что всегда пробуждает более ясное сознание, в отличие от преобладающего восприятия индивидом других отношений между ним и его группой» [там же].

Термины «политическое пространство», «политическое поле» начинают активно использоваться в западной политической науке с 1980-х годов, в Россию они приходят десятилетием позже.

Поле / пространство политики исследуется как «объективное» (по аналогии с физическим пространством¹) или «субъективное»; как «статичное» (структуры, конфигурации) или «динамичное» (деятельность / действие), *транзитивное*; а также соотносится с *другими полями / пространствами* (экономическим, правовым и пр.) [Martin, 2003; Political field theory...; Пространство в России... 2003; Пушкарева, 2012; Солодкая, 2016; Цветкова, 2014].

Наряду с этим обсуждаются вопросы о том, что делает поле «политическим» и, соответственно, как определяется политическое; в чем различие между политическим, административным и властным полями [Кордонский, 2006]. Подчеркнем, что дискуссия вокруг этой проблемы не просто постоянно воспроизводится, но, кажется, и не прекращается. На переломе столетий российский социолог М.Н. Афанасьев в очередной раз констатировал: «Вся эта “политика”, о которой нам рассказывают, в строгом смысле слова *политикой* не является, ибо последняя есть сфера всеобщего – пространство общественного дискурса для согласования социальных интересов и программ общего действия. Но эксперты и обозреватели вполне адекватны – они толкуют о том, что видят. Неадекватен наш теоретический язык: как только речь заходит о “государстве” и “обществе”, мы сразу начинаем рассуждать в понятиях “политический институт”, “классы и социальные группы”, “элиты”, – т.е. в понятиях, разработанных в ином цивилизационном контексте и отражающих социальное бытие-сознание иного рода – в понятиях *публичной власти* и *гражданского общества*» [Афанасьев, 2000, с. 29–30]. Несмотря на очевидное продвижение российской политической науки за прошедшие почти два десятилетия [см.: Тенденции... 2018], мы можем повторить практически то же самое относительно теоретического языка современных политологических исследований России.

Понятие политического, введенное и обоснованное К. Шмиттом, предполагает, что оно существует там, где есть противостояние политических, публичных врагов [Schmitt, 1932].

¹ Идея поля используется в физике для интерпретации того, как повсеместная сила – пространство-время или электромагнетизм – внутри окружающей среды может быть причиной изменения в любом заданном объекте. В физическом смысле классическое поле представляет собой динамическую систему с бесконечным количеством степеней свободы, помеченных пространственным расположением [Torre, 2016].

Шмитт называет это экзистенциальным противостоянием, т.е. противостоянием людей, которые действительно готовы умирать в этой борьбе. Если экзистенциального противостояния нет, тогда нет и политического. Политическое предполагает также свободу. Политика есть там, где некоторая общность усматривает себя как единство через определенного рода организацию коллективных действий. Политическое – это возможность коллективного действия, причем именно через него только и опознается производящая это действие коллективность, происходит артикуляция власти как материальной, ограничивающей силы и трансцендирующего коллективность авторитета [Филиппов, 2005; 2012].

Понимание политического пространства эволюционировало от представления об административно-географической территории, на которой протекает политическая жизнь, к видению политического пространства как разновидности социального, *которое* складывается ансамблем различных полей, включая «поле власти» – пространство силовых отношений между агентами и институциями [Бурдые, 2005, с. 369]. Дальнейшее продвижение, на наш взгляд, возможно, если отталкиваться от того «политического воображаемого», которое индивиды полагают в качестве политики. Так, например, нами было показано, что политика в России воспринимается людьми как «место» функционирования власти, принципиально отличное от остального общества (и, в значительной мере, враждебное ему) [Гражданское и политическое... 2013].

Термин «поле» может быть в известном смысле соотнесен с термином «порядок» как системой или упорядоченным способом ведения дел (см. подробнее исследование П.В. Панова [Панов, 2011]). Отсюда возникает ключевая проблема правил, система которых обеспечивает порядок и, строго говоря, им является, – как правила создаются и изменяются акторами? Порядок – это организационные структуры, которые формируют жизнь людей и варьируются от места к месту или от группы к группе. Порядок (в целомном древнегреческом смысле *politeia* – *политии*) – это не только институты, но и ценности, «инстинкты», привычки и обычаи [Regime...].

«Порядок» в большей мере допускает критическое участие и сознательные действия, поскольку теоретизация в понятиях «порядка» связывает фундаментальные конфликты с ценностями,

идеологиями и идентичностями, а также с силовыми структурами, – все они, в принципе, могут быть изменены.

Современные системы – это множество дифференцированных подполей с отношениями внутри и между ними, структурирующими поведение человека. Каждая область имеет собственные правила игры. По словам голландского социолога Э. Хендрикса, «порядок означает то, как социальные поля, их системы престижа, логика и концепции человеческого благосостояния отличаются друг от друга и иерархизируются» [Hendriks].

Использование концепта «политическое пространство» (и «политическое поле») определяется целью и методологией исследования. Методология и инструментарий зависят от смыслового наполнения понятия.

Мы понимаем под политическим пространством публичную сферу институционализированных взаимодействий, диалога и конфликта по поводу общих целей и значимых проблем, стратегических решений для общества.

Как идеал-типический конструкт политическое поле представляет собой пространство отношений политических акторов, идентифицирующих себя по принципу «свой – чужой»; сферу производства (а) конвенций и «правил игры», т.е. институций, и (б) общих целей и ценностей, которые становятся основой для социальной интеграции и легитимации социального порядка; предпосылку универсализации норм (в форме законов), конституирования и функционирования политического государства.

Соответственно, признаками формирования политического поля являются: образование политических идентичностей (расколов) и их идеологическое оформление; расширение индивидуального и коллективного участия; институционализация конфликта и диалога между гражданами, а также между гражданами и государством; правовая универсализация норм и процедур взаимодействия внутри политического сообщества.

Политические поля изменяются на основе набора убеждений людей. Применение общих правил к группе или подгруппе субъектов означает, что правила облегчают достижение интересов для одних участников и затрудняют для других. Таким образом, в любой момент времени некоторые участники желают преобразовать существующие структуры правил, а другие захотят их сохранить.

Возможность институционализации политического пространства

Предпосылка институционализации сферы политического – (прото)политическое сообщество, образуемое взаимодействиями индивидуальных и коллективных акторов, структурированное по горизонтали (идентификация акторов с нормативно-ценностными конфигурациями и конкретными проектами развития) и по вертикали (возможности акторов влиять на изменения и результаты политики). Формирование политики современного типа, гражданского общества на основе солидарности граждан, универсального политического порядка, политического института государства предполагает обновление морального порядка, эмпауэрмент на основе вовлечения индивидов в публичные практики и приобретения ими навыков политических действий (= обретение субъектности), социетальную интеграцию на базе универсализации действующих норм.

Проводимое научным коллективом отдела сравнительных политических исследований ИС РАН с середины 1990-х годов изучение российской политики в разных ее измерениях, преимущественно с институциональной точки зрения [Институциональная политология... 2006; Социальные сети... 2006; Социальные сети... 2007; Новые направления... 2007; Россия в процессе реформ, 2009; Модернизация и политика... 2011; Граждане и политические практики... 2011; Гражданское и политическое... 2013; Массовая политика... 2016], позволило выявить важные проблемы и характеристики феномена «политического» в России и, как следствие, потребовало разработать новый методологический подход и новое теоретическое понимание тех явлений и процессов, которые нередко определяются исследователями как «политические».

Речь идет об исследовании предпосылок и условий формирования политического в России, прежде всего конституирования политического пространства как сферы политических практик. Понятие политического пространства предполагает нелинейность и целостность, задает исследовательские границы, но не предопределяет характера политической деятельности, которая может здесь разворачиваться.

В России сложился ряд институциональных проблем, препятствующих конституированию политического пространства в указанном выше смысле и, соответственно, возникновению поли-

тики вообще и политики современного типа в частности. Главные из этих проблем перечислены ниже.

– Неартикулированность политических позиций и структур, проблематичность становления и институционализации любых политических образований, например партий, движений и идейных течений [см.: Гражданское и политическое... 2013, с. 7].

– Политическая дифференциация основана не на идеологиях или альтернативах развития страны, а определяется лишь поддержкой власти или оппозицией к ней [см.: там же, с. 29–30].

– Перенос неформальных отношений из сферы повседневной в публичную и их воспроизводство в публичной сфере, дефицит реципрокности в исполнении публичных ролей – пренебрежение властей к правам граждан и ответное безразличие граждан к установленным законом обязанностям [см.: Институциональная политология, 2006, с. 106].

– Устойчивая деформализация формальных норм и правил: политические институты остаются «фасадными», а политические практики регулируются неформальными нормами, которыми руководствуются как рядовые граждане, так и властные структуры [см.: там же, с. 350].

– Незавершённость институционального дизайна как следствие процессов деформализации: проблема не в дефиците институтов, а в том, как они реально действуют.

– Фрагментированность и несвязанность между собой политического и правового порядков, которые воспринимаются гражданами раздельно, поскольку функционируют в таком же режиме [Панов, 2008].

– Возникновение институциональных ловушек, неэффективных и самоподдерживающихся норм и институтов, когда выход из проблемной ситуации оказывается намного сложнее и затратнее, чем пребывание в ней [см.: Институциональная политология... 2006, с. 42, 55, 85; Полтерович, 2007; Скоробогатский, 2011].

Комплекс этих проблем образует «современную российскую институциональную тропу зависимости»¹, воспроизводство практик, ситуаций, процессов, которые препятствуют формированию политического в России.

¹ Об обсуждении концепции тропы зависимости в зарубежной и отечественной науке см.: [Евсеева, 2017].

Понимание политического пространства как институционализированной публичной сферы политических взаимодействий и политической игры социальных акторов, их сотрудничества и борьбы, протеста и поддержки, конфликта и диалога по значимым проблемам в рамках наличного и альтернативных проектов, целей и стратегических решений для общества, позволяет не сводить политику исключительно к властным отношениям и не отождествлять ее с борьбой за власть – ее захватом, переделом, употреблением и т.п. Ключевым аспектом политики является продвижение сценариев и проектов для общества – поиск определения и путей достижения общественного блага. Наличие российской «тропы зависимости» приводит к выводу о том, что в России институционализированное политическое пространство не сложилось.

Понятие политического поля во многом, но с известными поправками, созвучно термину «арена действия», который, согласно Э. Остром, «относится к социальному пространству, в котором люди взаимодействуют, обмениваются товарами и услугами, решают проблемы, господствуют друг над другом или борются (среди многих вещей, которые люди делают на аренах действий)». Остром отмечает, что «большая часть теоретической работы останавливается на этом уровне и принимает переменные, определяющие ситуацию, а также мотивационную и когнитивную структуру актора как данности. Анализ продолжается в сторону прогнозирования вероятного поведения индивидов в такой структуре» [Ostrom, 2010]. Наше исследование нацелено на понимание того, как возникает эта данность ситуации и акторов.

При анализе институционализации политического поля мы придерживаемся простого и потому красивого определения Э. Остром: институт – это набор действующих (работающих) правил, которые люди используют при принятии решений и на которые участники будут ссылаться, если их попросят объяснить и оправдать свои действия другим участникам; «действующие правила – это такие правила, которые действительно используются, за соблюдением которых осуществляется мониторинг, и они защищены соответствующими механизмами, когда индивиды выбирают те действия, которые они намерены предпринять...» [Ostrom, 2005, p. 19]. При этом важно отметить, что институт призван восстанавли-

ливать те или иные культурные образцы, которые не могут постоянно порождаться заново в коммуникации.

Если нормы формально писанные – это еще не институт, если данные нормы действуют – это институт; если нормы неформальные – это неформальный непубличный институт. Другое дело – можно ли институционализировать неформальные «понятия», которыми, по данным нашего пилотного опроса 2017 г., по-прежнему руководствуются в российской политике. В любом формальном институте есть неформальные практики, это «смазка», потому что ригидную букву нормы почти всегда трудно, подчас невозможно выполнять. Как справедливо, на наш взгляд, утверждают исследователи, «формальные институты могут работать исключительно при условии их неформальной коррекции» [Барсукова, 2015, с. 19–20]. Когда неформальные нормы полностью замещают формальные – то, что мы называем деформализацией, институт «исчезает» – из-за несоответствия дизайну, замыслу, ради которого он создавался, закону, конституции, праву. Это не означает, что какие-то организованные практики не сохраняются – имеют место неформально организованные практики, нередко латентные [Соловьев, Миллер, 2017]. Более того, в российском случае (впрочем, не только в российском) такие практики при отсутствии качественных институтов власти, признаются исследователями свойством государственного института, несмотря на то что «при подобной системе слабо агрегированы общественные интересы» [Миллер, 2016].

Зона власти

Как мы отмечали выше, наши эмпирические исследования показали, что россияне воспринимают политику как некое «место», ограниченное и закрытое, как своего рода «зону»¹, где действуют политики – не ради общего блага, а ради реализации и достижения личных или узкогрупповых, корпоративных целей; при этом россияне не увязывают существующий властный порядок с порядками правовым и моральным (расхожее определение

¹ Зона (от греч. ζώνη «пояс») – область, характеризующаяся какими-нибудь общими свойствами, признаками.

респондентов: «политика – грязное дело», т.е. явление, ничего общего ни с правом, ни с моралью не имеющее)¹.

По существу, институционализированное политическое пространство в представлениях россиян замещено *зоной власти*. Используя данную терминологию, мы следуем предложенной И. Гофманом традиции зонирования пространства, заложенной американским социологом в главе «Зоны и зональное поведение» его классической работы «Представление себя другим в повседневной жизни» [Гофман, 2000].

За точку отсчета при определении границ зоны Гофман берет индивидуальное исполнение, относительно которого структурируется пространство, распадаясь, в первую очередь, на передний и задний планы: «Исполнение индивида в зоне переднего плана можно рассматривать как усилие создать впечатление, будто его деятельность в этой зоне воплощает и поддерживает определенные социальные нормы и стандарты» [там же, с. 122]. Исследователи отмечают, что «зоны имеют свои характеристики, которые определяют возможности актора создавать и поддерживать впечатление, – они имеют определенную «обстановку», «декорации», тщательно продуманный внешний вид и внешнее выражение (включая манеры, речь и т.п.) самого действующего лица. В закулисной зоне проявляются скрываемые от публики факты, такие, например, как усилия по подготовке индивидуального или командного представления на авансцене. Предполагается, что «закулисная зона» – та, которая не используется для управляемого создания впечатления перед аудиторией» [Чернявская, 2008, с. 330].

Заметим также, что И. Гофман фокусировался на изучении «малых групп» – замкнутых социальных пространств как совокупности горизонтальных и вертикальных отношений между единицами, организующими деятельность для достижения определенных

¹ К сходной картине российской реальности, исходя из иных теоретико-методологических установок, приходят исследователи проблем реформирования системы управления в России. Они констатируют, что, по мнению большинства граждан, «система управления ориентируется не на дело, а на отчетность перед вышестоящей инстанцией, что руководство использует ресурсы организации в личных целях, а руководящий состав превращается в междусобойчик, в клику, что руководство ориентируется не на дело, а на сохранение власти, что при подборе кадров руководствуются не деловыми качествами людей, а личной преданностью» [Россия: Реформирование... 2017, с. 336–337].

целей на основе моральных и иных общекультурных ценностей, осуществляющими асимметричный социальный контроль над распределением ресурсов и применением власти, с точки зрения управления создаваемыми там впечатлениями и определения ситуации.

По мнению Э. Гидденса, «...деление на передний и задний планы никоим образом не совпадает с границей, существующей между обособлением (сокрытием, утаиванием) личностных аспектов и их разоблачением. Задние планы представляют собой важный ресурс, рефлексивно используемый влиятельными и не очень индивидами для обеспечения и поддержания психологической дистанции между их собственными взглядами на социальные процессы и теми трактовками, которые встречаются в официальных нормах» [Гидденс, 2003, с. 194].

Одним из наиболее существенных препятствий (если не главным) для формирования универсального политического порядка в современной России является дуализм российского политического сознания и политической культуры – противоречие между поверхностной современностью и глубоким архаизмом. Этот дуализм лежит в основе российских социальных практик и влияет на выработку позиций по отношению к власти и актуальной политике. Социальные и политические инновации оцениваются по архаичной системе критериев. Политическая активность как атрибут современной политики относится к «внешнему» слою нормативно-ценностного комплекса, конфликтующему с традиционалистским «ядром» российской культуры [Патрушев, Филиппова, 2017].

В результате в современной России не может сформироваться институционализированное политическое поле, а вместо него сложилась деформализованная неполитическая зона власти, т.е. российская политика представляет собой, по сути, квазиполитику. Перечислим основные характеристики зоны власти, полученные на основании теоретического анализа и обобщения некоторых эмпирических данных.

Первое: зона власти формируется *кликами*, которые складываются на социальном (межличностном) уровне и в процессе иерархизации переносят неформальные нормы и практики на социальный уровень, на уровень потенциального бытования политики.

Второе: зона власти обеспечивает *неполитическое господство* преимущественно с помощью силы и денег, связей и «понятий» – так российские люди понимают действия существующей

власти. Российская власть ничем не ограничена и не принадлежит гражданам.

Третье: *акторы зоны власти не являются политическими, не обладают выраженной и четкой идеологией и, по существу, не имеют политической идентичности, замещая ее лояльностью к принципам кликовой организации.* Лояльность и личные связи определяют доступ в зону власти.

Наконец, зона власти принципиально *ограничена и блокирует массовое вовлечение граждан в политические практики*, вытесняя институты политического представительства механизмами исключения на основе доминирования указанного принципа лояльности. Универсальные нормы (правопорядок) подменяются ситуативными договоренностями, а принятие политических решений – администрированием.

Важным для понимания сущности сложившейся в России зоны власти является вопрос о соотношении между кликой, сетевой структурой, патрон-клиентскими отношениями, клиентелой. Социологически клика означает сообщество «своих», действующих на основе личного доверия и «сговора» в обход закона, формальных правил. Патрон-клиентская клика – одна из разновидностей вертикальной клики, не всегда самая распространенная, есть и другие виды вертикальных и горизонтальных клик [см.: Патрушев, Хлопин, 2007].

Клиентела [см.: Патрон-клиентские отношения... 2016] является своего рода предысторией клики и в этом качестве придает последней квазитрадиционные, если не архаичные, черты. Социальная солидарность и гражданская ответственность россиян подменяются личной преданностью семейного и дружеского типа, что воспроизводит дополитическое и, соответственно, дообщественное (досоциетальное) состояние социума, элементы архаического сознания – как условия устойчивости зоны власти и кликового типа организации [Патрушев, Филиппова, 2017].

Таким образом, зона власти препятствует завершению институционализации и политической интеграции на социетальном уровне.

Можно полагать, что политика (внутренняя и внешняя, экономическая, социальная, культурная, научная, образовательная, технологическая и т.д.), обеспечивающая современный тип развития России, невозможна без конституирования политического пространства и политического порядка, что означает:

- образование (прото)политического сообщества, структурированного нормативно-ценностной и проектной идентификацией индивидуальных и коллективных акторов и их возможностями влиять на ход и результаты политики;

- идеологическое оформление политических идентичностей (расколов);

- формулирование политических программ развития социальной направленности;

- расширение политического участия;

- правовую универсализацию конвенций и «правил игры» в виде легитимных и действующих законов;

- утверждение политического института государства как властного, политико-культурного, нормативно-процедурного порядка, отражающего относительно стабильное состояние общества.

Насколько российские реалии соответствуют характеристикам идеал-типической модели политического пространства и политического порядка, каков потенциал политической трансформации и институционализации власти? Иными словами, каковы перспективы политики в России?

В поисках стратегии политического развития России

Исследования, проведенные в рамках проектов РГНФ, ИСП РАН и ИС РАН 1996–2015 гг., показали, что последние два десятилетия в России в публичном дискурсе в качестве нормативно-ценностных оснований российского социума преобладают выгода, сила и т.п., оттесняя закон, свободу, традицию и мораль, доверие и равенство.

Выгода сохраняет лидерство в ценностном пространстве России с середины 1990-х годов, она маргинализирует прочие нормативно-ценностные ориентации. В 2000-е годы, с приходом к власти «силовика» В. Путина, слегка снижалось значение силы и несколько повышалось – закона.

Но если задать вопрос не о «сущем», а о «должном» основании социума, обнаруживается кардинальное изменение выбора респондентов из предложенного им нормативно-ценностного набора: декларируя приверженность «популярным» словам и даже ориентируясь на них практически, люди этого не слишком хотят.

Ценности переворачиваются радикальным образом, и наименее желаемой оказывается та же выгода, та же сила, даже собственность и личный успех. Можно трактовать это как разрыв легитимности: социальный порядок латентно не легитимизируется людьми. Но можно поставить вопрос по-иному: это свидетельство необходимости выстраивать отношения на основе желаемых предпочтений людей.

Насколько реализуем подход, ориентирующийся на устойчивые нормативно-ценностные структуры России?

Осенью 2017 г. председатель Высшего совета партии «Единая Россия» кандидат политических наук Б. Грызлов представил руководству партии доклад под названием «Справедливость. Ответственность. Доверие» [Дорофеев, 2017]. «Мы иногда упрощенно представляем себе ожидания граждан и думаем, что современное общество сконцентрировано только на прагматизме и материальных вещах. Ни в коем случае не отрицая их, хочу сказать, что категории идеальные, категории справедливости и доверия, и осознание ответственности определяют многие настроения в обществе», – заявил руководитель группы по государственно-партийному строительству В. Плигин [Плигин... 2017].

Судя по сообщениям прессы [Гурова, Обухова, Скоробогатов, 2017], в неопубликованном докладе под справедливостью понимается «системная реализация возможностей и прав граждан в их саморазвитии и самореализации, прозрачность и удобство правовой системы, адекватный доступ к развитому социальному капиталу и социальным лифтам». Эта ценность отражает противопоставление культуре патернализма и обеспечивает не материальное равенство, а последовательное соблюдение гражданских прав. Ответственность означает «совместную деятельность различных сообществ и культур, организаций и объединений, основанную на идеях партнерства, единства “общего дела”, способность отвечать за судьбу страны и ее развитие». Ее необходимо культивировать внутри как общества в целом, так и каждого из его элементов, в качестве фундамента устойчивой политической системы и эффективных управленческих институтов. Доверие отражает готовность следовать принятым в обществе правилам, которые ассоциируются с единством, порядочностью и последовательностью; без доверия невозможно ни существование социальных институтов, ни эффективное государственно-политическое строительство. Ни справедливость,

ни ответственность не могут быть достигнуты без доверия. Современное российское общество по целому ряду критериев расколото на «своих» и «чужих»; наряду с вопросами национальной, религиозной, идеологической принадлежности поводом для розни и разделения оказываются также вопросы истории и культуры, экономики и искусства. Однако именно коллективное доверие и публичная сфера, открытая для дискуссии, свободного обсуждения и даже программной конкуренции, позволит преодолеть эти расколы.

В центр государственно-политического строительства предлагается поставить развитие человека и объединяющие граждан ценности, а не инструменты контроля и логику рыночной эффективности «...Эпоха, когда политика сводилась к действию упорядоченных бюрократических машин, осталась в прошлом. Современное государственно-политическое строительство – эволюционный процесс, требующий постоянной оптимизации собственных инструментов и глубокого понимания проблем и вызовов, возникающих перед обществом и развивающейся социальной средой». Эти вызовы охватывают «четыре проблемных поля, связанных с легитимностью управления, институтами представительства, гражданской активностью и человеческим капиталом» [Плигин... 2017].

«Для эффективного функционирования государственных институтов и их работы в рамках ценностной триады “Справедливость, Ответственность, Доверие” необходимо развитие институтов прямой демократии и политической конкуренции, общественно полезное гражданское участие, например, волонтерство и местное самоуправление», этому «может поспособствовать ряд административных и законодательных решений, связанных с законодательной поддержкой волонтерства, популяризацией местного самоуправления и налаживанием взаимодействия местных органов власти с гражданами», – заключил Плигин [там же].

Слова «справедливость», «доверие», «уважение» активно использовал президент России В.В. Путин в своем послании Федеральному собранию 1 декабря 2016 г. «...люди рассчитывают... на уважение к себе, к своим правам, свободам, к своему труду. <...> Принципы справедливости, уважения и доверия универсальны. <...> Любая несправедливость и неправда воспринимаются очень остро. <...> Общество... все больше ценит такие качества, как ответственность, высокая нравственность, забота об общественных интересах, готовность слышать других и уважать их мнение. <...> Можно ли достойно раз-

вливаться на зыбкой почве слабого государства и управляемой извне безвольной власти, потерявшей доверие своих граждан? Ответ очевиден: конечно, нет», – говорил президент [Послание... 2016].

Публичное позиционирование этих позиций показывает, что даже устоявшийся официальный дискурс в принципе может меняться. Если такие идеологические перемены утвердятся, останется вопрос о результативности реализации «нового курса», который совершенно отличен от существующих практик и тенденций.

Исследования коллег-социологов показывают, что «сложившаяся в стране система управления находится в критическом состоянии», что делает ее «непригодной для достижения каких-либо рациональных инновационных действий» [Россия: Реформирование... 2017, с. 90]. Группы населения с высшим образованием констатируют отчуждение на местах значительного числа руководителей от исполнителей, частую подмену управления командованием или сговором, присутствие в действиях руководителей признаков коррупции и т.п., а также явное превалирование властной составляющей во властно-управленческой вертикали и административно-командный характер российской системы управления [там же, с. 118].

Авторы новейшего исследования российской власти приходят к выводу, что «реальная система управления в стране с ее подсистемами в регионах обладает исключительно низкой чувствительностью к спонтанным процессам социокультурного группообразования (например, этническим, религиозным, миграционным, протестным, волонтерским, политическим, культурно-творческим и т.п.), что является свидетельством ее неадекватности социальным изменениям и чревато непредвиденными последствиями. Застойное состояние пирамид территориального управления (властной, экономической и административной) связано с тем, что они строятся сверху вниз в интересах сохранения своего господствующего положения, неоправданно увеличивают дистанцию власти и становятся неспособными поддерживать самоорганизацию территориальных общностей, принижая фундаментальную роль местного самоуправления» [там же, с. 343].

На исходе 2010-х годов в России отсутствовала политика как отдельная сфера производства альтернатив общественного развития, которые бы формулировались и продвигались политическими акторами в публичном пространстве, формировали по-

люса, притягивающие сторонников и отталкивающие противников разных точек зрения. Как отмечают исследователи, «страна замерла в ожидании положительных перемен и боится, как бы не вышло хуже» [Россия: Реформирование... 2017, с. 336].

Политико-культурологический и исторический анализ показывает, что российский социокультурный дуализм обуславливает воспроизводство властных отношений и препятствует формированию универсального политического порядка. Его перспективы просматриваются с трудом. В данный момент можно оценивать лишь условия продвижения в направлении создания как гражданского общества на основе солидарности граждан, так и политического института государства. Эти условия, вытекающие из представленного ранее анализа, в чем-то параллельны идеям, сформулированным теоретиками партии власти, в чем-то пересекаются с ними.

Наиболее существенными условиями являются: сдвиг в публичном дискурсе от ценностей выгоды, личного успеха, собственности, силы к ценностям доверия, равенства, справедливости, свободы, солидарности – своего рода «моральная революция»; эмпауэрмент – становление гражданина, обладающего навыками реализации прав и свобод, политических действий, направленных на трансформацию институтов; универсализация действующих норм на основе верховенства права. В совокупности речь идет об обновленной интеграции на социетальном уровне. Оценка перспектив, степени и масштаба реализации этих условий должна быть предметом дальнейших исследований.

Список литературы

- Афанасьев М.Н.* Клиентелизм и российская государственность: Исследование клиентарных отношений, их роли в эволюции и упадке прошлых форм российской государственности, их влияния на политические институты и деятельность властвующих групп в современной России. – 2-е изд., доп. – М.: Московский общественный научный фонд, 2000. – 318 с.
- Барсукова С.Ю.* Эссе о неформальной экономике, или 16 оттенков серого. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. – 215 с.
- Бурдые П.* О государстве: Курс лекций в Коллеж де Франс (1989–1992) – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2016. – 720 с.
- Бурдые П.* Социальное пространство: Поля и практики. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005. – 576 с.

- Гидденс Э. Устройство общества: Очерк теории структуриации. – М.: Академический проект, 2003. – 528 с.
- Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. – М.: КАНОН-пресс-Ц: Кучково поле, 2000. – 304 с.
- Граждане и политические практики в современной России: Воспроизводство и трансформация институционального порядка / [ред. колл.: С.В. Патрушев (отв. ред.), С.Г. Айвазова, П.В. Панов]. – М.: РАПН: РОССПЭН, 2011. – 318 с.
- Гражданское и политическое в российских общественных практиках / Под ред. С.В. Патрушева. – М.: РОССПЭН, 2013. – 524 с.
- Гурова Т., Обухова Е., Скоробогатый П. Страна для всех // Эксперт. – М., 2017. – № 43. – Режим доступа: <http://expert.ru/expert/2017/43/strana-dlya-vseh/> (Дата посещения: 01.02.2018.)
- Дорофеев К. Борис Грызлов ищет способы преодоления раскола в обществе. Высший совет «Единой России» хочет предложить свою доктрину государственно-партийного строительства // Известия. – М., 2017. – 18 сентября. – Режим доступа: <https://iz.ru/646910/konstantin-dorofeev/boris-gryzlov-ishchet-sposoby-preodoleniia-raskola-v-obshchestve> (Дата посещения: 01.02.2018.)
- Зиммель Г. Социальная дифференциация // Зиммель Г. Избранное. – М.: Юрист, 1996. – Т. 2: Созерцание жизни. – С. 301–465.
- Евсеева Я.В. Концепция зависимости от траектории предшествующего развития: Основные положения и критика: Аналитический обзор // Политическая наука / РАН. ИНИОН. – М., 2017. – № 3. – С. 41–57.
- Институциональная политология: Современный институционализм и политическая трансформация России / Под ред. С.В. Патрушева. – М.: ИСП РАН, 2006. – 586 с.
- Кордонский С.Г. Рынки власти: Административные рынки СССР и России. – 2-е изд. – М.: ОГИ, 2006. – 239 с.
- Лысенко О.В. Игрок в политическом поле // Материалы конференции «Пермская элита: История, развитие, современное состояние» (Январь–февраль 2003 г.) – Режим доступа: http://elis.pstu.ru/index.php?a=9&pod_id=29&pod3_id=241 (Дата посещения: 01.02.2018.)
- Массовая политика: Институциональные основания / Под ред. С.В. Патрушева. – М.: Политическая энциклопедия, 2016. – 287 с.
- Миллер Т.В. Институты и сетевые практики в принятии государственных решений в России // Власть. – М., 2016. – № 12. – С. 93–98.
- Модернизация и политика в XXI веке / Ред. колл.: В.К. Коломиец, Ю.С. Оганисян, С.В. Патрушев; отв. ред. Ю.С. Оганисян; Ин-т социологии РАН. – М.: РОССПЭН, 2011. – 335 с.
- Новые направления политической науки: Гендерная политология. Институциональная политология. Политическая экономия. Социальная политика / Отв. ред. С.Г. Айвазова, С.В. Патрушев. – М.: РАПН: РОССПЭН, 2007. – 341 с.
- Панов П.В. Институты, идентичности, практики: Теоретическая модель политического порядка. – М.: РОССПЭН, 2011. – 230 с.
- Панов П.В. Институциональные основания устойчивости и фрагментации политического порядка в постсоветской России. – Пермь: ЗУИЭП, 2008. – 243 с.

- Патрон-клиентские отношения в истории и современности: Хрестоматия. – М.: Политическая энциклопедия, 2016. – 415 с.
- Патрушев С.В., Филиппова Л.Е. Дуализм массового сознания и типология массовой политики // Политическая наука / РАН. ИНИОН. – М., 2017. – № 1. – С. 13–37.
- Патрушев С.В., Хлопин А.Д. Социокультурный раскол и проблемы политической трансформации России // Россия реформирующаяся. – М.: Институт социологии РАН, 2007. – Вып. 6. – С. 301–318.
- Плигин: Общественная активность определяет государственно-политический ландшафт страны // Единая Россия: Официальный сайт партии. – 2017. – 22 декабря. – Режим доступа: <http://er.ru/news/162899/> (Дата посещения: 01.02.2018.)
- Полтерович В.М. Элементы теории реформ. – М.: Экономика, 2007. – 447 с.
- Послание Президента Федеральному Собранию // Президент России [Официальный сайт]. – 2016. – 1 декабря. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/53379> (Дата посещения: 01.02.2018.)
- Пространство в России: Круглый стол // Отечественные записки. – М., 2002. – № 6 (7). – Режим доступа: <http://www.strana-oz.ru/2002/6/prostranstvo-v-rossii> (Дата посещения: 01.02.2018.)
- Пушкарева В.Г. Политическое пространство: Проблемы теоретической концептуализации // Полис. Политические исследования. – М., 2012. – № 2. – С. 166–177.
- Россия: Реформирование властно-управленческой вертикали в контексте проблем социокультурной модернизации регионов / Отв. ред. А.В. Тихонов. – М.: ФНИСЦ РАН, 2017. – 432 с.
- Россия в процессе реформ: Социально-политические аспекты / Российская академия наук. Институт социологии; отв. ред. Ю.С. Оганисян. – М.: Современная экономика и право, 2009. – 368 с.
- Скоробогачкий В.В. Институциональные ловушки в политике // Вопросы политологии и социологии. – М., 2011. – № 1 (1). – С. 29–40.
- Соловьев А.И., Миллер Т.В. Латентная сфера политики: Версия теоретической идентификации // Государственное управление: Электронный вестник. – М., 2017. – Вып. 63, август. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/latentnaya-sfera-politiki-versiya-teoreticheskoy-identifikatsii> (Дата посещения: 01.02.2018.)
- Солодкая М.С. Типология концептов политического пространства // Труды Оренбургского института (филиала) МГЮА. – Оренбург, 2016. – Вып. 28. – С. 10–17.
- Социальные сети доверия, массовые движения и институты политического представительства в современной России: Опыт «старых» и «новых» демократий в условиях глобализации: Научный доклад (I) / С.В. Патрушев, С.Г. Айвазова, Г.Л. Кертман, К.М. Клеман, Л.Я. Машезерская, О.А. Мирясова, Т.В. Павлова, А.Д. Хлопин, Г.А. Цысина, Н.Д. Фатеева. – М.: Институт социологии РАН, 2006. – 104 с. – Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19462494> (Дата посещения: 01.02.2018.)
- Социальные сети доверия, массовые движения и институты политического представительства в современной России: Опыт «старых» и «новых» демократий в условиях глобализации: Научный доклад (II) / С.В. Патрушев, С.Г. Айвазова,

- Г.Л. Кертман, К.М. Клеман, Л.Я. Машезерская, О.А. Мирясова, Т.В. Павлова, А.Д. Хлопин, Г.А. Цысина, Н.Д. Фатеева. – М.: Институт социологии РАН, 2007. – 185 с. – Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20147625> (Дата посещения: 01.02.2018.)
- Тенденции и проблемы развития российской политической науки в мировом контексте: Традиция, рецепция и новация / Отв. ред. О.В. Гаман-Голутвина, С.В. Патрушев. – М.: Политическая энциклопедия, 2018. – 477 с.
- Филиппов А.Ф. Пространство политических событий // Полис. Политические исследования. – М., 2005. – № 2. – С. 6–25.
- Филиппов А.Ф. Где живет политика // Полит. ру. – 2012. – 20 сентября. – Режим доступа: <http://polit.ru/article/2013/06/18/filippov/> (Дата посещения: 01.02.2018.)
- Цветкова О.В. Концепции политического пространства: Центр и периферия // Вектор науки ТГУ. – Тольятти, 2014. – № 1. – С. 171–173.
- Чернявская О.С. Социальное пространство: Обзор теоретических интерпретаций // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – Н. Новгород, 2008. – № 5. – С. 329–335.
- Hendriks E.C. Regime theory: A preliminary sketch // Regime: Uncovering the fundamental order of radically different societies. – Mode of access: <http://regimetheory.eu/#linkTheTheory> (Accessed: 01.02.2018.)
- Martin J.L. What is field theory? // American journal of sociology. – Chicago, 2003. – Vol. 109, N 1. – P. 1–49.
- Ostrom E. Institutional analysis and development: Elements of the framework in historical perspective // Historical developments and theoretical approaches in sociology: Encyclopedia of Life Support Systems (EOLSS). – 2010. – Vol. 2. – Mode of access: <http://www.eolss.net/sample-chapters/c04/e6-99a-34.pdf> (Дата посещения: 01.02.2018.)
- Ostrom E. Understanding institutional diversity. – Princeton: Princeton univ. press, 2005. – 355 p.
- Political field theory // Complexity labs. – Mode of access: <http://complexitylabs.io/political-field-theory/> (Дата посещения: 01.02.2018.)
- Regime: Uncovering the fundamental order of radically different societies. – Mode of access: <http://regimetheory.eu/#linkTheTheory> (Accessed: 01.02.2018.)
- Schmitt C. Der Begriff des Politischen. Mit einer Rede über das Zeitalter der Neutralisierungen und Entpolitisierungen. – München; Leipzig: Verlag Von Duncker & Humblot, 1932. – 84 S.
- Torre Ch. G. Introduction to classical field theory // All complete monographs. 3. – Logan: Utah state univ., 2016. – Mode of access: https://digitalcommons.usu.edu/lib_mono/3 (Дата посещения: 01.02.2018.)

С.Г. Айвазова*

**ГЕНДЕР: ГРАНИЦА И / ИЛИ ИЗМЕРЕНИЕ
ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОЛЯ.
ПЕРЕЧИТЫВАЯ КЛАССИКОВ¹**

Аннотация. В статье анализируются вопросы взаимосвязи / взаимозависимости сфер политического и гендерного. По рецепции мыслительных разработок классиков политической социологии Х. Арендт, П. Бурдьё и др. описываются механизмы разведения структур «политического поля» и «зоны власти» как публичного – маскулинного, где бытуют свобода, равенство, право голоса, и частного – феминного, где господствуют необходимость, неравенство и насилие. На этой основе автор показывает, каким образом гендерная поляризация и субординация превращаются в акты символического насилия, обеспечивающего стабильность социальных иерархий даже тогда, когда социальные и политические изменения ставят под вопрос само их существование. В качестве примера используется тема гендерного передела политического поля, ставшая в повестку дня в Новое время и получившая в наши дни особую актуальность и значимость для развития социальных практик всех тех, кто стремится к обретению политической субъектности.

Ключевые слова: политическое поле; власть; гендер; гендерное равноправие; габитус; символическое насилие.

* **Айвазова Светлана Григорьевна**, доктор политических наук, главный научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), e-mail: svetlana-ajvazova@yandex.ru

Aivazova Svetlana, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), e-mail: svetlana-ajvazova@yandex.ru

¹ Работа подготовлена в рамках исследовательского проекта «Конституирование поля политики в России: институциональный анализ» (грант РГНФ/РФФИ № 17-03-00446).

S.G. Ayvazova
Gender: the border and / or dimension of the political field.
Rereading the classics

Abstract. The article analyzes the relationship / interdependence of politics and gender. According to the reception of reflections of classics of political sociology, such as H. Arendt, P. Bourdieu and others, the mechanisms of differentiation between structures of «political field» and «zone of power» are described in terms of public – masculine, where freedom, equality, voting rights exist, and private – feminine, dominated by need, inequality and violence. On this basis the author shows how gender polarisation and subordination become acts of symbolic violence that ensures the stability of social hierarchies even when social and political changes call into question their very existence. As an example, gender redistribution of political field is considered, which became relevant in the modern era and has recently acquired a special relevance and significance for the development of social practices of those who seek political subjectness.

Keywords: political field; power; gender; gender equality; habitus; symbolic violence.

Вопрос о взаимосвязи / взаимозависимости «гендерного» и «политического» трактуется и описывается исследователями по-разному: одни считают гендер границей политического поля; другие видят в нем одно из его измерений; третьи включают в анализ «политического» обе эти характеристики. В этой работе мне хотелось бы уточнить, как рассматривали разные грани этого вопроса классики гендерной и политической социологии с тем, чтобы найти в их подходах некий общий знаменатель, позволяющий полнее раскрыть особенности и способы бытования и гендера как института, и феномена политического поля как сложного, дифференцированного, многомерного пространства.

Начну с самых общих определений того, что такое: а) «граница», б) «измерение». Толковый словарь русского языка Ушакова называет «границей» «линию водораздела между двумя владениями, областями». Кроме того, поясняется, что «граница – это предел, допустимая норма» [Граница]. Понятие «измерение», в свою очередь, определяется через глаголы: «измерить – измерять. 1. Измерение роста. 2. Измеряемая величина, протяжение (мат.). Куб имеет три измерения: длину, высоту и ширину» [Измерение], т.е. измерение позволяет делать заключения о величине, размерах чего-либо. Судя по определениям, явление физическое не может быть одновременно и границей, и измерением. Однако с социаль-

ными явлениями все выглядит не так однозначно – они способны парадоксальным образом сочетать в себе обе эти характеристики. Но прежде чем это показать, для ясности анализа имеет смысл остановиться еще и на том, как трактуются в классической литературе понятия «политического» и «гендерного».

Пьер Бурдьё, автор концепта «политического поля», видел в нем и «поле символической борьбы, где профессионалы представления (во всех смыслах этого слова) противостоят друг другу по поводу какого-то иного поля символической борьбы». И место, где «в конкурентной борьбе между втянутыми в нее игроками рождается политическая продукция: программы, анализы, комментарии, концепции, из которых и должны выбирать обычные граждане, низведенные до положения «потребителей», и «тем скорее рискующие попасть впросак, чем более удалены они от самого места подобного производства» [Бурдьё, 1993, с. 182]. В этом поле и вокруг него специфическим образом выстроены позиции (у Бурдьё – «диспозиции», «dispositions») тех, кто властью обладает (доминирующий), и тех, кто лишен власти (доминируемый). Первые (игроки в политическом поле) навязывают вторым (потребителям, очевидно, находящимся за его границами) свое видение картины мира, распределения политических сил, признания или непризнания механизмов легитимного и символического насилия. Российский социолог А. Филиппов уточняет, что в политическом поле «люди противостоят друг другу как группы», которые вступают в жесткую политическую борьбу, и в случае победы переопределяют, или «переучреждают», сложившийся политический порядок [Филиппов, 2013]. То есть в этом поле действуют только те, кто способен существовать и бороться в нем «как группа». А как воздействуют, и воздействуют ли, на политическое поле те, кто не могут сложиться в «группу», а потому находятся вне него?

Возникающие недоумения имеют непосредственное отношение, в числе прочего, к проблеме гендерных характеристик политического поля – как его границы и (или) его измерения. Сама эта проблема предопределена тем, что гендер, в первую очередь, является институтом, который предназначен для воспроизводства властных отношений социального неравенства, обусловленного разными статусами (диспозициями) мужчин и женщин. На этом основании политический историк Дж. Скотт делает заключение, что «политика конструирует гендер, а гендер конструирует поли-

тику» [Скотт, 2001 а, с. 426]. Политические подходы и решения определяют характер нормативных предписаний для тех или иных иерархически выстроенных социальных ролей, назначаемых мужчинам и женщинам. Эти роли, в свою очередь, становятся основой для социального конструирования биологической реальности. Иными словами, «политическая история... разыгрывается на поле гендера» [там же, с. 430]. Везде и всегда, пока сохраняются гендерные иерархии. И с этой точки зрения гендер не может не быть измерением политического поля.

Но наряду с этим Дж. Батлер, одна из основательниц гендерной политологии, рассматривает гендер, прежде всего, как институт, четко разводящий мужское, «маскулинное», которое кодируется как собственно «политическое», публичное, и женское, «феминное» – как приватное, «до-» или «вне-» политическое. То есть «конститутивное внешнее» по отношению к основному, фиксирующее границы политического поля [Дж. Батлер, 2001, с. 256]. Дж. Батлер подчеркивает: «Основания политики (универсальность, равенство, правовой субъект) выстроены через акты немаркированных расовых и гендерных исключений и путем слияния политики с публичной жизнью, где приватное (репродукция, сфера феминного) раскрывается как до-политическое» [там же]. Значит, гендер – это граница политического, символически разделяющая мир на «игроков» в политическом поле и «потребителей», которым приходится вольно или невольно подчиняться их решениям.

Почему это так? Наиболее убедительный ответ на этот вопрос, на мой взгляд, можно найти в известной работе Ханны Арендт «*Vita activa*, или О деятельной жизни». С присущей ей способностью восходить к истокам изучаемого феномена, проясняя его порой ускользающую суть, Арендт связывает возникновение публичного политического пространства с **его отделением** от пространства родового, семейного, складывающегося со временем в сферу частного. Ссылаясь на Аристотеля, она утверждает, что «основанию полиса предшествовало уничтожение всех союзов, опиравшихся, подобно *фратрии* или *филе*, на природно-естественное начало, т.е. на семью и кровное родство» [Арендт, 2000, с. 34]. А потому, в согласии с греческой философской мыслью, человеческую способность к политической организации надлежит не только отделять от природного общежития, в средоточии

которого стоят домохозяйство и семья, но даже подчеркнуто противопоставлять ему.

По мнению Х. Арендт, становление полиса, предопределившего смыслы современного понимания политического, имело следствием рождение гражданина, который помимо своей частной жизни получил своего рода вторую жизнь. Арендт разъясняла: каждый гражданин отныне принадлежал двум порядкам существования, и его жизнь характерным образом строго делилась на то, что он называл своим собственным, и то, что оставалось общим. Гражданин как таковой обретал особые, именно политические, качества: он становился способным на действие и речь. Причем первое и второе качества рассматривались как равноценные. Арендт уточняла свою мысль: «...говорение и действие считались одинаково изначальными и равновесными, они были равного рода и равного ранга. И это не потому лишь, что всякое политическое действие, когда оно не пользуется средствами насилия, осуществляется, очевидно, через речь, но также и в том, еще более элементарном смысле, что именно отыскание нужного слова в нужный момент, совершенно независимо от его информирующего и коммуникативного содержания для других людей, есть уже действие. Глухо только насилие, и по этой причине голое насилие никогда не может претендовать на величие» [Арендт, 2000, с. 36]. Отсюда – сама формула «право голоса» и ее значимость для становления и концепта, и феномена «политического».

Жизнь вне полиса, вне логоса, т.е. без права «на голос», оставалась в таком случае уделом женщин, детей и рабов. Особенностью этого удела являлся, по словам Арендт, «до-политический способ обхождения» – принуждение силой, приказы, а не убеждения, любые формы насилия. Они применялись главами семейств, можно сказать, в их «зоне власти» – в обращении с домочадцами, а также, по важнейшему замечанию Арендт, «в варварских государствах Азии, чью деспотическую форму правления часто сравнивали с организацией домохозяйства и семьи» [там же, с. 37]. Этим объясняется отличительная форма такого правления – абсолютное, непререкаемое господство отца семейства, которое было недопустимым внутри политического поля, где оно расценивалось как *contradictio in adiecto* («противоречие в определении»).

Арендт подчеркнуто заостряет тот факт, что обретение мужчинами качеств политического субъекта сопровождалось объекти-

вацией женщин и являлось неизбежным условием возникновения полиса – прообраза того, что принято считать политическим. Этого явления субъективации одних за счет объективации других не знали в восточных деспотиях, где подданными (а значит – объективированными) в равной мере были и мужчины, и женщины. И где все было сплошной «зоной власти».

Разъясняя свою позицию, Арендт утверждает, что у греческих философов разведение политического пространства и пространства домохозяйства, частной жизни, мыслилось как разведение сфер свободы и необходимости. По ее словам, местопребывание свободы, **как основания «действия в смысле свободного поступка»** [Арендт, 2000, с. 54], располагается исключительно в сфере политической, а необходимость – это до-политический феномен, характеризующий сферу домашнего хозяйства, бывшего поначалу основным средоточием экономики, или собственно экономического. В этом хозяйстве «по предписанию природы» (или в соответствии с «естественным назначением») забота о пропитании и поддержании жизни лежит на мужчинах, а о воспроизводстве рода – на женщинах. Именно поэтому совместная жизнь в домохозяйстве продиктована необходимостью, которая пронизывает собой все виды деятельности в этой сфере. Чтобы преодолеть давление необходимости, греки прибегали к принуждению и насилию в отношении домочадцев – женщин, детей, рабов. Они видели в домашнем насилии своего рода ресурс для достижения свободы в полисе. И как следствие, подчеркивает Арендт, полис отличался от сферы домашнего хозяйства еще и тем, что в нем жили равные, тогда как порядок домохозяйства опирался исключительно на неравенство. Бытие свободным исключало как господство, так и подневольность. В то же время внутри сферы домохозяйства вообще не могло быть свободы, даже для главы семьи, который считался свободным лишь потому, что мог оставить хозяйство и подняться на агору – в политическое пространство, где оказывался в среде себе равных.

Это равенство внутри полиса, подчеркивает Арендт, имеет мало общего с современной идеей эгалитарности. Хотя античное равенство предполагало, что гражданин имеет дело только с равными себе, считалось само собой разумеющимся наличие «неравных», которые составляли большинство населения в городах-государствах. «Неравные» – женщины и рабы – шли по одной статье, вместе они образовывали семейство, вместе держались в тени

или даже потаенности, но не просто потому, что были собственно-стью, а потому, что их жизнь была «трудовой», определяющейся и вынуждаемой «низкими» функциями тела [Арендт, 2000, с. 41–42].

Арендт заключает, что для Античности решающим было то, что все приватное есть лишь «приватное» (т.е. то, чего человек лишен), что человек в нем, как показывает само это понятие, живет в состоянии экономического принуждения, обыденности, т.е. отсутствия высших возможностей и способностей. У греков тот, кто не знал ничего кроме приватной стороны жизни, кто подобно рабам не имел доступа к общественному, или, подобно варварам, даже не учреждал публичную сферу, собственно человеком и не был [там же, с. 51]. Таким образом, Арендт, которую трудно заподозрить в склонности к гендерному анализу (а в этом ее неоднократно упрекали поборники феминизма [Диц, 2005, с. 323]), очень четко обозначает границу того феномена политического, которое возникало в древнегреческих полисах, осмыслялось античными философами и в чем-то стало матрицей для современных представлений о политическом как таковом. Эта граница у Арендт пролегает между сферами публичного – маскулинного, где бытуют свобода, равенство, право голоса, и приватного – феминного, где господствуют необходимость, неравенство и насилие.

Но в такой конструкции гендер служит не просто границей сфер публичного, политического и приватного, он еще и показатель, или измеритель, их **качественного** состояния. В одном случае, зоны соперничества, конкуренции голосов равных и свободных граждан; в другом – зоны господства главы семейства и «до-политического принуждения», в котором он держал своих домочадцев.

Арендт отмечает, что после распада Римской империи, в эпоху Средневековья, политическое, как публичное, по сути вытесняется полем религиозного, взявшего на себя функцию определения общих целей. Возвращение политического на круги своя начинается в Новое время. При этом происходит его серьезная коррекция. Арендт уточняет, что эта коррекция была результатом возникновения в этот момент общества как такового. Почему? С выходом «домохозяйства» и «экономических» (*oikía*) видов деятельности в пространство публичного само ведение хозяйства и все занятия, прежде принадлежавшие к частной сфере семьи, теперь стали касаться всех, т.е. стали «коллективными», общественными заботами. По ее словам, в современном мире эти две области

постоянно переходят одна в другую, как волны в вечно текущем потоке жизненного процесса. Вследствие этого началось «исчезновение пропасти, через которую люди классической древности должны были ежедневно как бы перепрыгивать, чтобы выходить из тесной области домохозяйства и подниматься в круг политического» [Арендт, 2000, с. 45]. Такая открытость политического есть по существу новоевропейский феномен.

И здесь уже можно оставить в стороне размышления Арендт, подчеркнув (вслед за ней), что для нашего анализа главное заключается в следующем: Новое время, восстанавливая поле политического, но одновременно и размывая его границы по линии противостояния политического, публичного и частного, домашнего, бывшего в прошлом средоточием экономического, ставит в повестку дня вопрос о равенстве для всех, в том числе и в политическом поле, связывая его с новой темой о правах человека. То есть меняет парадигму измерения политического, переводя его из режима равенства одних за счет неравенства других в режим принципиального признания равенства для всех в обладании правом голоса. В интенции такое признание обещало обогащение, дифференциацию смыслов и усложнение структур политического. Однако не сразу и не вдруг. В частности, между принципиальным признанием гендерного равноправия и его реальной реализацией возник достаточно глубокий разрыв. Гендер оказался поразительно устойчивым институтом. Процесс выравнивания диспозиций женщин и мужчин в политическом поле затянулся на несколько столетий и все еще далек от завершения. Проиллюстрирую этот тезис конкретными историческими примерами.

В 1791 г. на волне Великой французской революции под символическим заголовком «Декларация прав женщины и гражданки» появился первый в истории документ, в котором фактически было сформулировано требование гендерной реконструкции самого представления о границах политического поля. Автор «Декларации», мало кому известная в ту пору писательница Олимпия Де Гуж, выразила это требование в соответствовавшей революционному моменту метафорической форме. Она заявила: «Если женщина имеет право взойти на эшафот, то она должна иметь право взойти и на трибуну» [Duhet, 1971, p. 13]. Революционные власти приняли всерьез только первую половину этого заявления: два года спустя Олимпию де Гуж по ложному доносу от-

правили на гильотину. Француженки же получили право «взойти на трибуну», т.е. право голоса, только 150 лет спустя, в июле 1944 г. А еще через 73 года, на парламентских выборах 2017 г., они добились реального гендерного паритета в политике, получив около 40% мест (223 из 557) в Национальной Ассамблее страны [В парламент Франции...]. Чуть ранее президент Франции Э. Макрон доверил женщинам половину министерских постов в сформированном после его избрания правительстве [Среди глав государств...].

По-своему выразителен российский случай борьбы за право женщин быть «гласными». Традиция борьбы за это право восходит к революционным дням 1905 г., когда под нажимом общества на свет появился Высочайший манифест Николая II, провозгласивший, что в стране вводится новый конституционный порядок и, как орган народного представительства, созывается Государственная дума. Опубликованный 11 декабря 1905 г. закон о порядке выборов в Думу предоставил избирательные права только мужчинам. Женщины оказались исключенными из категории граждан, обладающих политическими полномочиями. С этого момента в России в политическую повестку дня встает вопрос о равноправии женщин, о предоставлении им права избирать и быть избранными в органы власти. Бенефициариями борьбы в тот момент стали женщины Великого княжества Финляндского, находившегося под протекторатом Российской империи. Женское избирательное право было признано там уже в 1906 г., а в 1907 г. на выборах в сейм женщины получили 19 депутатских мандатов [Женское избирательное право]. Это был первый случай институционализации гендерного равноправия в Европе.

В самой России в ходе этой революции женский политический вопрос оказался как бы «подвешенным». Его решением занимались в первую очередь женские организации. Они использовали разнообразные формы коллективного действия – собрания, митинги, демонстрации, петиции в органы государственной власти, по-своему готовившие Февральскую революцию. Не случайно эта революция началась с многотысячных женских манифестаций, заставивших Временное правительство обратить уже самое серьезное внимание на политические требования женщин. Вот почему в «Официальное положение о выборах в Учредительное собрание», утвержденное Временным правительством 20 июля и вступившее в силу 11 сентября

1917 г., вошла норма, устанавливавшая, что Учредительное собрание будет избрано на основе всеобщего, без различия пола, и равного избирательного права. Больше того, в состав Временного правительства включили известную благотворительницу графиню Софью Панину, которая возглавила Министерство социального призрения. Представительница партии социал-демократов (меньшевиков) Екатерина Кускова первой из русских женщин получила статус депутата законодательного органа власти. Так столетие назад Февральская революция формально признала равноправие женщин одним из принципов функционирования российской политики. Установившаяся после октябрьских событий советская власть подтвердила верность этому принципу.

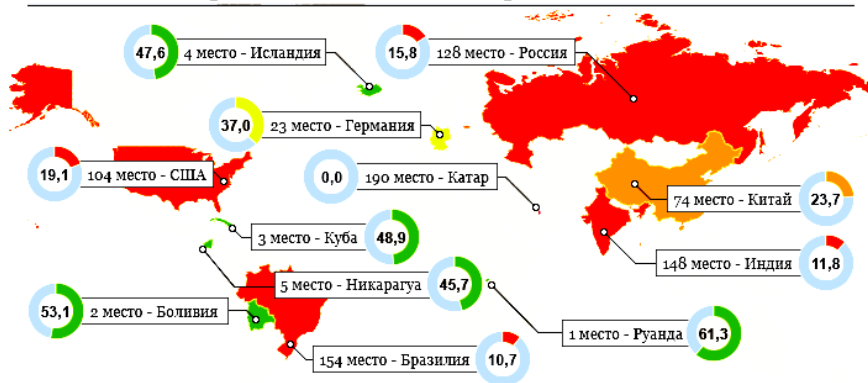
Начиная с эпохи великих буржуазных революций и вплоть до наших дней процесс слома традиционных гендерных логик в политике, как правило, приходится на периоды подъемов социальных движений или даже революционных потрясений. Его алгоритм примерно одинаков для разных стран и разных культур: на волне массовых выступлений женщины заявляют о своих социальных интересах, о претензиях на участие в политическом процессе. Реакция власть имущих на эти заявления практически всегда отрицательная. Но если давление женских масс оказывается достаточно мощным, в поле политики исподволь происходит некая гендерная реконструкция, или передел, – в это поле, нарушая традиционную мужскую монополию на власть, постепенно допускаются женщины. На рубеже XIX–XX вв. этот передел охватил многие страны мира. Россия вступила на этот путь одной из первых. Впереди нее оказались Новая Зеландия, которая предоставила своим гражданкам право голоса в 1893 г., Австралия – в 1896 г., Дания и Норвегия – в 1913 г. Вслед за Россией эстафету подхватили: Австрия – 1918 г.; Германия и Нидерланды – 1919 г.; США и Исландия – 1920 г., Великобритания – 1928 г., Франция – 1944 г., Италия – 1945 г., Бельгия – 1948 г. и т.д.

Дополнительное ускорение этот гендерный передел приобрел по окончании Второй мировой войны. Созданная в ту пору Организация Объединенных Наций искала пути для обеспечения мирного и устойчивого развития человечества. Одним из эффективных механизмов такого обеспечения было признано достижение гендерного равноправия, в том числе в сфере политики. О приверженности равноправию мужчин и женщин ООН заявила в

своем важнейшем правовом документе – «Всеобщей декларации прав человека» (1948). После этого ООН принимает более сотни правовых документов, направленных на слом традиционных гендерных логик в поле политики, на институционализацию, нормативное оформление гендерного равноправия, т.е. стирание границы между «политическим – мужским» и «дополитическим – женским». Этой проблеме посвящены, в частности, такие правовые документы как Конвенция о политических правах женщин (1952); Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (1979), Цели развития на пороге тысячелетия (2000).

В марте 2017 г. в штаб-квартире ООН в Нью-Йорке состоялась 61-я сессия Комиссии по положению женщин. На ней отмечалось, что доля женщин-парламентариев в среднем в мире сейчас равняется 23%; доля женщин-министров – 18%. Однако среди глав государств или правительств насчитывается всего 17 женщин [Среди глав государств...]. В наши дни «гендерные разрывы» (gender gap), с помощью которых измеряются показатели представительства лиц того или иного пола в органах власти, всерьез различаются от страны к стране, от региона к региону. На этой же сессии ООН была представлена так называемая интерактивная карта «Женщины в политике – 2017», подготовленная Межпарламентским союзом и структурой «ООН – женщины». Вот как она выглядит:

Женщины в парламентах отдельных стран

Источник: ipu.org/wmn-e/classif.htm

© DW

Рис.
Интерактивная карта «Женщины в политике – 2017»

Судя по этим показателям, немногим странам удалось довести долю женщин-законодателей до некоего гендерного баланса. В числе «передовиков» в силу разных обстоятельств и с разными последствиями для реального гендерного паритета в политике выделяются: Руанда – 61% женщин в парламенте, Боливия – 53, Куба – 48,9, Исландия – 47,6, Никарагуа – 45,7, Германия – 37, Беларусь – 34,5%. В числе явно отстающих, опять же по разным причинам, значатся: на 74-м месте Китай – 23,7% женщин-парламентариев, на 104-м месте США – 19,1, на 128-м – Россия – 15,8, на 148-м – Индия – 11,8, на 154-м – Бразилия – 10,7, на 190-м – Катар – 0% [Крыжановская, 2017]. Эксперты считают, что паритет в политическом представительстве во всех странах мира женщины при самых благоприятных обстоятельствах обретут только к концу XXI в. [The global gender gap report, 2016].

Поясню значение этих показателей для нашей темы. Очевидно, что для «отстающих» по части обеспечения политического паритета гендер в политическом поле означает его границу. Для остальных он постепенно превращается в способ измерения умножающегося числа игроков на политическом поле.

Показательна ситуация с политическим представительством женщин в РФ. Приведу данные на 2017 г. В Государственной думе заседает 16% женщин. В составе Совета Федерации, возглавляемого Валентиной Матвиенко, 17% женщин [Среди глав государств...]. В правительстве работают три женщины: заместитель председателя Ольга Голодец, министр здравоохранения Вероника Скворцова, министр образования Ольга Васильева. Во главе РФ женщин не было никогда. Претендовали на пост президента страны четыре политика: Галина Старовойтова на выборах 1996 г., Элла Памфилова – в 2000 г., Ирина Хакамада – в 2004 г. и Ксения Собчак – в 2018 г. Согласно докладу ВЭФ в Давосе «Глобальный гендерный Разрыв – 2017», по трем из четырех основных показателей, выводимых экспертами ВЭФ, Россия находится в первой трети списка из 144 стран, участвовавших в этом исследовании. Страна занимает 40-е место в обеспечении равенства возможностей женщин и мужчин в экономической жизни, 50-е – по доступу к образованию, 1-е – по возможностям в сфере здравоохранения. Однако в графе «обладание политической властью» эксперты ВЭФ поставили РФ только на 121-е место, что в целом сдвинуло Россию на 71-е место

в общем рейтинге гендерных разрывов [The global gender gap report, 2017].

Почему в стране, которая столетие назад в числе первых в мире законодательно обеспечила своим гражданам право избирать и быть избранными во все органы власти, женщины все еще остаются «чужими» в поле политики? Однозначного ответа на этот вопрос нет, да, видимо, и быть не может. Российский случай в этом плане скорее типичное явление. Эксперты практически единодушны в том, что обретение женщинами политических прав, их включение в институт гражданства, не могут сами по себе, сразу же повлиять ни на статусные диспозиции женщин и мужчин, ни на направленность политических режимов и решений. Хотя логично было бы предположить, что появление женщин в политическом поле должно сопровождаться изменениями и в правилах игры на нем. И в ряде стран выход значительного числа женщин в поле политики действительно сопровождается серьезными реформами, направленными, прежде всего, на ликвидацию дискриминации по признаку пола. Но они происходят далеко не везде и не всегда – наличие женщин с мандатами на принятие политических решений в ряде случаев может даже усилить режим дискриминации¹. И с инициативой такого усиления выступают зачастую женщины-политики. Вот почему даже поборники гендерного равноправия вынуждены были обратить внимание на тот факт, что «физическое присутствие особ женского пола в поле политики не всегда точный знак того, что «женщины... мобилизованы как женщины» [Скотт, 2001 б, с. 957]. То есть как специфическая категория дискриминируемых, осознающих свою дискриминацию. Некоторые теоретики склонны определять такой тип недружественного поведения женщин-политиков в отношении других женщин как мобилизацию их традиционных «предрасположенностей». По мнению одного из них, поведение женщин в таком случае скорее является убедительным примером «добровольного согласия с господством» [Льюкс, 2010, с. 199] и социальным неравенством, что и обеспечи-

¹ Весьма убедительны с этой точки зрения доклады Всемирного экономического Форума в Давосе, которые выходят с 2005 г. под заголовком «Global Gender Gap Report» и знакомят мировую общественность с гендерными разрывами в обеспечении равных возможностей женщин и мужчин в сферах экономики, образования, здравоохранения и политики.

вает устойчивость традиционной пограничности гендера в поле политики.

Над этой проблемой всерьез размышлял Пьер Бурдьё. Изпод его пера вышла, в частности, книга-эссе «Мужское господство» [Bourdieu, 1998], которая была специально посвящена проблемам угнетения женщин, т.е. гендерного неравенства как политического феномена. Бурдьё, уже сформулировавший ко времени выхода этой книги основные постулаты теории диспозиционных практик, доказывал в ней, что гендерное неравенство является едва ли не самым надежным основанием для поддержания социальных иерархий. Предложенные им объяснительные схемы отличаются убедительностью и острой актуальностью. Поэтому остановлюсь на них подробнее.

Теоретик исходил из того, что сохранение гендерного неравенства во многом обеспечивается за счет символического насилия, т.е. формирования и поддержания гендерных стереотипов, определенных символов и образов, которые объясняют и усиливают, а следовательно, производят и воспроизводят, паттерны господства и подчинения между мужчинами и женщинами. В процессе взаимодействия индивиды создают разделяемые культурные схемы (фреймы), которые влияют на его характер. Разного рода коммуникации – ритуалы, церемонии, вообще закреплённые формы эмоционально мотивированного поведения, которые превращаются в некие модели уместного в конкретной ситуации поведения, Бурдьё включил в объемное понятие «габитус» (от франц. «habitat» – место жительства, некая социальная локация) [Бурдьё, 1993].

«Габитус» у Бурдьё – это система приобретенных в процессе социализации предрасположенностей, которые порождают и организуют представления и практики индивида. Такие предрасположенности, объективно предназначенные для достижения определенных результатов, не предполагают сознательной нацеленности на эти результаты и не требуют особого мастерства. Габитус предопределен средой, условиями существования путем внутреннего усвоения (интериоризации) их правил индивидом. Это – результат его личной истории и социального опыта. Вместе с тем габитус структурирует и новый опыт, который, в свою очередь, может трансформировать исходные ментальные структуры. Иными словами, габитус зависит от социальной «траектории» индивида.

В этом плане габитус есть «инкорпорированный класс» (включая не только социальные, но и биологические свойства индивида, например, пол и возраст). По мнению Бурдье, факторы, оказывающие на индивидов свое действие на протяжении всего их существования, образуют систему, внутри которой главный вес приходится на имеющийся у них социальный капитал, а также на соответствующую диспозицию в отношениях производства и воспроизводства.

Особенность габитуса еще и в том, что он является бессознательной структурой: это – глубоко укорененные и даже «забытые» навыки, привычки и т.д. Бессознательность габитуса связана с его телесным усвоением; поведенческие установки вписаны в телесность и проявляются в манере, стиле речи и поведения – согласно с давно усвоенными предписаниями. Сходные условия существования генерируют сходные габитусы членов группы, класса. Бурдье подчеркивает, что социальный класс – это класс схожих условий, а также класс индивидов, обладающих сходным габитусом, – практики членов группы изначально скоординированы габитусом, как бы выступающим основой их спонтанной солидарности.

Бурдье убежден в том, что именно габитус придает власти символическое измерение – он позволяет получать от доминируемых согласие на господство, основанное не на продуманном решении просвещенного сознания, а на непосредственном и дорефлексивном подчинении определенным образом социализированного тела. Бурдье так объясняет этот свой тезис: «Доминируемые применяют ко всем вещам мира, в особенности к отношениям господства, в которые они интегрированы, к индивидам, посредством которых эти отношения реализуются, и, как следствие, к самим себе, неотрелексированные схемы мышления. Данные схемы, будучи продуктом инкорпорирования предписаний... закрепляют властные отношения с точки зрения именно тех, кто утверждает в них свое господство, и тем самым представляют эти отношения как естественные» [Бурдье, 2009].

Механизм мужского господства обеспечен, в первую очередь, «дифференцированной социализацией» мужчин и женщин. Эта социализация конструирует мужской габитус через отношения с закрепленными общественными пространствами – экономическим, политическим, религиозным, научным. В этих пространствах между мужчинами как бы разыгрываются серьезные игры со-

ответствующих компетенций – мужчины обречены обладать ими. В то же время женщин приучают к тому, что они обретаются на полюсе частного, т.е. юридически и фактически исключены из тех игр, где утверждается и осуществляется мужественность. Им отводится роль зрительниц. Вне игры они оказываются на том основании, что природа якобы обделила их необходимыми качествами: женский пол в отличие от мужского конструируется как пол, наделенный по преимуществу негативными, уничижительными характеристиками. Эти характеристики не позволяют их носительницам участвовать в публичной деятельности от первого лица, т.е. на правах субъекта. А потому, как иронически замечает Бурдье, дифференцированная социализация обучает «мужчин любить игры власти, а женщин – любить мужчин, которые в них играют» [Бурдье, 2009].

Этот анализ диспозиций мужчин и женщин побуждает Бурдье весьма критически оценивать последствия формальной институализации женского участия в политике. Он убежден в том, что освобождение жертв от символического насилия не может осуществляться только на основе указа. Более того, по его мнению, ограничения, налагаемые на поведение женщин их габитусом, сильнее всего начинают проявляться именно тогда, когда исчезает внешнее принуждение и достигается формальное равенство их прав (право голоса, право на образование, доступ к любым профессиям, в том числе политическим). Почему это так? По мнению Бурдье, «самоисключение» и «призвание» (как негативное, так и позитивное) занимают место открытого исключения» [там же]. Ссылаясь на опыт буржуазных революций, так или иначе решавших «женский вопрос», Бурдье отмечает, что в момент формального провозглашения права голоса для женщин практическое знание / признание границ, исключающее саму возможность их нарушения, спонтанно переводится в зону недопустимого. Сильно цензурированное поведение, навязанное женщинам, особенно в присутствии мужчин и в публичных местах, – это не просто позы или манеры, выученные и исполняемые по случаю, но постоянный способ существования женщин в условиях хорошо согласованных инкорпорированных и объективированных структур.

Возможен ли своего рода разлад этих структур, который все же позволит женщинам освободиться от тяготеющих над ними правил подчинения мужскому господству? Бурдье связывает та-

кую возможность лишь с возникновением таких форм коллективного действия, которые будут направлены на разрушение ментальных конструкций символического превосходства мужчин, а также на создание различных форм коллективного контроля за социальными механизмами господства [Бурдье, 2009].

Теория диспозиционных практик Бурдье, одним из ключевых концептов которой является «габитус», глубоко вскрывает механизмы, обеспечивающие устойчивость традиционных гендерных диспозиций в политическом поле. Теоретик убедительно показывает, что даже при сдвигах границ политического поля и формальном допуске на него игроков-женщин, серьезных изменений в гендерной иерархии может и не происходить: как показывают разного рода измерения, властные диспозиции женщин и мужчин по существу остаются прежними. Однако в результате появления в этом поле игроков, не имеющих опыта «действия в смысле свободного поступка», могут существенно деформироваться и правила игры на нем. Поэтому Бурдье настаивает на необходимости общественного контроля за этими правилами.

Высоко оценивая вклад Бурдье в раскрытие «тайны» пола, как бы добровольно соглашающегося на подчиненное положение, что становится особенно очевидно в моменты архаизации общественного дискурса, реставрации дореволюционных укладов, некоторые исследователи справедливо отмечают, что Бурдье явно недооценивает значимость «исторической динамики», а также «индивидуальных стратегий, направленных против того, что их ограничивает» [Коннелл, 2015, с. 132]. Поскольку гендерные отношения выстраиваются одновременно как некие структуры и практики, то ригидность структур может преодолеваться человеческой практикой, не только раздвигающей границы политического поля, но и меняющей диспозиции игроков в нем. Не случайно практика считается «постоянным источником ситуаций, в которых прежние модели отношений прекращают свое существование (“ситуация уже никогда не будет такой, как прежде”) и открываются новые возможности для изменений»¹ [там же, с. 196]. Иначе

¹ Серьезный анализ классической работы Р. Коннелл, в которой описываются механизмы гендерных сдвигов во властных структурах, уже не раз проводился российскими социологами. Выделю последнюю из статей, написанных по случаю выхода в свет русского перевода книги [Здравомыслова, 2016].

говоря, прежние границы утрачивают смысл. Задача исследователей – зафиксировать этот момент путем количественных и качественных замеров политического поля, что, по сути, и является одной из форм контроля за социальными механизмами господства.

Для исследователей политического поля, на мой взгляд, крайне важно то, что Бурдьё рассматривает «мужское господство» как некую «парадигму (а часто модель и ставку) любого господства» [Bourdieu, 1998]. И с этой точки зрения тема «выхода» женщин в политическое поле, т.е. его гендерного передела, также имеет парадигмальное значение для анализа социальных практик всех тех, кто стремится к обретению политической субъектности.

Список литературы

- Арендт Х.* Vita activa, или О деятельной жизни / Пер. с нем. и англ. В.В. Бибихина. – СПб.: Алетейя, 2000. – 437 с.
- Батлер Дж.* Случайно сложившиеся основания: Феминизм и вопрос о «постмодернизме» // Введение в гендерные исследования / Под ред. С.В. Жеребкина. – Харьков: ХЦГИ; СПб.: Алетейя, 2001. – Ч. 2: Хрестоматия. – С. 235–257.
- Бурдьё П.* Социология политики. – М.: Socio-Logos, 1993. – 336 с.
- В парламент Франции избрано рекордное число женщин // Газета. Ru. – 2017. – 19 июня. – Режим доступа: https://news.rambler.ru/world/37177339/?utm_content=news&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (Дата посещения: 06.09.2017.)
- Граница // Толковый словарь Ушакова онлайн. – Режим доступа: <http://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=11064> (Дата посещения 21.10.2017.)
- Дитц М.Г.* Ханна Арендт и феминистская политика // Феминистская критика и ревизия истории политической философии / Сост. М.Л. Шенли, К. Пейтмен. – М.: РОССПЭН, 2005. – С. 316–346.
- Женское избирательное право // Википедия: Свободная энциклопедия. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Женское_избирательное_право (Дата посещения: 20.10.2017.)
- Здравомыслова О.М.* «Гендер и власть»: Читая книгу Рейвин Коннелл в России // Социологическое обозрение. – М., 2016. – Т. 15, № 3. – С. 213–222.
- Измерение // Толковый словарь Ушакова онлайн. – Режим доступа: <http://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=20517> (Дата посещения 21.10.2017.)
- Коннелл Р.* Гендер и власть: Общество, личность и гендерная политика. – М.: Новое литературное обозрение, 2015. – 432 с.
- Крыжановская Е.* Женщины в мировой политике: от Руанды до России (инфографика) // Deutsche Welle. – 2017. – Режим доступа: <http://www.dw.com/ru/женщины-в-мировой-политике-от-Руанды-до-России-инфографика/a-37850297> (Дата посещения: 20.10.2017.)

- Льюкс С. Власть: Радикальный взгляд. – М.: Высшая школа экономики, 2010. – 240 с.
- Скотт Дж. Гендер: Полезная категория исторического анализа // Введение в гендерные исследования / Под ред. С.В. Жеребкина. – Харьков: ХЦГИ; СПб.: Алетейя, 2001 а. – Ч. 2: Хрестоматия. – С. 405–437.
- Скотт Дж. Некоторые размышления по поводу гендера и политики // Введение в гендерные исследования / Под ред. С.В. Жеребкина. – Харьков: ХЦГИ; СПб.: Алетейя, 2001 б. – Ч. 2: Хрестоматия. – С. 946–962.
- Среди глав государств и правительств всего 17 женщин // Центр новостей ООН. – 2017. – Режим доступа: <http://www.un.org/russian/news/story.asp?newsID=27629#.WhQY3rjgyrM> (Дата посещения: 20.10.2017.)
- Филиппов А. Ф. Где живет политика? // Полит. ру. – 2013. – 18 июня. – Режим доступа: <http://polit.ru/article/2013/06/18/filippov/> (Дата посещения: 20.02.2017.)
- Bourdieu P. La domination masculine. – Paris: Seuil, 1998. – 142 p.
- Duhet P.M. Les femmes et la revolution (1789–1794). – Paris: Juliard, 1971. – 239 p.
- The global gender gap report 2016 // World Economic Forum. – Mode of access: <http://reports.weforum.org/global-gender-gap-report-2016> (Дата посещения: 21.09.2017.)
- The global gender gap report 2017 // World Economic Forum. – Mode of access: http://www3.weforum.org/docs/WEF_GGGR_2017.pdf (Дата посещения: 25.01.2018.)

И.Л. Недяк*

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЧЕРЕЗ СВОБОДУ ОТ ПРОИЗВОЛА: АБРИС ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ В НЕОКЛАССИЧЕСКОМ РЕСПУБЛИКАНИЗМЕ

Аннотация. В статье рассмотрено понимание неоклассическими республиканцами политического как институционально организованного пространства, в котором моральный порядок, гражданские нормы и верховенство закона не допускают возможности беззакония власти. Политическое в такой трактовке представляется как событие, которое происходит при сочетании определенных обстоятельств. Предметом анализа являются предлагаемые неоклассическими республиканцами возможности и способы устройства такого политического порядка. Они раскрываются в ключевом концепте теории неоклассического республиканизма – свобода как *не*-доминирование. С учетом исследовательских задач конструирования политического поля в России, выделены обоснованные в республиканском проекте приоритеты в политической организации современного общества: создание неманипулируемой и устойчивой к коррупции системы; соблюдение закона как главная доблесть гражданина; предпочтение контестаторной формы гражданской активности перед массовым участием граждан в процессе принятия политических решений, обременение государства ролью субъекта социальной справедливости. Такой политике препятствуют негативные последствия «орыночивания» общества: экспансия этоса и принципов рынка в сферу политического; низведение статуса гражданина до положения потребителя; размывание основ социальной сплоченности и солидарности; рост неравенства и политиче-

*Недяк Ирина Леонидовна, доктор политических наук, ведущий научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), e-mail: iraned@mail.ru

Nedyak Irina, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), e-mail: iraned@mail.ru

ской бедности; потеря навыков демократического гражданства; переопределение гражданских добродетелей.

Ключевые слова: неоклассический республиканизм; свобода как недоминирование; маркетизация гражданства; гражданские доблести.

I.L. Nedyak

**Defining the political through the freedom from arbitrary power:
An outline of civic consciousness in the Neo-Classical republicanism**

Abstract. The article examines the understanding of the political by Neoclassical Republicans as an institutionally organized space in which moral order, civil norms and rule of law prevent the possibility of lawlessness of power. The political in this interpretation is an event that occurs under a combination of certain circumstances. The subject of analysis are the possibilities and ways of arranging such a political order, offered by Neoclassical Republicans. These are revealed in freedom as non-domination – the key concept of the theory of neoclassical republicanism. The Neo-Republic project of constituting of a political field in Russia highlights the following priorities: creation of a non-manipulative and corruption-resistant system; observance of law as the main citizen virtue; preference of a contestatory form of civic activity over a mass participation of citizens in the process of political decision making; entrusting the state with the role of a subject of social justice. The implementation of this policy is hampered by the negative consequences of the marketization of society: expansion of market ethos and principles into the political sphere; reducing citizen's status to the consumer's position; erosion of the foundations of social cohesion and solidarity; growth of inequality and political poverty; loss of skills in democratic citizenship; redefinition of civic virtues.

Keywords: neoclassical republicanism; freedom as non-domination; marketization of citizenship; civil virtues.

Экуменический республиканизм

В республиканской традиции сфера политического определяется как свободное от произвола пространство. Ее природа отвергает неполитическую власть, неправовое насилие, господство. Политическое формируется в публичном пространстве, в котором обладающие равными правами граждане ориентированы на достижение общего блага, имеют равные права и возможности участвовать в принятии / делиберации общественно значимых решений.

Экуменический республиканизм включил в *short-list* условий бытования политического следующие позиции.

– Наличие автономной сферы политического как особого пространства человеческой жизнедеятельности, как места и усло-

вия универсализации институционального порядка и его легитимации.

– Сосредоточенность взаимоотношений в публичной сфере на процессах осознания (различения), артикуляции, конкуренции, согласования и реализации общественных / групповых / частных интересов.

– Ориентированность на стратегические общие цели (интеприоризация ценности общественного блага, делиберация способов его преумножения, принципов и механизмов распределения); значимость инклюзивности, общественного признания.

– Взаимодействие по правилам политической игры с ненулевым результатом: диалогичность, конкуренция мнений и почитание их плюрализма, соблюдение норм общей реципрокности (взаимного признания равных прав).

– Плюс, разумеется, правовой характер отношений, соблюдение общепринятых норм и установленных законов; последние в императивном порядке должны быть всеобщими неотвратимо применяться ко всем, включая законодателей [Экспертное обсуждение... 2017].

В таком прочтении политическое не предстает как перманентный феномен и / или стабильно закрепившийся этос и доминирующие практики политической активности. В своем пределе политическое *происходит* при определенных обстоятельствах как *событие*.

Многообразие факторов и их сочетаний, которые удаляют или приближают событие политического, чрезвычайно велико. Из первой группы факторов мы рассмотрим влияние экспансии этоса и принципов рынка в сферу политического. Будет показано, как «орыночивание» отношений между гражданином и государством низвергает статус гражданина до положения потребителя, перемещает гражданина из публичной сферы в пространство частного с соответствующим переопределением гражданских добродетелей.

Как возможно увеличить вероятность события политического? Посредством реализации концепции свободы как *не*-доминирования. Этот ответ дает неоклассический республиканизм.

Представления неоклассических республиканцев о политическом употребляются как своеобразная мера «метрических отношений» и «функциональных связей» инфраструктуры политики на континууме: от полисного (аристотеле-арендтовского) понимания

политического и инклюзивных режимов гражданства к рыночной экспансии в сферу политического и формированию различных видов эксклюзивных режимов гражданства.

Арендтовскую концепцию «классического» полисного республиканского гражданства мы сохраняем мерилом степени политического [Арендт, 2000]. Ее понимание *Vita activa* (эксплицитно или имплицитно) остается эталонной мерой, в том числе и в работах неоклассических республиканцев, которые, заметим, весьма критично относятся к наследию Ханны Арендт.

Концепции институирования общества: Видимая рука общества и / vs невидимая рука рынка

Мегаконтинуум мышления о политике сформировали два архетипа представлений о социальном: политическая и экономическая концепции институирования социального.

В политической концепции общество понимается как рукотворное политическое установление в интересах общественного благосостояния. Концепция опирается на идею общественного договора, для реализации которой необходимы политические институты. Политический (а не властный) характер регулирования предопределяет автономность сферы политики как места средоточия общественного действия и управления обществом. В «красный угол» помещены (само)ценность общественного блага, гражданского и политического участия, солидарности, взаимного признания прав и обязанностей, самоуправления общества.

Экономическая концепция конституирования социального в своем пределе представляет общество как неполитический организм. Такой подход позволяет «помыслить общество биологически, а не политически» – без центра власти [Розанваллон, 2007]. Взаимным договорным обязательствам противопоставляются рыночные принципы взаимодействия. Постулируется возможность и целесообразность регулирования всего общества (а не только экономической сферы) посредством рыночных механизмов – безличных и отделенных от любых фигур рукотворной власти. В этом смысле утверждается *политическое* преимущество рыночной модели vs любой и всех моделей общественного договора [там же; Элстер, 2012; Miller, 1990].

В экономической концепции главными факторами институционализации социального считаются индивидуальная автономия человека, гарантия его негативной свободы, приоритет права над общим благом. Политической жизни отводится инструментальное значение; не учитывается «важнейший фактор гражданства для современных людей» [Тейлор, 2001, с. 90].

В дискурсе процессов (де)политизации современного общества все дебаты о ревизии концептов гражданства так или иначе возвращаются к вопросу вопросов. Продолжает ли оставаться адекватной реалиям тотально «орыноченного» общества дуалистическая теория гражданства, корни которой восходят к «великой дихотомии» политического либерализма: «частное vs публичное», «государство vs рынок» [Bobbio, 1989]. Мы склонны согласиться с мнением об узости такого видения.

Концепция гражданского общества как рынка формировалась в ответ на «провалы» договорной парадигмы и по праву определяется не только как антагонист концепции общественного договора, но как ее наследник [Elster, 1986; Scinner, 1998]. Два мегапроекта *modernité* – договорная организация общества / приоритет общего блага и / vs рыночная неопосредованная самоорганизация общества / приоритет негативной свободы – сформировали богатые многопластовые дискурсы инфраструктуры политического и легитимации политического порядка. Несколько столетий они одновременно конкурируют между собой и обогащают друг друга. Примером тому служит содружество коммунитарных и (лево)либеральных посылок в рассматриваемых ниже концепциях неоклассического республиканства.

Политический гражданин в «чреве» общества рынка

Согласно библейской притче, Иона три дня пробыл в чреве кита. Привела его туда тяжесть неосознания грехов. И был он выпущен, когда сумел осмыслить себя.

Преднамеренные и непреднамеренные последствия экспансии рыночных принципов регулирования в сферу политического взаимодействия привели к тому, что человек *экономический проглотил гражданина* [Habits of the heart... 2008]. Вместе со спосо-

бом его бытия в пространстве политического, вместе с возможностью осмыслить и реализовать себя в публичной сфере.

В последней четверти прошлого века экономическая концепция обустройства общества и понимания политического *per se* одержала безусловную победу над политической.

Коротко обозначим экстерналии рыночной экспансии в домен политики, которые в «чреве» общества рынка¹ «переваривают» статус гражданина, обращают его в рыночный продукт, а отношения между гражданами (между гражданами и государством) – в отношения стоимостей.

Интервенция частной по своей природе сферы рыночных отношений в публичную по своей природе сферу принятия политических решений кооптировала общество в состав рынка в качестве одного из его элементов [Citizenship... 2001].

– В целом успешно *произведен ценностный переворот*: права гражданина политики (общее благо) подчинены требованиям самоответственности. Последние предъявляются не гражданам политики, а частникам рыночных отношений, добродетели которых читаются в терминах рыночной стоимости. Следствием такой «рокировки» становится «беспрецедентный паралич публичных политических дебатов и потеря демократического контроля за принимаемыми общественно значимыми решениями» [Habermas, 2016].

– Государства (в разной степени радикальности) отказываются от роли субъекта социальной справедливости. Минимизированы регулятивные функции государства по обеспечению занятости и экономического равенства в пользу рыночных механизмов как регуляторов всех сфер жизнедеятельности общества.

– Социальная политика «покидает» сферу действия устоявшихся в обществе моральных и этических норм. Она все хуже справляется с выполнением интеграционных функций: социально-политического арбитра, морального регулятора, хранителя общественной морали. На грани «летального исхода» такие ее политические функции, как формирование системного и межличностного доверия; развитие и поддержание навыков демократического гра-

¹ Под обществом рынка мы понимаем гегемонию рыночной морали, принципов, механизмов, оценки взаимодействия во всех некоммерческих сферах жизнедеятельности общества.

жданства; включение институтов гражданского общества в процесс принятия общественно значимых решений.

– Чрезвычайно ослаблен институт социального гражданства во всех своих ипостасях: как статус, как участие, а также как механизм поступательного расширения пределов равенства. «Продавливается» институт неолиберального гражданства (гарантия политических и гражданских прав при минимизации социальных прав). Он применяется как инструмент упразднения эгалитарного измерения неравенства.

Прекарность превращается в новую норму на рынке труда. Полная занятость уже давно потеряла статус права гражданина. Флексибилизация занятости привнесла почти рабские условия найма, на которые люди «добровольно» соглашаются под давлением экономических обстоятельств.

Беспрецедентное углубление неравенства повернуло историю вспять: она вернулась к дизраэлиевским Двум Нациям, богатых и бедных. Проблема неравенства и политической бедности индивидуализируется и вытесняется из публичной сферы. В геометрической прогрессии растет число людей, которые обречены на стратегии выхода, так как развивается культура бедности, стигматизация «лузеров», политическая бедность.

Социальная инклюзия более не является атрибутом статуса гражданства. Она зарабатывается и приобретается как рыночный продукт. Размываются основы социальной сплоченности и солидарности. А эксклюзивная солидарность усиливается, она питает радикализм и одновременно питается им.

Теряет статус общего блага – право иметь права, которое Х. Арендт определила как фундаментальное право граждан на инклюзию, членство в сообществе и признание им.

Разные форматы, в которых предлагается вернуть осязаемость «невидимым гражданам незримого общества» [Бауман, 2005, с. 28], предопределяют содержание стратегий конституирования политического поля. В политических проектах неореспубликанцев основным и неперемнным условием политического гражданства постулируется защищенность человека от произвола любой власти посредством институциональной среды и морального порядка.

Республиканский поворот

От наивысшего успеха неолиберальной политики в 1970–1980-е годы маятник качнулся до нынешнего ее идеологического и философского упадка. Критики неолиберализма также особенно не преуспели в генерировании схожих по «весу» альтернативных политических проектов.

(Де)политизация, (пере)определение политического, (ре)организация политического порядка – таков неполный «пакет» первоочередных вопросов современной политической повестки [European Sociological Association... 2017]. Глобальный политический порядок переживает непростые времена. Множественные тектонические разломы нарушили сплошность политической «коры», и все оказались на распутье: «правые» и «левые», консерваторы и радикалы.

Республиканизм – одно из немногих политических учений, которое переживает ренессанс в условиях сложных времен неолиберальной доктрины и «топтания» на распутье левой политической мысли.

Неореспубликанцы равнодушны к вопросам идеологической таксономии, предлагая свой проект обустройства политического порядка. Они утверждают, что стержневая аксиома неореспубликанизма – свобода как не-доминирование – включает «богатое, даже радикальное многообразие политических курсов... <и> ...может обеспечить лояльность граждан развитых мультикультурных обществ, несмотря на их собственные особые представления об общем благе» [Петтит, 2016, с. 28, 179].

В 1980-е годы республиканизм вступает в период, который в литературе описывают как «республиканский поворот», «республиканское возрождение», «подъем гражданского республиканизма» и проч. С крахом проекта реального социализма, с роспуском Советского Союза и распадом социалистического лагеря рыночная концепция институционализации социального лишилась своего основного идейного оппонента. Неореспубликанизм¹ успешно иг-

¹ Для обозначения этого периода и направления развития республиканской теории в литературе применяют различные определения в синонимичном значении: «республиканизм», «неореспубликанизм», «коммунитарный республиканизм», «гражданский республиканизм» [Olsen, 2006, p. 1].

рает одну из партитур этой роли – дискуссанта и основного теоретического соперника современного либерализма [Olsen, 2006].

Текущий кризис неолиберальной доктрины и ставшая очевидной интеллектуальная слабость ее коллективного визави из «левого» лагеря усилили привлекательность республиканского проекта и среди теоретиков, и среди практических политиков. Не очень большим преувеличением можно считать утверждение, что неореспубликанизм стал важнейшим, и, возможно, наиболее убедительным примером постсоциалистической политической мысли [Republicanism... 2008].

Как и следовало ожидать, в неореспубликанизме проявились две исторически сформировавшиеся ветви классической республиканской политической философии, которые восходят к учениям Древней Греции и республиканского Рима.

Представители первой ветви (*communal republicans*) опираются на максимы аристотелевско-арендтовской республиканской традиции: (само)ценность политического участия и восприятие его как общего блага, подчинение личного интереса общественному, участие в публичной жизни как высшая форма самореализации, способ самоопределения и получения общественного признания.

Но мейнстримом современной республиканской мысли стала другая ветвь – неоклассический республиканизм. Она восходит к республиканскому периоду Древнего Рима, развивается в трактатах «божественного» Макиавелли, в трудах английских республиканцев XVII в. В концептуальных построениях неоклассического республиканизма отчетливо читается цicerоновская трактовка свободы. В республиканском Риме свобода (*libertas*) означала прежде всего не равенство в участии и не право на публичную де-liberацию общих дел на агоре, как в Афинах. Главная привилегия римского гражданства состояла в обладании права быть под защитой закона и требовать такой защиты от правителя.

Неоклассический республиканизм развивается в работах Квентина Скиннера, Изольт Хонохен, Джона Покока, Касс Санстейн и, разумеется, Филипа Петгита – пожалуй, самого авторитетного современного теоретика республиканской традиции.

Неоклассики продолжают теоретическую традицию своей *alma mater*. Высшей политической ценностью и мерилом политической институциональной жизни они прокламируют не массовое политическое участие, а *эмансипацию от подчиненности любой*

произвольной власти. Эта *principalis ratio* выражена в концепции свободы как не-доминирования¹.

Телос не-доминирования: Политическое как пространство господства гражданских норм и верховенства закона над беззаконием власти

Значение концепции «свобода как не-доминирование» в политической философии и теории неореспубликанизма таково, что в полной мере не передается заштампованными определениями «ключевая», «стержневая» и проч.

Свобода как не-доминирование² – суть и соль неоклассического республиканского мышления о политике: о политическом идеале и институциональном дизайне; о целях и формах республиканского правления; о власти и подчинении; о субъектности и агентности (agency); о гражданственности; об общем деле, общей вере и общем мире.

Концепция свободы как не-доминирования определяется как институциональное обеспечение условий, которые не только препятствуют произвольному вмешательству любого агента в свободный выбор своего визави. Свобода как не-доминирование требует наличия конституций, которые *устраняют* саму *возможность* осуществить произвол [Петтит, 2016; Pettit, 2012; Honohan, 2002; Skinner, 1998]. Из определения следует, что государству и законопавию отводится ключевая роль в создании и поддержании политического порядка не-доминирования. Задача государственного управления – обеспечить такую институциональную среду, которая позволяет *властью закона* оградить человека *от произвола власти*.

¹ «Термин “non-domination” в первом вышедшем на русский язык тексте Ф. Петтита был переведен более благозвучно как “отсутствие доминирования”. Но в таком переводе он теряет свою “терминологичность”, превращается в обычное словосочетание двух понятий. Мы согласны, что термин “не-доминирование” является более точным» [Павлов, 2016, с. 20].

² Неореспубликанцы опираются на веберианскую трактовку доминирования: один агент доминирует над другим только в том случае, если он имеет над ним власть вмешательства, основанного на произволе [Вебер, 2016].

Свобода как *не*-доминирование имеет политическую природу. Она может быть реализована только в процессе общественного взаимодействия равных по статусу индивидов.

Государственное управление, которое допускает условия для произвольного вмешательства, нельзя считать справедливым и демократичным. Республиканские неоклассики утверждают: неперемненное условие современной политики и политического гражданства – «независимость от власти другого человека или группы лиц... власти настолько сильной, что может избежать санкций закона или обходиться с ним, как ей захочется... <ибо сам факт ее существования>, даже если она действует в интересах подданных, порождает у подчиняющихся рабский менталитет» [Вироли, 2014, с. 33, 40, 38, 34].

Обратим внимание на важный тезис – *недопущение даже возможности произвола*. Он положен в основу различения неоклассическими республиканцами двух противоположных состояний: свобода граждан и свобода слуг. Последняя приравнена к сервитуту или рабству [Вироли, 2014; Scinner, 1998; Sen, 2009]. Человек не свободен даже в том случае, когда он вольготно пользуется свободой при по тем или иным резонам не вмешивающемся в его дела господине (лицом или группой лиц, которые имеют возможность по своей воле попирает закон). Ибо наличие господина (т.е. персонифицированной или деперсонифицированной возможности произвольного вмешательства) все равно остается фактором доминирования и делает из граждан слуг.

Не менее важен второй тезис. Недостаточно, чтобы человек перестал быть объектом произвола. Важна его осознанная решимость самому не стать субъектом господства. *Не*-доминирование означает не только *не быть рабом* (т.е. свободу человека от любого беззакония), но включает его готовность *не быть господином* (самому не допускать произвола по отношению к другим).

«Третий глаз» свободы как не-доминирования: Припадая к истокам

Концепция и идеал свободы как *не*-доминирования позиционируется как особый третий республиканский подход [Skinner, 2002].

Неоклассические республиканисты считают досадным упрощением дихотомию концепций свободы Исайи Бёрлина: нега-

тивная свобода (свобода от) и позитивная свобода (свобода для). По их мнению, это закосневшая дуальность. Она «поддержала философскую иллюзию» о существовании только двух пониманий свободы и затмила «философскую обоснованность и историческую реальность третьего пути» [Петтит, 2016, с. 55]. В чем его особенность? Какие измерения открывает «третий глаз» свободы как *не*-доминирования?

В отличие от негативной свободы, свобода как *не*-доминирование исключает внутреннюю эмиграцию и любые стратегии выхода. Но она содержит либеральные директивы о главенстве закона, автономии индивида, его праве на собственность в трактовке Локка (которая, напомним, содержит собственность на самого себя) [см.: Локк, 1988, с. 277].

С отношением к позитивной концепции свободы положение сложнее. Развивая идеи Квентина Скиннера, Филип Петтит вскрывает «исторические наслоения» в республиканском понимании свободы и заключает, что концепция свободы как *не*-доминирования не является концепцией позитивной свободы. Но это и не придуманное новшество. Она возвращает нас к более широкому досовременному республиканскому пониманию свободы: не быть ни рабом, ни господином.

По мнению неоклассиков, в Новое время, когда гражданские права были расширены на ранее исключенные категории граждан (женщины, неимущие), количество предоставленной свободы отразилось на ее качестве. Классическое республиканское понимание свободы как *не*-доминирования было редуцировано до свободы / права / привилегии политического участия и представительства. «Следствием этого стало искажение республиканского мышления о политике и понимания республиканского государственного правления» [Петтит, 2016, с. 74].

Неоклассические республиканцы весьма критичны к той версии республиканской теории, которая сформировалась под влиянием работ Ханны Арендт. В арендтовской трактовке позитивной свободы Ф. Петтит видит «дух популизма». Он убежден, что «партиципаторный идеал неосуществим в современном мире, и в любом случае подчинение каждого человека всеобщей воле вряд ли можно считать привлекательной перспективой» [там же, с. 155].

В этой части «республиканизм вступает в союз с либерализмом против коммунитаризма, так как республиканскому подходу

свойственно стремление к «относительно нейтральной повестке, не привязанной ни к одной конкретной концепции блага» [Петтит, 2016, с. 218]. Но, разумеется, в силу своей политической природы свобода как не-доминирование является коммунитарным благом. Как и политическое в нашем понимании, это благо *возникает как событие*, которое имеет «степени интенсивности и объема» [там же, с. 458; Pettit, 1993; Lovett, 2010]. Оно – как солидарность или статус – появляется и исчезает, вместе с появлением и исчезновением интерактивных предрасположенностей [Miller, 1990].

Конструирование политического как свободного от доминирования пространства

Ф. Петтит с жаром прозелитизма (сказывается духовное образование) прокламирует свободу как отсутствие рабства / сервилитета / доминирования высшими ценностью и целью республиканского государства.

Неманипулируемая система, социальная справедливость, широко распространенная гражданственность – три основных условия и необходимые инструменты домена республиканской свободы [Scinner, 1998; Honohan, 2002; Pettit, 2012; Birnbaum, 2015].

Способы достижения всеобщего *не-доминирования* во многом определяют требования, которые неоклассические республиканцы предъявляют себе как разработчикам теоретических обоснований «нового курса». Одной фразой их суть можно выразить так: оставить башню из слоновой кости. Неоклассический республиканизм избавляется от «родового греха» кабинетности республиканской мысли и деонтологического мышления. Ф. Петтит говорит о решительности развивать такие черты эмпирической направленности неоклассического республиканизма как антидеонтологизм, антиутопизм и антиморализм [Pettit, 2017]. Любой политический проект должен пройти тест на реалистичность и реализуемость: желательность означает доступность. Он должен непременно учитывать черные и серые «пятна» сущего: несовершенство человеческой природы, склонность индивидов и институтов к политическому оппортунизму и коррупции, подверженность людей манипуляции, гедонизму, эгоистическим соображениям и проч.

Исходя из этих посылок, неоклассики акцентируют внимание на трех принципах «обустройства» политического порядка всеобщего *не*-доминирования: резистентность к манипуляции и коррупции трех «И» – институтов, инструментов управления и инициатив; контрмажоритаризм, контестаторная демократия.

Резистентность к манипуляции и коррупции

Неманипулируемая система должна соответствовать минимум трем условиям: верховенство закона, рассредоточенность властей, сопротивляемость закона воле / тирании большинства [Pettit, 2015; Olsen, 2006; Sunstein, 1990; Lovett, 2012].

Устойчивые институты – предмет особой заботы неореспубликанцев. Институт считается устойчивым, если он не поддается эрозии коррупции, даже в том случае, если его участники коррумпированны.

И вновь мы видим, что в утверждении такой формы конституционализма и такого понимания гражданственности неоклассики опираются на «столпы» неоримской и итальяно-атлантической ветвей республиканской традиции.

Монтескьё отмечал, что соблюдение закона – это главная доблесть гражданина и условие его свободы. Если гражданин делает то, что закон запрещает, он лишается защиты закона и теряет свободу, потому что у другого гражданина появится такая же власть нарушить закон и попортить свободу. Несоблюдение принципа рассредоточения власти ведет к тирании, так как для обеспечения свободы важнее не гражданские добродетели участия, а чтобы одна власть могла контролировать другую власть [Монтескьё, 1999].

Контрмажоритаризм и контестаторная демократия

В отношении массового участия граждан в процессе принятия политических решений неоклассики не скрывают, что опасаются легко манипулируемого большинства в несправедливо устроенном социуме. Такая позиция созвучна выводу Ю. Хабермаса о невозможности рациональной дискуссии при наличии экономического и / или политического доминирования в обществе [Хабер-

мас, 2000]. Поэтому в неоклассическом республиканизме констататорная форма гражданской активности считается более адекватной реалиям общества растущей асимметрии ресурсов (властных, экономических, информационных, культурных и пр.).

Оспариваемость – одна из ипостасей традиционной для республиканизма идеи гражданской бдительности. Республиканскому гражданскому контролю имманентна обоснованная делиберация – «республика доводов». Ее роль неоклассики ни в коей мере не принижают. Но Петтит категоричен: «Приближение к идеалу обеспечивает в первую очередь не широкое согласие людей по общественно значимым вопросам, а институции, которые гарантируют людям возможность оспаривать действия государства... важно обеспечить, чтобы действия власти были не продуктом народной воли, а были способны выдерживать испытание народным оспариванием» [Петтит, 2016, с. 465]. Неоклассики убеждены, что сильная видимая рука общества измеряет участие не массовостью, а степенью возможности гражданина оспаривать деятельность государства при безусловной институционально обеспеченной гарантии такой возможности. Петтит почти дословно повторяет Монтескьё: «Власть *контролировать* принятие решений важнее *участия* в них» [Pettit, 2012; Honohan, 2002, p. 228].

***Welfare* как условие и инструмент не-доминирования**

Для республиканского понимания свободы священно право человека на базовые возможности для функционирования в локальной культуре [Sen, 1985]. Не-доминирование является «безусловно эгалитарным благом» [Петтит, 2016, с. 460]. Для обеспечения его бытия необходимо провести «обратную рокировку» в политике *welfare*: вновь поставить права гражданина политики выше самоответственности потребителя. Статусное и политическое естество свободы как не-доминирования красиво раскрывает заключение П. Бурдье: «Автономия преподавателей, поддержавших Золя в деле Дрейфуса, отчасти связана с тем, что они были штатными преподавателями: на удивление, в этом случае привилегия оказалась условием свободы. Следовательно, разрушение стабильной занятости оборачивается потерей свободы» [Бурдье, 2005].

Регулятивной роли государства отводится критически важное место в неореспубликанских теориях свободы [Scinner, 1998; Pettit, 2012; Петтит, 2016], гражданства [Republicanism... 2008], справедливости [Lovett, 2010], демократии [White, 2012], благосостояния [Mead, 2005; Birnbaum, 2015].

Социальный порядок *не*-доминирования обременяет государство ролью субъекта социальной справедливости. Такое движение «назад в будущее» означает: возвращение к более активной политике регулирования занятости и гармонизации неравенства; восстановление в статусе общего блага права иметь права; вызволение людей из «гетто» социальной эксклюзии; признание общественными таких проблем как бедность, индивидуализация биографий, социальная депривация etc. [Mead, 2005; Krause, 2013; Birnbaum, 2015]. При этом интериоризация ценности и состояния «не быть рабом / не быть в зависимости от воли другого» считается надежным иммунитетом от таких экстерналий кейнсианского государства благосостояния как патерналистские настроения, иждивенчество, социальная пассивность.

Укрепляет этот иммунитет *республиканизм газовых и водонапорных башен*. Так назвал Ф. Петтит обращение теории и практики неоклассического республиканизма к повседневным проблемам граждан. Для создания порядка *не*-доминирования особое внимание уделяется развитию гражданской и политической активности на локальном уровне. Здесь социальные и гражданские технологии применяются для обучения граждан навыкам решения индивидуальных / групповых задач в публичной сфере.

Самая отзывчивая среда для реализации стратегий эмпауэрмента локализована на низовом уровне. Это подтверждает богатейший общемировой опыт проведения социальных кампаний, нацеленных на «вживление» общественно значимых практик и норм поведения посредством стимулирования низовых инициатив и сетевого взаимодействия граждан для решения самых обыденных проблем повседневной жизни. Доказано, что органы местного самоуправления оказались наиболее эффективными и перспективными площадками для вовлечения граждан в деятельность исполнительных органов власти, для развития культуры и навыков двустороннего взаимодействия управляющих и управляемых.

Вместо заключения: Горизонты отечественного «республиканизма в душе»

Любопытны «пометки на полях» страниц истории российского республиканизма. Российские монархи (Екатерина Великая, Александр I) и многие просвещенные приверженцы монархизма горделиво называли себя *республиканцами в душе* [Каплун, 2008].

Какие струны сегодняшней российской «республиканской души» может затронуть концепция *не-доминирования* и тем самым стать инструментом «мягкой силы» конституирования в России политики современного типа?

На поверхностный взгляд, идеал свободы от господства близок по духу русской вольнице. Поэтому паттерн поведения, в котором сочетаются «лед и пламень» притягательности для россиян идеала свободы как антитезы рабства и императивность требования господства права может стать неплохой платформой для решения ряда нужных задач: правового и гражданского образования, борьбы с правовым нигилизмом, обучения контестаторной активности, институционализации «демократии оспаривания», практик и норм законопавия, повышения сопротивляемости институтов коррупции.

Республиканские стратегии продвижения политического порядка *не-доминирования* отводят государству очень важную роль и в этой части «вписываются» в российский институциональный дизайн. Не меньшее (если не большее) значение имеют стратегии эмпауэрмента «республиканизма водонапорных башен». Для российского кейса представляются безусловно полезными концептуальные разработки и опыт борьбы с доминированием на локальном уровне посредством развития школ *agency* и школ оспаривания.

В завершение стоит отметить, что на низовом (и первостепенно важном!) уровне конструирования современной политики в высшей степени инструментальна ценностно нейтральная модель политического поля. Ее системе координат чужеродно оперирование совокупными концептами. Автор этого определения-диагноза, Ион Шапиро, определил совокупные концепты как «идеи, которые взращивают и усиливают вводящие в заблуждение дихотомии». Они приводят гуманитарные науки к «бегству от реальности», ибо «систематически искажают анализируемые феномены, переключая внимание с первоочередных вопросов о мире на второстепенные во-

просы о понятиях, которые никогда не будут разрешены, так как они покоятся на категориальных ошибках» [Шапиро, 2011, с. 45, 299]. Применительно к предмету нашего исследования, к таким вводящим в заблуждение дихотомиям при осмыслении политического порядка в России можно отнести дуальную пару «демократический порядок» – «авторитарный порядок».

Список литературы

- Арендт Х.* Vita activa, или О деятельной жизни / Пер. с нем. и англ. В.В. Бибихина. – СПб.: Алетейя, 2000. – 437 с.
- Бауман З.* Индивидуализированное общество. – М.: Логос, 2005. – 390 с.
- Бурдые П.* Социология социального пространства. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. – 288 с.
- Вебер М.* Хозяйство и общество: Очерки понимающей социологии: В 4 т. – М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2016. – Т. 1: Социология. – 445 с.
- Вироли М.* Свобода слуг. – М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2014. – 113 с.
- Каплун В.* Российский республиканизм как социокультурная традиция // Полит. ру. – 2008. – 7 марта. – Режим доступа: <http://polit.ru/article/2008/03/27/kaplun/> (Дата посещения: 1.02.2018.)
- Локк Дж.* Два трактата о правлении // Локк Дж. Сочинения: В 3 т. – М.: Мысль, 1988. – Т. 3. – С. 137–405.
- Монтескье Ш.Л.* О духе законов. – М.: Мысль, 1999. – 674 с.
- Павлов А.* Республиканизм Филипа Петтита: Самая актуальная современная политическая философия // Республиканизм. Теория свободы и государственного правления. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. – С. 7–24.
- Петтит Ф.* Республиканизм. Теория свободы и государственного правления. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. – 488 с.
- Розанваллон П.* Утопический капитализм. История идеи рынка. – М.: Новое литературное обозрение, 2007. – 266 с.
- Тейлор Ч.* Философия и ее история. – М.: ИФ РАН, 2001. – Вып. 8. – С. 78–95.
- Хабермас Ю.* Моральное сознание и коммуникативное действие. – М.: Наука, 2000. – 384 с.
- Шапиро И.* Бегство от реальности в гуманитарных науках. – М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2011. – 386 с.
- Экспертное обсуждение концепции конституирования политического поля и политического пространства в России / Отв. ред. С.В. Патрушев, Л.Е. Филиппова. –

- М.: ФНИСЦ РАН, 2017. – 73 с. – Режим доступа: http://www.isras.ru/files/File/publ/Expert_discussion_18_10_2017.pdf (Дата посещения: 6.02.2018.)
- Элстер Ю. Рынок и форум. Три разновидности политической теории // Логос. – М., 2012. – № 3 (87). – С. 60–87.
- Birnbau S. Welfare contractualism, social justice and republican citizenship // New contractualism in European welfare state policies / Ed. by E. Rune, N. Kildal, E. Nilssen. – Farnham: Ashgate, 2015. – P. 17–46.
- Bobbio N. Democracy and dictatorship: The nature and limits of state power. – Minneapolis: Univ. of Minnesota press, 1989. – 186 p.
- Citizenship, markets and the state / C. Crouch, K. Eder, D. Tambini (eds). – N.Y.: Oxford univ. press, 2001. – 285 p.
- Elster J. The market and the forum: Three varieties of political theory // Foundations of social choice theory / J. Elster, A.H. Hylland (eds). – Cambridge: Cambridge univ. press, 1986. – P. 103–132.
- European Sociological Association 13 th Conference. (Un)Making Europe: Capitalism, solidarities, subjectivities, Athens, 29 August – 01 September 2017: Abstract book. – Paris: European Sociological Association (ESA), 2017. – 1000 p. – Mode of access: https://www.europeansociology.org/sites/default/files/ESA-2017-Athens_Abstract-Book_final.pdf (Дата посещения: 9.02.2018.)
- Habermas J. Core Europe to the rescue: A conversation with Jürgen Habermas about Brexit and the EU crisis // Social Europe. – L., 2016. – 12 June. – Mode of access: <https://www.socialeurope.eu> (Дата посещения: 1.02.2018.)
- Habits of the heart: Individualism and commitment in American life / R.N. Bellah, R. Madsen, W.M. Sullivan, A. Swidler, S.M. Tipton. – Berkeley: Univ. of Calif. press, 2008. – 355 p.
- Honohan I. Civic republicanism. – L.; N.Y.: Psychology press, 2002. – 328 p.
- Krause S. Beyond Non-Domination: Agency, inequality and the meaning of freedom // Philosophy and Social Criticism. – L., 2013. – Vol. 39, N 2. – P. 187–208.
- Lovett F. A general theory of domination and justice. – Oxford: Oxford univ. press, 2010. – 273 p.
- Lovett F. What counts as arbitrary power? // Journal of Political Power. – L., 2012. – Vol. 5, N 1. – P. 137–152.
- Marti J., Pettit Ph. A political philosophy in public life: Civic republicanism in Zapatero's Spain. – Princeton: Princeton univ. press, 2012. – 216 p.
- Mead L. Welfare reform and citizenship // Welfare reform and political theory / L. Mead, C. Beem (eds). – N.Y.: Russell Sage foundation, 2005. – P. 172–199.
- Miller D. Market, state, and community: Theoretical foundations of market socialism. – Oxford: Oxford univ. press, 1990. – 373 p.

- Olsen E.J.* Civic republicanism and the properties of democracy: A case study of post socialist political theory. – Lanham (MD); Oxford: Lexington books, 2006. – 313 p.
- Pettit Ph.* A political realism meets civic republicanism // *Critical Review of International Social and Political Philosophy*. – L., 2017. – Vol. 20, Issue 3. – P. 331–347.
- Pettit Ph.* On the people's terms: A republican theory and model of democracy. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2012. – 338 p.
- Pettit Ph.* The robust demands of the good: Ethics with attachment, virtue, and respect. – Oxford: Oxford univ. press, 2015. – 281 p.
- Republicanism and political theory / C. Laborde, J. Maynor (eds). – Oxford: Blackwell, 2008. – 280 p.
- Sen A.* The idea of justice. – Cambridge: The Belknap press of Harvard univ. press, 2009. – 468 p.
- Skinner Q.* Liberty before liberalism. – Cambridge: Cambridge univ. press, 1998. – 142 p.
- Skinner Q.* A Third Concept of Liberty // *Proceedings of the British Academy*. – Oxford, 2002. – Vol. 117. – P. 237–268.
- Sunstein C.R.* After the rights revolution: Reconceiving the regulatory state. – Cambridge: Harvard univ. press, 1990. – 284 p.
- White S.* Property-owning democracy and republican citizenship // *Property-owning democracy: Rawls and beyond* / M. O'Neill, T. Williamson (eds). – Oxford: Wiley-Blackwell, 2012. – P. 129–146.

Т.В. Павлова*

**ДЕЛИБЕРАЦИЯ КАК ФАКТОР
КОНСТИТУИРОВАНИЯ
ПОЛЯ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКИ**

Аннотация. В статье анализируются основные теоретические подходы к исследованию делиберации и делиберативной демократии как новой парадигмы современной демократической теории и политической теории в целом. В статье рассмотрены основные нормативные принципы делиберации как нового способа политического участия, сделан вывод о том, что делиберация является моделью современной политики; также сформулированы условия, при которых возможна имплементация данной модели в современной России.

Ключевые слова: делиберация; демократия; делиберативная среда; рефлексизирующий моральный индивид; делиберативная модель политики.

T.V. Pavlova

Deliberation as the constitution factor of modern politics field

Abstract. The article analyzes the main theoretical approaches to the study of deliberation and deliberative democracy as a new paradigm of modern democratic theory and political theory in general. The article considers the main normative principles of the deliberation as a new mode of political participation and concludes that the deliberation is a model of modern politics; the conditions under which the implementation of such a model is possible in contemporary Russia are formulated as well.

***Павлова Тамара Владимировна**, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), e-mail: tamarapavlova@mail.ru

Pavlova Tamara, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), e-mail: tamarapavlova@mail.ru

Keywords: deliberation; democracy; deliberative environment; reflective moral individual; deliberative model of politics.

Данная статья является частью коллективного исследования, посвященного формированию политического поля в современной России. В своем анализе мы исходим из понимания политического поля как «публичного пространства институционализированных взаимодействий (диалога и конфликта, протеста и поддержки, сотрудничества и борьбы) по поводу значимых проблем в рамках наличного и альтернативных проектов общих целей и стратегических решений для общества» [Павлова, Патрушев, Филиппова, 2017]. В задачи исследования входит анализ того, кто может быть актором поля политики в современной России и по каким правилам они могут действовать. Попытаемся ответить на этот вопрос, исходя из той модели политики, которая сложилась в эпоху модерна и постмодерна, обратившись, в частности, к такому сравнительно новому фактору в политике, как делиберация.

Изменения в современной политике. Появление новых акторов

Характеристики современной политики, под которой мы понимаем политику эпохи модерна, естественным образом отражают глобальные социетальные изменения последних десятилетий: все возрастающую сложность, дифференциацию и фрагментацию западного общества, радикальные сдвиги в его социальной структуре, ослабление социальных норм, тенденцию ко все большей индивидуализации. Эти глубокие и стремительные трансформации дали ведущим социологам основание для таких определений, как «индивидуализированное общество», «растекающаяся модернити» [Бауман, 2002], «общество риска», «рефлексивная модернизация» [Бек, 2000].

В контексте радикальных социетальных трансформаций произошли изменения в содержании и характере политики, которой все в большей мере присущи такие черты и процессы, как индивидуализация, дифференциация (появление сфер субполитики), размывание границ политики, связанное с появлениями новых но-

сителей политического (новых социальных движений других, в том числе и индивидуальных акторов), децентрализация политики, деполитизация государственного управления, растущее отчуждение граждан от политики.

Феномен индивидуализации по-разному оценивается исследователями. По мнению многих из них, усиление социальной дифференциации и сложности современного общества, индивидуализация сознания, а также рост неопределенности и нестабильности в жизни людей приводят к тому, что субъекты «все сильнее руководствуются стремлением к индивидуальному самовыражению и индивидуальному действию» [Дзоло, 2010, с. 126], все в меньшей степени стремятся к солидарности и созданию коллективных общностей, что лишает коллективное измерение политической жизни легитимности [там же, с. 127].

Действительно, в поле современной политики коллективные акторы (партии, профсоюзы и другие организации) в значительной мере утрачивают ту роль, которую они играли прежде. Западные исследователи практически единодушны в признании того, что политические институты современных демократий, прежде всего институты представительства, переживают кризис и нуждаются в обновлении и качественном развитии [Crosier, Huntington, Watanuki, 1975; Citizens... 1995; Pharr, Putnam, 2000; Dalton, 2004].

Представляется, однако, что «стремление к индивидуальному самовыражению и индивидуальному действию» вовсе не обязательно ведет к отрицанию коллективного измерения политики, как полагает Д. Дзоло. Скорее, речь должна идти о новых формах этого измерения в условиях современного общества – коммуникации и взаимодействии индивидов как граждан, ориентированных на достижение не только своих личных и групповых целей, но и общего блага. Кристиан Вельцель в своей книге «Рождение свободы»¹, касаясь дискуссии о позитивных и негативных аспектах индивидуализма, которая ведется социологами и психологами, отмечает, что он и его коллега и соавтор Рональд Инглхарт [Inglehart, Welzel, 2005, p. 141–144, 293–295] не согласны с отождествлением рядом исследователей индивидуализма с эгоизмом и трактовкой его как деструктивного фактора, ведущего к «потере

¹ Английское издание книги Freedom Rising: Human Empowerment and the Quest for Emancipation.

сообщества», распаду социальных связей. Выступая сторонниками «позитивного индивидуализма», они определяют его «как ориентацию, которая рассматривает каждого человека как, прежде всего, ценную автономную личность» [Вельцель, 2017, с. 209], а индивидуализацию – как процесс эмпауэрмента человека. При этом индивидуализация «вовсе не отменяет склонность людей объединяться с себе подобными – напротив, она дает свободу объединяться или отделяться согласно выбору людей. В результате социальные отношения, преданность группе, коллективные аффилиации в большей степени соответствуют желаниям людей» [там же, с. 211]. Эмансипативные ценности, которые в концепции Вельцеля являются главным предметом анализа, «представляют собой гражданственную, просоциальную форму индивидуализма, связанную с неэгоистической, доверительной и гуманистической ориентацией» [там же]. Именно такой индивидуализм может, как нам представляется, стать основой для новых форм политики, в частности делиберативной.

«Делиберативный поворот» в политической теории

В контексте дискуссии о связи гражданственности с индивидуализацией становится очевидной востребованность тех моделей демократии, которые предполагают участие рядовых граждан в политике не только посредством участия в выборах и в работе политических организаций, но и в различных формах прямого участия и действия. Не случайно поэтому значительное развитие в последние десятилетия получили концепции демократической делиберации как существенно расширяющей возможности активного включения граждан в политику [Хелд, 2014, с. 413].

Сдвиг в демократической теории, получивший название «делиберативный поворот» [Dryzek, 2000, p. 5]¹, произошел в конце 80-х – начале 90-х годов прошлого века и был, прежде всего, ответом на кризис демократии, рост недоверия к политике в целом,

¹ Шанталь Муфф называет обращение к тематике делиберации «новой парадигмой демократии», оговариваясь, что «основная идея – “при демократической форме правления политические решения должны приниматься в ходе обсуждения их свободными и равными гражданами” – сопутствовала демократии с самого ее рождения в Афинах пятого века до нашей эры» [Муфф, 2004, с. 180].

в частности, к ее представительным институтам. Поворот состоял главным образом в том, что суть демократии стали усматривать не в голосовании и агрегации интересов, а в процессе публичной коммуникации между гражданами по поводу касающихся их политических решений.

Внимание теоретиков демократии в этот период смещается от политического представительства к социальным процессам, к повседневной жизни индивида [Chandler, 2013; Stears, 2011]. На первый план выходит проблема индивидуальных когнитивных и социальных способностей, ответственности индивидов за себя и свои сообщества. Политические проблемы решаются через демократизацию повседневной жизни, в которой политические субъекты встраиваются в дифференцированные, плюралистичные и пересекающие границы друг друга социальные и когнитивные сообщества: семью, трудовые коллективы, школы, соседские и досуговые организации. А сама демократизация происходит путем наделения властью (*social empowerment*) как сообществ, так и индивидов, которые становятся ключевыми фигурами в процессе принятия решений. Именно в этой логике выстроена теория делиберативной (дискурсивной) демократии.

Важно отметить, что «делиберативный поворот» коснулся не только теории демократии, но и оказал масштабное влияние на всю современную политическую теорию [Dryzek, 2000; Ganuza, 2012]. Делиберация обозначила «новый политический горизонт, в свете которого моделируются многие из классических проблем современной теории политики: равенство, распределение власти, участие и влияние» [Ibid., p. 19]. В теории делиберации речь идет фактически о новом понимании политики – не в логике государствоцентризма и политического представительства, а в логике социального эмпауэрмента, связанного со способностями «рефлексивных граждан» принимать разумные и ответственные решения в своей повседневной жизни.

Понятие делиберации и теоретические истоки делиберативной теории

Исследователи отмечают, что не существует единого, устраивающего всех определения делиберации [Deliberative politics... 1999; Mendelberg, 2002]. Однако большинство из них считают глав-

ными идеи о том, что политические решения, сказывающиеся на жизни граждан, должны приниматься самими гражданами, и что участвующие в процессе делиберации люди основываются на аргументах, отражающих потребности или принципы каждого, кого касается обсуждаемая проблема [Gutmann, Thompson, 1996; Habermas, 1989; Rawls, 1996].

Словарь «Мерриам-Вебстер» дает следующий перевод термина *deliberation*: «дискуссия или обсуждение группой лиц (таких, как жюри или законодательное собрание) аргументов за или против какого-либо действия» [Deliberation, 2018].

Основные постулаты данного направления в политической теории, отмечается в статье в энциклопедии Британника, посвященной делиберативной (дискурсивной) демократии¹, состоят в следующем: «политические решения должны быть результатом честной и аргументированной дискуссии и дебатов между гражданами. В делиберации граждане обмениваются аргументами и обсуждают различные утверждения, конструируемые с целью обеспечить общее благо. В процессе этого обсуждения граждане могут прийти к соглашению относительно того, какая процедура, какое действие или политика будут лучше всего способствовать общему благу» [Eagan].

Впервые термин «делиберативная демократия» был использован в работе американского автора Джозефа Бессета, опубликованной в 1980 г. [Bessette, 1980], хотя еще ранее идеи «демократии обсуждения» развивал американский философ Джон Дьюи [Dewey, 1954].

Наибольшее влияние на формирование теории делиберативной демократии оказали известные философы Юрген Хабермас и Джон Ролз. Шанталь Муфф, анализирувавшая концепции этих мыслителей, справедливо видит их заслугу в том, что они вернулись к проблемам морали и справедливости в политике [Муфф, 2004].

Вклад Хабермаса состоит прежде всего в разработанной им теории коммуникативного действия. Под коммуникативным действием он понимает такое взаимодействие, интеракцию по край-

¹ Вряд ли можно согласиться с переводом данного термина на русский язык как «совещательная демократия», который используется в ряде изданий по теории демократии (см., например: [Хелд, 2014]), поскольку в таком случае ускользает смысл термина, связанный с латинским глаголом *delibero* – взвешивать (мысленно), обсуждать, обдумывать. На это справедливо указывает известный исследователь американской демократии Э.Я. Баталов [Баталов, 2010, с. 269].

ней мере двух индивидов, которое упорядочивается согласно нормам, принимаемым за обязательные. Целью коммуникативного действия, в отличие от инструментального, ориентированного на успех, является у Хабермаса взаимопонимание действующих индивидов, их рационально достигаемый консенсус. Такой консенсус предполагает координацию тех усилий людей, которые направлены именно на взаимопонимание и взаимодействие. «Коммуникативными я называю такие интеракции, в которых их участники согласуют и координируют планы своих действий; при этом достигнутое в том или ином случае согласие измеряется intersubjectивным признанием притязаний на значимость» [Хабермас, 2001, с. 91]. Обосновывая свои притязания на истинность и правильность, участник коммуникации «приводит рациональные аргументы в качестве гарантии, т.е. дискурсивным путем добивается признания слушателей и тем самым обеспечивает объединение планов действий различных людей» [Марков, 2006, с. 336–337].

Коммуникация происходит в соответствии с обязательными правилами, которые «укоренены в структурах самой аргументации и не нуждаются в каком-либо внешнем авторитете, ибо признаются любым компетентным субъектом, включающимся в процесс общения» [там же, с. 333].

Коммуникация между индивидами строится, согласно Хабермасу, на диалогическом принципе. «При этом диалог понимается им как свободное взаимодействие индивидов, в котором индивидуальность не подавляется, а, напротив, проявляется во всем ее богатстве» [Зайцев, 2012].

Важным аспектом коммуникации является у Хабермаса признание общезначимости моральных норм, для чего необходима процедура их легитимации, т.е. «обоснования и оправдания с точки зрения справедливости» [Марков, 2006, с. 337], что реализуется коллективными, совместными усилиями участников коммуникации. Хабермас вводит понятие «этики дискурса», которая включает принципы как справедливости, так и солидарности. Он подчеркивает, что «согласно этике дискурса, та или иная норма лишь в том случае может претендовать на значимость, если все, до кого она имеет касательство, как участники *практического дискурса* достигают (или могли бы достичь) согласия в том, что эта норма имеет силу» [Хабермас, 2001, с. 104].

Ключевым понятием у Хабермаса является понятие публичности, публичной сферы. «Публичность (Offentlichkeit) – сфера, в которой происходит презентация участниками общественной коммуникации своих частных интересов и мнений, которые интерпретируются и получают признание в качестве общественно значимых» [Назарчук, 2011].

Свою трактовку делиберативной политики Хабермас называет «процедуралистской» [Хабермас, 2008, с. 381], сопоставляя ее как с либеральной, так и с республиканской концепциями политики. Согласно либеральной концепции процесс формирования политической воли осуществляется через компромисс интересов, реализуемый через процедуры представительства. В республиканской концепции формирование политической воли осуществляется в форме «этического самосогласия», в основе которого лежит «фоновый консенсус граждан» относительно республиканских принципов. «Теория дискурса воспринимает элементы обеих сторон и интегрирует их в понятие идеальной процедуры совещания и принятия решений. Эта *демократическая процедура* устанавливает внутреннюю связь между *переговорами*, *дискурсами самосогласия* и *справедливости* и обосновывает предположение, что при таких условиях достигаются разумные и, соответственно, честные результаты» [там же, с. 392].

Однако, в отличие от республиканизма, теория дискурса «делает осуществление делиберативной политики зависимым не от коллективно дееспособной совокупности граждан, но от институционализации соответствующих процедур... Там совокупность граждан рассматривается как коллективный актор, рефлексирующий над целым и действующий ради него; здесь отдельные акторы функционируют как зависимые переменные во властных процессах, осуществляющихся вслепую, ибо по ту сторону актов индивидуального выбора не может быть никаких осознанно осуществляемых коллективных решений...» [там же, с. 395].

Таким образом, Хабермас подчеркивает роль индивидуальных акторов в реализации делиберативной политики, индивидов, которые сами делают выбор относительно своих позиций и следуют определенным процедурным правилам.

Реализация делиберативной политики зависит в трактовке Хабермаса от процесса институционализации процедур коммуникации, которые осуществляются как в форме совещаний парла-

ментского корпуса, так и в сети коммуникаций в публичной сфере и которые «образуют арену, где может происходить более или менее рациональное формирование общественного мнения и политической воли по поводу значимых для всего общества тем и нуждающихся в регулировании дел» [Хабермас, 2008, с. 396]. Таким образом возникает коммуникативно производимая власть, которая через влияние общественного мнения на институционализированные формы (выборы, законодательство) трансформируется в административно применяемую власть [там же].

Оценивая перспективы делиберативной политики, Хабермас отмечает, что эта политика, присущие ей способы политической коммуникации зависят от «ресурсов жизненного мира – от свободлюбивой политической культуры и от просвещенных форм политической социализации, прежде всего от инициатив ассоциаций, где формируются мнения...» [там же, с. 400–401].

Хабермас, со ссылкой на американского автора Майклмана, вводит понятие «делиберативности», под которой он понимает установку на социальное сотрудничество, открытость, готовность к дискуссии, и «делиберативной среды», т.е. условий для обмена мнениями и для влияния этих мнений в обобщенном виде на принятие решений. Он отмечает, что «спор мнений, вынесенный на политическую арену, обладает легитимирующей силой не только в смысле предоставления доступа к властным позициям; скорее, последовательно проводимый политический курс обладает обязательной силой также и в отношении способа осуществления политического господства» [там же, с. 389]. И далее он делает важный вывод, касающийся легитимного функционирования власти: «Административная власть может применяться только на политической основе и в рамках законов, создаваемых в ходе демократического процесса» [там же].

Джон Ролз, автор известного фундаментального труда по «теории справедливости», вышедшего в 1975 г. [Ролз, 1995], так же, как и Хабермас, внес существенный вклад в обоснование важных постулатов делиберативной теории. Ролз сформулировал свою концепцию справедливости, в которой он видел «моральный базис демократического общества» [там же, с. 15], как альтернативу концепциям утилитаризма, в русле договорной теории – теории общественного договора Дж. Локка, Ж-Ж. Руссо и И. Канта.

Основная идея Ролза состоит в том, что «принципы справедливости для базисной структуры общества являются объектами исходного соглашения. Это такие принципы, которые свободные и рациональные индивиды, преследующие свои интересы, в исходном положении равенства примут в качестве определяющих фундаментальные соглашения по поводу своего объединения. Эти принципы должны регулировать все остальные соглашения; они специфицируют виды социальной кооперации, которые могут возникнуть, и формы правления, которые могут быть установлены. Этот способ рассмотрения принципов справедливости я буду называть справедливость как честность» [Ролз, 1995, с. 25].

Люди, занятые в социальной кооперации, должны, согласно Ролзу, «решить заранее, как они будут регулировать свои притязания друг к другу и какова должна быть основная хартия их общества. Точно так же, как каждая личность должна решить путем рациональных размышлений, что составляет благо, т.е. систему целей, рациональную для их преследования, так и группа людей должна решить раз и навсегда, что считать справедливым и несправедливым. Выбор, который должен был бы сделать рациональный человек в этой гипотетической ситуации равной свободы, определяет принципы справедливости» [там же].

Концепция справедливости как честности подразумевает у Ролза некую гипотетическую ситуацию (аналогичную естественному состоянию в традиционной теории общественного договора), при которой все индивиды имеют исходно равное положение и выбирают принципы справедливости за «вуалью неведения» (*veil of ignorance*), т.е. пребывая в неведении относительно своего социального положения, роли в обществе и не имея собственных концепций блага. А поскольку «все имеют одинаковое положение и никто не способен изобрести принципы для улучшения своих конкретных условий, принципы справедливости становятся результатом честного соглашения или торга» [там же, с. 25–26]. Таким образом, Ролз определяет участвующих в заключении общественного договора индивидов как равных моральных и рациональных личностей, имеющих определенные представления о справедливости и способность к пониманию блага.

Идеал общества, основанного на таком договоре, принимает у Ролза очертания «справедливой системы кооперации... между гражданами как свободными и равными личностями». Речь идет

об обществе, где обеспечено честное равенство возможностей в сфере экономики и где действующие институты «поддерживают справедливую ценность политических свобод» [Ролз, 1995, с. 12].

Теоретические проблемы делиберативной политики

Ключевая проблема теории делиберации – проблема легитимности принимаемых политических решений. Ш. Муфф вписала эту проблему в общую теорию демократии, связав ее с делиберацией: «По Хабермасу, стабильное функционирование демократии нуждается в создании политической общности, объединяемой рациональным пониманием легитимности. Поэтому, по мнению сторонников Хабермаса, основная проблема состоит в нахождении средства, которое гарантировало бы то, что решения, принятые демократическими институтами, отражают беспристрастную точку зрения, выражающую в равной степени интересы всех, а для этого необходимо создание процедур, которые могут привести к рациональным результатам посредством демократического участия [Муфф, 2004, с. 189]. Согласно Сейле Бенхабиб, являющейся последовательницей Хабермаса, «легитимность в демократических обществах следует считать результатом свободного и неограниченного публичного обсуждения всеми вопросов, вызывающих общий интерес» [Benhabib, 1996, p. 68].

Легитимность в теории делиберации основывается не на агрегации предпочтений граждан, как в классической либеральной теории, и не на априори существующей общей воле, как в республиканской традиции (идущей от Руссо, который рассматривал общую волю скорее как «согласие сердец, нежели аргументов»). Легитимность политических решений базируется у теоретиков делиберации на результатах процесса обсуждения и сопоставления различных аргументов и точек зрения, в котором принимают участие все граждане, затрагиваемые принимаемыми решениями. Это положение сформулировал в своей важной для делиберативной теории статье «О легитимности и политической делиберации», опубликованной в 1987 г., французский исследователь Бернар Манен: «Источник легитимности – не predetermined воля индивидов, а скорее процесс ее формирования, обсуждение само по себе... Законное, легитимное решение не отражает волю всех до

единого, но является одним из результатов всеобщего обсуждения. Это процесс, в котором формируется воля каждого, и он придает больше легитимности конечному результату, чем сумма уже сформировавшихся волей. Делиберативный принцип является индивидуалистским и в то же время демократичным...» [Manin, 1987, с. 351].

Участвующие в обсуждении индивиды, обладающие способностью к рефлексии, не имеют, согласно делиберативной теории, заранее заданных предпочтений; они обучаются и меняют свое мнение в ходе дискуссии. Эти индивиды «лишь частично знают, чего они хотят: у них есть некоторые предпочтения и некая информация, однако – нетвердые, неполные, часто путанные и противоречащие одни другим. Процесс делиберации, сопоставление различных точек зрения помогает им прояснить информацию и уточнить свои предпочтения. Они могут даже изменить свои первоначальные установки, если это окажется необходимо» [ibid., p. 351].

Современные исследователи делиберативной теории отмечают заметное увеличение с конца 1980-х – начала 1990-х годов числа площадок для дискуссий граждан, делиберативных форумов разного типа (от локальных микрофорумов (mini-publics) до обсуждений в рамках национальных парламентов и международных структур). Это способствует увеличению легитимности демократического порядка (благодаря подотчетности власти и участию граждан), ориентирует политику на решение общественно значимых проблем (благодаря взаимодействию государственных структур и гражданского общества), способствует повышению качества принимаемых решений (благодаря информированной и содержательной дискуссии) [Chambers, 2012; Chapel, 2012].

В ходе делиберации отрабатываются такие ключевые для демократической политики механизмы, как взаимопонимание, учет интересов других, консенсус, аргументированная дискуссия. Важно, что в пространствах делиберации (deliberative spaces) не только реализуется коммуникация, обмен аргументами, но и конструируются разделяемые всеми определения общего блага и, таким образом, легитимируются публичные решения [Chambers, 2012].

Все это, как справедливо отмечает известный английский теоретик демократии Дэвид Хелд, в конечном счете повышает «качества гражданского участия» и «качества демократии» [Хелд, 2014, с. 382–385]. В своей фундаментальной работе «Модели демокра-

тии» он определяет делиберативную демократию как отдельную, в его классификации девятую, модель, основными принципами которой являются: 1) установление условий политической ассоциации посредством «свободного и обоснованного одобрения ее граждан»; 2) «взаимная аргументируемость» политических решений как легитимная основа для поиска решений коллективных проблем [Хелд, 2014, с. 382–385].

Патриарх демократической теории, американский исследователь Роберт Даль в своей, уже ставшей классической, работе «Демократия и ее критики» [Dahl, 1989], усматривая ключевую проблему демократического процесса в растущем разрыве между политической элитой и народом (демосом), указывает на необходимость его преодоления с помощью мер по предоставлению всем гражданам равных возможностей для получения информации и политического участия. Развитие демократического процесса он в значительной степени связывает с обращением к суждениям простых людей, формулируемых в делиберативных форумах (*mini-populus*), участники которых избираются путем случайной выборки и потому представляют мнение всего народа. При этом в делиберативных форумах Даль видит не замену структур представительной демократии, а дополнение к ним, своего рода механизм адаптации демократии к изменениям в современной политической жизни [ibid., p. 338–340].

Известная итальянская исследовательница социальных движений Д. Делла Порта идет дальше: она формулирует в данной связи тезис о «постпредставительной демократии» [Демократизация, 2015, с. 320]. Пути «спасения демократии» лежат, по мнению автора, в ее расширении именно в этом направлении, в реализации партисипаторной и делиберативной моделей, которые должны дополнить и «уравновесить» модели либеральной представительной демократии [Della Porta, 2013]. Принцип представительства уравнивается в ее концепции наличием пространств партисипации, а принцип большинства – присутствием пространств делиберации, где происходит легитимация принимаемых политических решений.

Профессор Принстонского университета Надя Урбинати, автор недавнего исследования «Искаженная демократия» [Урбинати, 2016], также полагает, что делиберация, «форум мнений» входит в систему представительной демократии, наряду со свободными выборами и конкурирующими между собой политическими партия-

ми, и способствует эффективной политической борьбе и столкновению различных соперничающих друг с другом мнений [Урбинати, 2016, с. 11]. Препятствия для реализации данной модели кроются, полагает автор, в искажениях демократического характера системы, в том числе и в искажениях делиберации, связанных с особенностями современной политики. Одним из таких искажений является отрицание политической природы делиберации и отказ от процедурной и представительной конфигураций демократии. Ответом на эти искажения Урбинати считает свою трактовку демократии как диархии воли (процедур и институтов представительной демократии) и мнения (понимаемого как внеконституционная область политических мнений), из которой следует представление о форуме как о публичном благе, позволяющем гражданам контролировать конституционную власть, формулировать и оглашать свои политические решения [там же, с. 441–442].

Урбинати обращает внимание на необходимость в условиях развития современных технологий в сфере коммуникаций и информации новых правовых (конституционных) мер «защиты независимости и плюрализма публичного форума информации от власти политического большинства и одновременно власти частных лиц – магнатов» [там же, с. 439].

В отличие от названных авторов, рассматривающих делиберацию как дополнение к либеральным институтам, ряд демократических теоретиков видят в ней способ изменить демократию, сделать ее более инклюзивной, создать новый язык радикальной политики [Dryzek, 2000; Young, 2000].

Принципы делиберации

Наиболее детально принципы делиберации разработали американские теоретики, развивавшие делиберативные концепции на базе республиканских концепций самоуправления. Ведущим исследователем американской школы является Джошуа Козн, который систематично проанализировал основные черты и принципы делиберативной политики в работе «Делиберация и демократическая легитимность» [Cohen, 1989]. В своем анализе он основывался прежде всего на идеях Дж. Ролза, у которого учился. Козн выде-

лил три основные черты демократической политики в справедливом обществе, являющиеся условиями делиберации:

- в хорошо устроенном обществе политическая дискуссия (делиберация) организуется вокруг альтернативных концепций общего блага;

- при демократическом порядке гражданам должны быть обеспечены равные политические и властные возможности, независимо от их экономических и социальных позиций; для обеспечения «честного значения» (*fair value*) политических свобод следует принять такие меры, как государственное финансирование политических партий, ограничение политических расходов частных лиц, прогрессивное налогообложение, с тем чтобы политическая повестка не контролировалась интересами доминирующих групп;

- «демократическая политика должна быть устроена таким образом, чтобы обеспечить основу для самоуважения, способствовать развитию чувства политической компетентности, а также формированию чувства справедливости» [Cohen, 1989, p. 18]. Все это призвано заложить основания отношений «гражданской дружбы» и «этоса политической культуры» [*ibid.*, p. 18–19].

В контекст перечисленных условий Коэн вписывает свою «формальную концепцию» делиберативной демократии. Он связывает ее с «интуитивным идеалом демократического сообщества, в котором легитимация правил и условий сообщества происходит посредством публичной аргументации и рационально организованного обсуждения (*reasoning*) равных граждан. Граждане в таком порядке разделяют приверженность решению проблем коллективного выбора через публичное обсуждение и рассматривают свои основные институты как легитимные в той мере, в какой они устанавливают рамки для свободной публичной делиберации» [*ibid.*, p. 21].

Коэн выделяет следующие черты делиберативной демократии:

- наличие действующего в течение продолжительного времени независимого сообщества;

- члены сообщества разделяют общие правила и нормы делиберации и координируют свою деятельность в рамках институтов, которые делают делиберацию возможной;

- плюрализм: члены сообщества имеют различные предпочтения, убеждения и идеалы, разные цели, несмотря на приверженность делиберативному решению проблем коллективного выбора;

– члены сообщества видят в делиберативных процедурах источник *легитимности*, поэтому для них важно, чтобы правила сообщества не просто были результатом делиберации, но и представлялись им таковыми;

– каждый член сообщества признает в другом наличие способностей к делиберации – к «публичному обмену аргументами и к воздействию на результат такого публичного рационального обсуждения» [Cohen, 1989].

Козн, кроме того, описывает «идеальную делиберативную процедуру», которая служит у него моделью демократических институтов, в которых она воплощается, выделяя ее основные аспекты:

– Идеальная делиберация является *свободной*, если она удовлетворяет двум условиям. Во-первых, участники считают себя связанными только результатами своей делиберации и предварительными условиями этой делиберации, и оценка ими предложений не обусловлена авторитетом ранее действовавших норм или условий. Во-вторых, участники полагают, что они могут действовать исходя из полученных результатов делиберации, поскольку они были ее участниками.

– Делиберация имеет *рациональный характер* (is reasoned), поскольку ее участники должны предлагать свои аргументы в поддержку или против выдвигаемых предложений.

– Участники идеальной делиберации *равны* формально и по существу. Правила делиберативной процедуры едины для всех: все имеют равное право высказываться по повестке и предлагать решения, а также имеют равный голос при принятии решений.

– Идеальная делиберация стремится к достижению рационально мотивированного *консенсуса* – поиску разумных аргументов, убедительных для всех, кто призван действовать исходя из результатов свободной и разумной оценки альтернатив, предлагаемых равными участниками делиберации [ibid., p. 23].

В делиберативной демократии описанная идеальная делиберативная процедура моделирует, по Козну, институты принятия решений, которые не просто служат для имплементации результатов делиберации, но образуют структуру, где формируется общая воля и где, собственно, и определяется, существует ли равенство, свободная делиберация и пр. [ibid., p. 26].

Институционализация делиберативных процедур реализуется на множестве арен, однако недостаточно оставаться в рамках ло-

кальных, отраслевых или монопроблемных организаций, масштаб которых не позволяет выйти за пределы круга специфических интересов отдельных групп. Самые открытые арены, необходимые для формулирования ключевого момента политической дискуссии в делиберативной демократии – концепций общего блага, способны создать политические организации, прежде всего политические партии [Cohen, 1989, p. 31].

Другие американские теоретики делиберации Эми Гутманн и Деннис Томпсон также полагают, что необходимо распространить принципы делиберации «на весь политический процесс, создавая то, что мы называем зрелой демократией. В ней совещательные форумы охватывают практически все государственные и негосударственные институты, в рамках которых граждане на регулярной основе собираются вместе для принятия коллективных решений по вопросам общественной значимости. Сюда входят не только заседания законодательных собраний, судебные слушания и административные решения на всех уровнях управления, но и встречи в рамках общественных организаций низового уровня, профессиональных ассоциаций, собрания акционеров и гражданских комитетов в больницах и иных подобных учреждениях» [Теория и практика демократии, 2006, с. 17–18].

Цель делиберации Гутманн и Томпсон видят в достижении рационально обоснованного морального консенсуса, оговариваясь, что это не всегда возможно, и что не все разногласия в современном плюралистическом обществе, с его многообразием интересов и ценностей, поддаются разрешению на основе принципов делиберативности [там же, с. 19]¹. Как бы то ни было, подчеркивают они, коллективное обсуждение, проходящее на основе принципа взаимности, – самый подходящий способ разрешения моральных разногласий между гражданами по поводу политики и способов ее осуществления [Gutman, Thompson, 1996, p. 45].

¹ Не случайно их монография называется «Демократия и разногласие» [Gutmann, Thompson, 1996].

Делиберативная модель политики

Опираясь на анализ работ ведущих теоретиков делиберации, попытаемся сформулировать основные определения и обозначить условия, которые позволят нам приблизиться к ответу на вопрос, может ли делиберация стать фактором конституирования политического поля в современной России.

Делиберация – это происходящий в публичном пространстве процесс коммуникации между гражданами, в ходе которого путем диалога, дискуссий, переговоров идет поиск приемлемых для всех путей решения коллективных проблем, конструируется разделяемое всеми понимание общего блага, т.е., собственно, решаются проблемы, которые относятся к сфере политического. С точки зрения теории делиберации протагонистами политического поля являются прежде всего индивидуальные акторы – граждане, способные к рефлексии, диалогу, обсуждению общественно значимых проблем, а делиберация превращается в способ выстраивания взаимодействия политических акторов, модель функционирования политики граждан.

Основными принципами делиберации являются публичность, инклюзивность, диалогичность, высокий уровень рационализации (reasoning), формальное и фактическое равноправие граждан.

В нашем коллективном исследовании среди признаков конституирования политического поля мы называем расширение участия, институционализацию конфликта и диалога между гражданами, а также между гражданами и государством; универсализацию норм и правил взаимодействия внутри политического сообщества¹. В контексте данного определения становится очевидной роль делиберации как модели политики на макро- и микроуровнях, устанавливающей горизонтальные (в отличие от иерархических) отношения в поле политики, включающей в политику максимально широкий круг людей, обучающей граждан взаимодействию и воспитывающей в них гражданские ценности.

В процессе публичной коммуникации индивидов идет поиск приемлемых для всех путей решения коллективных проблем, конструируется разделяемое всеми понимание общего блага. В делиберативных, дискурсивных практиках вырабатываются граждан-

¹ См. статью С.В. Патрушева и Л.Е. Филипповой в этом номере.

ские ориентации и ценности – доверия, эмпатии, равенства, справедливости, свободы, солидарности – необходимые для становления гражданина¹. Также вырабатываются нормы, правила и стратегии, по которым действуют в качестве политических акторов граждане, способные к делиберации, т.е. к рефлексии, обсуждению, аргументированной дискуссии, диалогу, в результате которых могут быть сформулированы и политические позиции. Собственно, речь идет о процессе формирования институциональной среды, необходимой для возникновения и воспроизводства поля современной политики.

Представляется, что все вышесказанное особенно важно в современном российском контексте, где чрезвычайно велико отчуждение граждан от власти и критически низок уровень межличностного доверия. Даже в столь неблагоприятных институциональных условиях практики делиберации могут стать одним из важных способов конституирования поля современной политики и проходить в тех формах, которые достаточно успешно опробованы в западном контексте – это делиберативные форумы, гражданские жюри, гражданские ассамблеи, делиберативные опросы общественного мнения и пр.

Эмпирические исследования показывают, что делиберативные институты и практики положительно влияют на политическую компетентность участников, доверие к политическим институтам и межличностное доверие, готовность к коллективному действию и в целом – на гражданские добродетели (*civic virtues*) [Gronlund, Setala, Herne, 2008].

Делиберативная политика может реализовываться, вероятно, сначала на низовом – локальном, муниципальном – уровне, а затем – на региональном и национальном уровнях, включая дискуссии в региональных и национальных парламентах. Представляется, что инициирование делиберации на низовом уровне, связанном непосредственно с инициативами граждан, – это возможный путь конституирования политического поля в России, с учетом проблематичности осуществления делиберативной политики в нынешних условиях на других, более высоких уровнях. Очевидно, поле политики может прорасти «снизу», путем взаимодействия рефлексии

¹ О «дискурсивном процессе формирования норм и ценностей в ходе публичной коммуникации» пишет Ю. Хабермас [Хабермас, 2016, с. 38].

рующих и моральных индивидов, их коммуникации, диалога, использования институциональных форм разрешения конфликтов, выработки общих позиций социальных групп, соотносенных с целями для всего общества.

При каких условиях названный путь может реализоваться?

Среди необходимых условий Дэвид Хелд называет следующие:

- ценностный плюрализм;
- сильная программа гражданского образования, стимулирующая способности к общественным дискуссиям и политическому выбору;
- общественная культура и институты, поддерживающие развитие «рефлексивных» предпочтений;
- государственная финансовая поддержка гражданских объединений, содействующих развитию делиберативных практик [Хелд, 2014, с. 415–418].

Фактически речь идет об условиях для воспитания активного гражданина [см.: Филиппова, 2007], обладающего способностями вести дискуссии по общественно значимым темам, обосновывать свои предпочтения, менять их в ходе аргументированной дискуссии и находить решения, в том числе и политические, более или менее приемлемые для всех, кого эти решения затрагивают. Именно такой гражданин и должен стать основным актором поля современной политики, которое потенциально может возникнуть в России, если такие условия будут реализованы.

Список литературы

- Бауман З. Индивидуализированное общество. – М.: Логос, 2002. – 390 с.
- Баталов Э.Я. Проблема демократии в американской политической мысли XX века. – М.: Прогресс-Традиция, 2010. – 376 с.
- Бек У. Общество риска. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 384 с.
- Вельцель К. Рождение свободы. – М.: АО «ВЦИОМ», 2017. – 404 с.
- Дзоло Д. Демократия и сложность: Реалистический подход. – М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2010. – 320 с.
- Демократизация / Под ред. К.В. Харпфера, П. Бернхагена, Р.Ф. Инглхарта, К. Вельцеля. – М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2015. – 708 с.
- Зайцев А.В. Диалогика Юргена Хабермаса: Понятие и сущность. – Режим доступа: http://e-notabene.ru/fr/article_148.html (Дата посещения: 15.02.2018.)
- Марков Б.В. Мораль и разум // Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. Послесловие. – СПб.: Наука, 2006. – С. 287–377.

- Муфф Ш. К агонистической модели демократии // Логос. – М., 2004. – № 2. – С. 180–197.
- Назарчук А.В. Понятие делиберативной политики в современном политическом процессе // Полис: Политические исследования. – М., 2011. – № 5. – С. 99–103.
- Павлова Т.В., Патрушев С.В., Филиппова Л.Е. Институциональные проблемы конституирования политического поля в современной России // Время больших перемен: Политика и политики: Материалы Всероссийской научной конференции РАПН, Москва. РУДН, 24–25 ноября 2017 г. / Под ред. О.В. Гаман-Голутвиной, Л.В. Сморгунова, Л.Н. Тимофеевой. – М.: РУДН, 2017. – С. 276–277.
- Ролз Дж. Теория справедливости. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 1995. – 532 с.
- Теория и практика демократии. Избранные тексты. – М.: Ладомир, 2006. – 496 с.
- Урбинати Н. Искаженная демократия. Мнение, истина, народ. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. – 448 с.
- Филиппова Л.Е. Эффективность гражданского воспитания: Проблема критериев // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. – М.: Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, 2007. – № 1. – С. 180–182.
- Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. – СПб.: Наука, 2001. – 377 с.
- Хабермас Ю. Вовлечение другого: Очерки политической теории. – СПб.: Наука, 2008. – 417 с.
- Хелд Д. Модели демократии. – М.: Издательский дом «Дело», 2014. – 544 с.
- Benhabib S. Toward a deliberative model of democratic legitimacy // Democracy and difference: Contesting the Boundaries of the Political / Ed. by S. Benhabib. – Princeton: Princeton univ. press, 1996. – P. 67–94.
- Bessette J. Deliberative democracy: The majority principle in republican government // How democratic is the constitution? / R.A. Goldwin, W.A. Schambra (eds). – Washington, DC: American enterprise institute, 1980. – P. 102–116.
- Chambers S. Deliberative democratic theory // Annual Review of Political Science. – Cambridge, 2003. – N 6. – P. 307–326.
- Chandler D. Democracy unbound? Non-linear politics and the politicization of everyday life // European Journal of Social Theory. – L., 2014. – Vol. 17, N 1. – P. 42–59.
- Chapel Z. Deliberative democracy. A critical introduction. – N.Y.: Palgrave Macmillan, 2012. – 200 p.
- Citizens and the state / H.-D. Klingemann, D. Fuchs (eds). – Oxford: Oxford univ. press, 1995. – 474 p.
- Cohen J. Deliberation and democratic legitimacy: The good polity. Normative analysis of the state / Ed. by A. Hamlin, P. Petit. – Oxford: Basil Blackwell, 1989. – 203 p.
- Crozier M.J., Huntington S.P., Watanuki J. The crises of democracy. – N.Y.: NYU press, 1975. – 220 p.
- Dahl R.A. Democracy and its critics. – New Haven; L.: Yale univ. press, 1989. – 397 p.
- Dalton R.J. Democratic challengers, democratic choices. – Oxford: Oxford univ. press, 2004. – 244 p.
- Deliberation // Merriam-Webster. – Mode of access: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/deliberation> (Дата посещения: 15.02.2018.)

- Deliberative politics: Essays on democracy and disagreement / Ed. by S. Macedo. – N.Y.: Oxford univ. press, 1999. – 281 p.
- Della Porta D.* Can democracy be saved? Participation, deliberation and social movements. – Cambridge: Polity press, 2013. – 224 p.
- Dewey J.* The public and its problems. – Chicago: Swallow press, 1954. – 236 p.
- Disaffected Democracies. What's Troubling the Trilateral Countries? / S.J. Pharr, R.D. Putnam (eds). – Princeton: Princeton univ. press, 2000. – 360 p.
- Dryzek J.S.* Deliberative democracy and beyond. Liberals, critics, contestations. – N.Y.: Oxford univ. press. – 195 p.
- Eagan J.L.* Deliberative democracy // Britannica concise encyclopedia. – Mode of access: <https://www.britannica.com/topic/deliberative-democracy> (Дата посещения: 15.02.2018.)
- Ganuza E.* The deliberative challenge // Citizenship in 3 D: Digital deliberative democracy / I. Ramos, E. Campos (eds). – Madrid: Fundacion ideas and Foundation for European progressive studies, 2012. – P. 19–50.
- Gronlund K., Setala M., Herne K.* Deliberation and civic virtue – lessons from a citizen deliberation experiment: Paper prepared for the CPSA 2008 Workshop on experiments & political science. – Vancouver (BC), 2008. – June.
- Gutmann A., Thompson D.* Democracy and disagreement. Why moral conflict cannot be avoided in politics and what should be done about it. – Cambridge: The Belknap press of Harvard univ. press, 1996. – 432 p.
- Manin B.* On legitimacy and political deliberation // Political Theory. – Stanford, 1987. – N 3. – P. 338–368.
- Mendelberg T.* The deliberative citizen: Theory and evidence // Research in Micropolitics. – N.Y.: Elsevier press, 2002. – Vol. 6: Political Decision Making, Deliberation and Participation / M.X. Delli Carpini, L. Hudy, R.Y. Shapiro (eds). – P. 151–193.
- Stears M.* Everyday democracy. Taking center-left politics beyond state and market. – L.: IPPR, 2011. – 56 p.
- Young I.* Inclusion and democracy. – N.Y.: Oxford univ. press, 2000. – 320 p.

РАКУРСЫ: ЛОГИКА ТРАНСФОРМАЦИИ ПРОТОПОЛИТИЧЕСКОГО И РОЖДЕНИЕ ПОЛИТИКИ

Л.Е. Филиппова*

«ПОЛИТИЗАЦИЯ» VS «ДЕПОЛИТИЗАЦИЯ»: ПОИСК АЛЬТЕРНАТИВНЫХ СТРАТЕГИЧЕСКИХ ПРОЕКТОВ И ВОЗМОЖНОСТИ СТРУКТУРИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОЛЯ¹

Аннотация. В статье рассматривается возможность использования концептов «политизация» и «деполитизация» для теоретического анализа процессов конституирования и структурирования политического поля. Различные интерпретации политизации и деполитизации обусловлены разным пониманием сущности политики / политического. Используя идеал-типическую модель политического поля, автор включает в определение политического конфликтность, наличие выбора, целеполагание и универсализм норм. Тогда политизация означает возникновение возможностей артикуляции социальных противоречий и реализации политической субъектности в пространстве выбора и целеполагания, а деполитизация – отрицание конфликтности, упразднение возможности выбора и разрушение правил политического взаимодействия. Политизация, как процесс формирования политического сообщества из протополитического, определяет горизонтальное структурирование политического поля. При этом формулируются альтернативные стратегические проекты, содержащие основные принципы устройства общества, цели и направления его развития. Проекты актуализируют

* **Филиппова Людмила Евгеньевна**, кандидат политических наук, старший научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, e-mail: ludmila_filippova@hotmail.com

Philippova Liudmila, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), e-mail: ludmila_filippova@hotmail.com

¹ Работа подготовлена в рамках проекта «Конституирование поля политики в России: институциональный анализ» (грант РФФИ № 17-03-00446).

политическое, их конкуренция является механизмом (вос)производства политического поля. Обнаружение и анализ таких проектов необходимы для оценки перспектив конституирования политического поля.

Ключевые слова: политика; политическое поле; политическое сообщество; политизация; деполитизация; стратегия.

L.E. Philippova
«Politicization» vs «depoliticization»:
The search for alternative strategic projects
and possibilities of political field structuring

Abstract. The article examines the possibility of using «politicization» and «depoliticization» concepts in a theoretical analysis of processes of constituting and structuring of a political field. Different interpretations of politicization and depoliticization are conditioned by different understandings of the essence of politics / the political. The author, using an ideal-typical model of a political field, includes conflict, availability of choice, goal-setting and universality of norms into a definition of political. Thus, politicization denotes emergence of opportunities for articulation of social contradictions and realization of political subjectness in an area of choice and goal-setting, while depoliticization denotes denial of conflict, eradication of choice, and destruction of rules of political interaction. As a process of a political community's formation out of a proto-political, politicization determines horizontal structuring of a political field. In this process alternative strategic projects are being formulated, which contain the basic principles of society's organization, goals and directions of its development. These projects ensure the actualization of the political, and their competition serves as a mechanism for (re)production of a political field. It is necessary to discover and analyze such projects to assess the prospects for constituting of a political field.

Keywords: politics; political field; political community; politicization; depoliticization; strategy.

Протополитическое сообщество и политическое поле

Понятие политического поля как особого типа социального пространства является методологическим инструментом, позволяющим объяснить то, как возникает и осуществляется политика современного типа. Политическое поле, понимаемое как институционализированное публичное пространство диалога и конфликта по поводу значимых проблем в рамках наличного и альтернативных проектов общих целей и стратегических решений для общества, является основой для разворачивания политических практик, условием существования политики. При этом политическое поле –

как и сама политика – не является предзаданным и / или статичным: оно возникает, развивается, трансформируется и деформируется, может разрушаться и исчезать. Анализ процессов конституирования и структурирования политического поля является актуальной исследовательской задачей. Один из возможных подходов к теоретическому осмыслению некоторых аспектов этих процессов предлагается в настоящей статье.

Мы полагаем, что институционализации политического поля предшествует формирование политического (более точным является термин «протополитическое») сообщества – совокупности индивидуальных и коллективных акторов, готовых реализовывать свою политическую субъектность, продуцируя правила политической «игры» и действуя в соответствии с ними. В структуре протополитического сообщества можно выделить два измерения: горизонтальное, возникающее вследствие идентификации акторов с определенными нормативно-ценностными комплексами (например, архаичное vs современное; утопическое vs прагматическое и т.п.), и вертикальное, образуемое неравными возможностями акторов. На уровне политического поля структурирование относительно нормативно-ценностных комплексов трансформируется в структуру политических идентичностей (которая может оформляться, например, в партийную систему). Вертикальное структурирование политического поля определяется результатами политической борьбы в рамках наличных институтов (например, победа или проигрыш на выборах), или трансформации этих институтов (создание или упразднение каких-либо организационных структур, должностей).

Можно предположить, что горизонтальная структура политического поля должна быть гомологичной горизонтальной структуре протополитического сообщества. Из сходной посылки исходили С. Роккан и С. Липсет в своей теории политических размежеваний [см.: Липсет, Роккан, 2004]. Термином «размежевания» обозначается специфический тип конфликта, глубокие и длительные противоречия между социальными группами, корни которых обнаруживаются в трансформации социальной структуры вследствие таких макропроцессов, как индустриализация, становление национальных государств, демократизация. Размежевания, образующие структуру сообщества, находят свое отражение в структуре политической системы, возникающей на основе данного сообщества, прежде всего в

партийной системе. Их анализ позволяет объяснить, как связаны социальные группы и политическая организация, каким образом исторические процессы на макроуровне регулируют индивидуальный политический выбор и, таким образом, определяют характер функционирования политической системы.

Не столь очевидным является то, каким образом вертикальная структура протополитического сообщества находит свое отражение в структуре политического поля. Основное значение, по-видимому, здесь имеет формирующийся институциональный контекст, т.е. выстраивание институтов, позволяющих «фиксировать» вертикальное структурирование (или наоборот, препятствующих такому структурированию). В контексте данной статьи большее значение имеет анализ процессов горизонтального структурирования политического поля, при этом необходимо отметить, что структурирование политического поля по вертикали заслуживает дальнейшего специального исследования.

Становление политических идентичностей, рост политической активности и увеличение разнообразия ее форм и способов, артикуляция и институционализация конфликтов, универсализация норм и правил взаимодействия внутри политического сообщества – все эти процессы могут рассматриваться в качестве признаков формирования политического поля. Мы полагаем, что для анализа этих процессов может быть использован концепт политизации.

Политизация и деполитизация

В наиболее общем плане политизацию можно определить как процесс приобретения теми или иными субъектами, явлениями и процессами политических качеств. Очевидно, что это определение останется «пустым», если не обозначить критерии, в соответствии с которыми мы относим те или иные явления к политическим. Более подробно содержание понятия «политизация» и его связь с сущностью политического будут рассмотрены ниже; предварительно отметим, что для нас исходной точкой является идеал-типическая модель политического поля¹, а определяющими «поли-

¹ Подробнее об этом см. статью С.В. Патрушева и Л.Е. Филипповой в настоящем номере.

тическими качествами» – конфликтность, универсализм норм, наличие выбора и целеполагание.

Политизация – процесс, осуществление которого непосредственно связано с формированием и структурированием протополитического сообщества. На этом уровне он имеет два измерения: во-первых, это политизация акторов, которая может рассматриваться как составляющая формирования политической субъектности, во-вторых, это политизация повестки дня – формулирование альтернативных представлений об общем благе и выработка на их основе стратегий политического и социального развития. На следующем уровне – уровне конституирования политического поля – политизацию можно представить как процесс формулирования правил и возникновения структур, обеспечивающих возможности реализации субъектности акторов, осуществления ими выбора из набора альтернативных стратегических проектов. Таким образом, политизация, формируя структуру на уровне протополитического сообщества, в зависимости от институционального контекста находит (или, наоборот, не находит) отражение в структуре политического поля.

В обыденном языке слово «политика» зачастую имеет негативную окраску – расхожий штамп «политика – грязное дело» постоянно воспроизводится к месту и не к месту. Как следствие, термин «политизация» также нередко используется для описания негативных процессов. «Политизировать» какое-либо явление означает придать этому явлению политический характер путем искажения его сущности; представить его с определенной точки зрения, отражающей не истинное положение вещей, а чьи-то специфические интересы; использовать его для достижения своих целей в политической борьбе. В таком ключе рассуждают о «политизации» искусства, спорта, школьных учебников, телевизионных программ и пр.

Такое предвзятое отношение к термину «политизация» в некоторой степени распространилось и в политической науке. Можно отметить определенный недостаток исследований, в которых политизация рассматривалась бы в связи с конструированием политических идентичностей и формированием политического пространства. Более широкое употребление и глубокое развитие получил в политической науке концепт деполитизации. Далее оба этих концепта будут рассматриваться как взаимосвязанные, при

этом частично реконструировать понимание политизации мы будем через анализ концепта деполитизации.

Первая волна исследовательского интереса к процессам деполитизации и, соответственно, первые попытки их концептуализации пришлось на 1960-е годы. Они находились в русле осмысления стабилизации западноевропейских политических систем в послевоенный период и в определенном смысле продолжали логику рассуждений Д. Белла о «конце идеологий», а также С. Липсета и С. Роккана о «замораживании» партийных систем. Характерной для этого периода была фиксация снижения роли традиционных политических идеологий в мотивации политического поведения и, фактически, отождествление этого процесса с деполитизацией. Ярким примером служит статья шведского исследователя У. Химмельстранда «Теоретический и эмпирический подход к деполитизации и политической вовлеченности» [Himmelstrand, 1962], оказавшая существенное влияние на последующие исследования деполитизации. В ней деполитизация в самом общем плане определяется как снижение роли идеологии или как «трансформация политических *идеологий* в набор более или менее четких административных *технологий*, основанных на широком консенсусе по поводу того, каких целей следует достигать» [ibid., p. 83; курсив в оригинале].

При более детальном анализе автор обнаруживает, что термином «деполитизация» могут быть обозначены как минимум три разных процесса: во-первых, формирование идеологического консенсуса; во-вторых, ослабление воздействия идеологии на практическую политику («разрыв» между идеологическим содержанием высказываний политиков и принимаемыми ими конкретными политическими решениями, а также «вытеснение» идеологических символов из области практической политики в область ритуала – выборов и политических торжеств); в-третьих, снижение «видимости» явных идеологических утверждений (т.е. менее активное употребление в политических дебатах открытых отсылок к ценностям и символам идеологий и стремление вместо этого оперировать фактами, техническими или экономическими аргументами) [ibid., p. 87].

Примечательно, что при концептуализации деполитизации как деидеологизации уровень политической активности не рассматривался как показатель деполитизации, а, наоборот, последняя

представала в качестве фактора, влияющего на политическую активность. Так, Химмельstrand указывает на отсутствие прямой зависимости между степенью «видимости» идеологий в данном политическом сообществе и уровнями политического участия и вовлеченности его членов [ibid., p. 108]. Еще одна особенность исследований данного периода, которую необходимо отметить, – отсутствие интереса к тому, как, собственно, происходит политизация. То есть изначальная «политичность» политики не ставится под сомнение.

С конца 1970-х годов был накоплен значительный массив литературы, посвященной анализу снижения уровня политической активности (прежде всего, электорального участия и членства в политических партиях) в западных демократиях [Dalton, 2004]. Однако концепт деполитизации практически не использовался для анализа этих процессов. «Возвращение» концепта в активное использование началось в середине 2000-х годов, когда беспрецедентный рост общественного недоверия к демократическим политическим процессам, политическим институтам и политикам, усугубленный впоследствии экономическим кризисом, а также возникновение новых неконвенциональных форм политической активности стимулировали развитие новых объяснительных моделей в политической науке. «Деполитизация» оказалась в ряду таких активно разрабатываемых (и столь же активно критикуемых) понятий, как «постдемократия», «контрдемократия», «конец политики», «постполитика», «антиполитика» и пр.

Необходимо отметить, что новая волна исследований деполитизации существенно отличается от работ предшествующих периодов – не только концептуально, но и идеологически. Прежде всего, деполитизация не сводится только к деидеологизации, а рассматривается как совокупность процессов, затрагивающих функционирование практически всех институтов представительной демократии, меняющих принципы государственного управления и трансформирующих политическую активность. Помимо этого, новые трактовки процессов деполитизации актуализировали потребность в осмыслении обратного процесса, т.е. политизации или реполитизации, а следовательно, и того, что представляет собой политика и политическое.

В оценке идеологических аспектов деполитизации можно обнаружить наиболее существенное отличие от трактовок, харак-

терных для середины – конца XX в. Для теоретиков «конца идеологий» от Д. Белла до Ф. Фукуямы «конец идеологий» означал, по сути, конец *борьбы* идеологий и окончательное утверждение одной идеологии в качестве единственно возможной, что естественным образом сводило политику к техническим, процедурным вопросам. Для современных исследователей деполитизации доминировавшая на протяжении последних десятилетий неолиберальная идеология становится центральным объектом критики: собственно, в ней и обнаруживаются истоки деполитизации. «Гегемония неолиберализма» делает невозможным оспаривание его базовых постулатов, и деидеологизация политики не только становится неизбежной, но и провозглашается «нормальным» состоянием политики.

Деполитизация как процесс и как дискурс рассматривается, таким образом, как политическая стратегия, которая является частью более широкого проекта неолиберализма, центральной для которого является фетишизация «аполитичного» рыночного пространства. В деполитизированном рыночном пространстве все социальные связи выстраиваются в соответствии с логикой рыночных отношений, соответственно, «экономизируются» и политические отношения, субъекту которых – уже не столько гражданину, сколько *Homo oeconomicus* – присуща культура консьюмеризма. Неолиберальная идеология переформулирует основы политической жизни Модерна – прежде всего, представительного правления и самой сущности политического представительства; происходит, по сути, вытеснение политического экономическим [Brown, 2015].

В обобщенном виде, под деполитизацией понимается ряд взаимосвязанных процессов: во-первых, исчезновение политического выбора, во-вторых, «технократизация» политики (делегирование принятия решений от выборных органов «экспертам» разного рода) и, в-третьих, снижение политической вовлеченности граждан и рост негативного отношения ко всему «политическому». Однако то, какие именно аспекты деполитизации оказываются в фокусе тех или иных исследований, зависит от того, как их авторы определяют политику.

Понимание политики, деполитизация и политизация / реполитизация

Можно выделить три подхода к пониманию политики, определяющие дальнейшие трактовки деполитизации и, что не менее важно, политизации / реполитизации [Beveridge, 2017, p. 590]. В рамках первого политика рассматривается как процесс функционирования институтов управления, т.е. политика как *politics* сводится к процессу формулирования и реализации политических программ (*policy*), в центре внимания оказываются государственные акторы / институты, легитимность и эффективность принимаемых ими решений. Деполитизация возникает как следствие, с одной стороны, усложнения задач, стоящих перед государственными органами, особенно в сложных экономических условиях, а с другой стороны, стремления элит укрепить свое положение. Деполитизация – это создание такой институциональной структуры, в которой исчезает политический характер принятия решений: подготовка и реализация решений передаются либо от избираемых политиков к назначаемым должностным лицам, либо от государственных к квазипубличным органам – различного рода комиссиям, экспертным советам и пр. Деполитизация может быть высокоэффективной стратегией правительства, пытающегося снять с себя ответственность за противоречивые решения и представить эти решения «неполитическими», манипулируя общественным дискурсом по поводу того, что является, а что не является «политическим», если ответственность за принятие решений перекладывается на юристов, экономистов, ученых и прочих «экспертов», то эти решения представляются менее «политическими» [см.: Wood, 2016; 2017].

Ряд авторов рассматривают «технократическую» деполитизацию как следствие «гипердемократизации» – постоянного увеличения политического давления на выборных лиц, смещения общественного внимания от эффективности управления в сторону открытости и ответственности властей. Трансформация политической субъектности в духе неоллиберализма – от «народа» (сообщества) к автономному индивиду, действующему самостоятельно или в рамках групп давления, связанных узкими эгоистическими интересами, – и приоритет индивидуальных прав над коллективной ответственностью также приводят к повышению требований к

властям. Неспособность властей удовлетворить эти многочисленные, противоречивые, зачастую нереалистичные требования вызывает как рост недоверия к отдельным политиками и политическим институтам, так и негативное отношение к политике вообще. Стратегия деполитизации в такой ситуации воспринимается в позитивном ключе – как способ «оградить» процесс управления от воздействия частных интересов политиков и избирателей (эгоистичных и недальновидных), передав полномочия «рациональным», «политически нейтральным» экспертным органам [Pettit, 2004]. Однако на деле эти органы оказываются не нейтральными, а также находятся под влиянием частных или узкокорпоративных интересов, помимо этого, создание формальных «независимых» институтов не отменяет наличия неформальных практик. Как справедливо отмечают критики такого подхода, идея деполитизации как способа повышения эффективности управления основана на двух ложных предположениях: во-первых, что решения, касающиеся жизни общества, можно представить как «неполитические», во-вторых, что передача полномочий «профессионалам» может устранить общественную дискуссию и снять давление с политиков [Flinders, Wood, 2013]. Также важно, что «технократическая» деполитизация снимает с политиков не только полномочия, но и ответственность, что ведет к снижению политической активности граждан (прежде всего, электорального участия – зачем голосовать, если политики ни за что не отвечают?) и к усилению их отчуждения от политики.

Политизация, с точки зрения данного подхода, представляет собой «возвращение» политического характера принимаемым государственными органами решениям, другими словами, передачу принятия решений в руки политиков, т.е. выборных должностных лиц, подотчетных избирателям, а также укрепление институтов демократического контроля за реализацией этих решений. Последнее, очевидно, требует повышения политической активности и вовлеченности граждан. Здесь возникает, однако, проблема определения того, решения какого уровня и в каких сферах следует рассматривать как политические. Можно предположить, что «избыточная» политизация мелких, технических решений не только снижает эффективность управления, особенно в ситуациях, требующих оперативных действий, но и становится способом манипулирования повесткой дня и блокирования обсуждения более

существенных вопросов – базовых принципов функционирования политической системы, ее конституирующих оснований, решений стратегического характера. Центральной составляющей политизации, следовательно, становится необходимость разграничения тех сфер, регулирование которых требует политических решений, и тех, решения в которых носят по преимуществу технический характер и могут быть переданы в руки «профессионалов». Именно на этом уровне можно говорить о возникновении политики, поскольку «не существует априорных способов провести такое различие и собственно его проведение и есть такое важное решение, которое хорошо подходит для демократической полемики» [Crouch, 2016].

Очевидно, что трактовка деполитизации исключительно как смещения фокуса в процессе принятия решений с политиков на «неполитические» регулирующие органы является недостаточной. Так, М. Вуд и М. Флиндерс отмечают, что не менее, а, возможно, и более существенное значение, чем «управленческий» аспект деполитизации, играют другие процессы: во-первых, «социетальная деполитизация» – «выведение» тех или иных вопросов с повестки дня публичной делиберации, осуществляемое СМИ, партикуляристскими группами интересов, корпорациями; во-вторых, «дискурсивная деполитизация» – «речевые акты» как в публичной, так и в частной сфере, благодаря которым определенные вопросы «нормализуются», т.е. утрачивают политический характер [Wood, Flinders, 2015, p. 22].

Более широкую трактовку политизации и деполитизации предлагает и К. Ландвер: «Проблема или вопрос являются политизированными, когда они рассматриваются в качестве предмета коллективного выбора – т.е. политического решения. Политическое решение: а) принимается законодателем или правительством, которые с нормативной точки зрения должны быть демократически легитимными; б) является *вероятностным выбором между альтернативными вариантами действия* (курсив наш. – Л. Ф.); в) является коллективно обязывающим для определенного сообщества. Деполитизация, таким образом, имеет место тогда, когда отсутствует или отрицается любое из этих трех качеств решений» [Landwehr, 2017, p. 51]. Если нарушается условие «а», то мы наблюдаем случай описанной выше «технократической», или «управленческой», деполитизации. Однако для нас больший инте-

рес представляют случаи нарушения других условий политизации – отрицание наличия альтернативы принимаемым решениям, или отрицание способности тех или иных акторов сделать выбор из имеющихся альтернатив (т.е., по сути, отрицание их политической субъектности).

Такие трактовки политизации / деполитизации следуют из принципиально отличного определения сущности политики, делающего акцент на выборе и вариативности. Один из наиболее ярких примеров исследования деполитизации в рамках такого подхода представлен британским исследователем К. Хеем в работе с характерным названием «Почему мы ненавидим политику» [Нау, 2007]. Если использовать терминологию М. Вуда и М. Флиндерса, то в концепции К. Хейя центральными оказываются «социетальный» и «дискурсивный» аспекты деполитизации. Само слово «политика» становится «ругательным»: «приписать “политические” мотивы поведению актора значит поставить под вопрос его / ее честность, прямоту или способность достичь результата, соответствующего чему-то еще помимо его / ее личного материального интереса» [Нау, 2007, р. 1]. При этом политика как явление, возникающее как ответ на потребность сложных дифференцированных сообществ в коллективном и обязывающем принятии решений «связана, почти по определению, с конструированием и, в идеале, реализацией смысла *коллективного блага* (курсив наш. – Л. Ф.). Следовательно, то, что в настоящее время политика ассоциируется с преследованием политиками личных материальных интересов, странным образом противоречит самому *raison d'être* политики» [ibid., р. 2].

К. Хей определяет политику как «способность к действию (*agency*) и делиберации в ситуациях истинного коллективного и общественного выбора» [цит. по: Beveridge, 2017, р. 592]. Политизация и деполитизация – процессы, идущие в противоположных направлениях, сущность каждого из которых заключается в «перемещении» тех или иных вопросов / проблем (*issues*) между различными аренами дискурса и действия. К. Хей выделяет по три типа политизации и деполитизации. Политизация представляет собой процесс расширения возможностей делиберации и влияния людей на вопросы, касающиеся определенных аспектов их социального существования. Политизация первого (самого простого) типа – это перевод проблемы из «области неизбежного» (т.е.

принципиально неподвластного человеческому контролю) в «частную сферу», где эта проблема осознается как общественная, хотя пока и на индивидуальном уровне (например, оспаривание религиозных табу, прежде считавшихся священными). Политизация второго типа – переход из «частной» в «публичную» сферу, т.е. попадание в фокус организованной публичной делиберации, признание того или иного вопроса значимым для коллективного, а не индивидуального, или частного благополучия (в качестве примеров такого типа политизации можно привести феминистские, энвайроменталистские, антиглобалистские акции «повышения сознательности»). Политизация третьего типа – переход из «публичной» в «государственную» (*governmental*) сферу, когда вопрос становится предметом дебатов в законодательных органах, нового правового регулирования, ответственности правительственных департаментов и пр.

Деполитизация, соответственно, заключается в снижении возможности граждан обсуждать общественно значимые вопросы и осуществлять по их поводу политический выбор. Деполитизация первого типа («делегирующее») – процесс, связанный с «технократизацией» политики, т.е. передачей функций от избираемых политиков различным «околополитическим» органам. При этом вопрос, решение которого делегируется, не становится менее политическим в смысле его значимости для общества, но утрачивает свой политический характер на уровне дискурса, следовательно, вытесняется на менее политизированную арену. Деполитизация второго типа («приватизация») – переход проблемы из публичной в частную сферу, в которой она представляется в качестве вопроса не общественного, а частного (потребительского) выбора (это происходит, когда ответственность за, например, проблемы окружающей среды или безработицы возлагается не на политиков, бизнес или общество в целом, а на отдельных индивидов). Деполитизация третьего типа («отрицание») – окончательное вытеснение проблемы в «область неизбежного», отрицание любого наличия выбора (пример такого типа деполитизации представляет собой неолиберальная «фетишизация» рынка – навязывание обществу фаталистического представления о том, что какие-то вопросы в принципе не требуют обсуждения и осуществления выбора, а могут быть урегулированы «сами собой» благодаря воздействию магической «невидимой руки»).

Политическое и политика

Для целей нашего анализа особый интерес представляет третий подход к пониманию политики, в фокусе которого находится противоречие между институциональными структурами, призванными обеспечивать порядок и консенсус, и конфликтной природой политических отношений. В современной политической науке этот подход наиболее последовательно отстаивает Ш. Муфф, а истоки его лежат в политической философии К. Шмитта. Последний отрицал отождествление политики с государством, а также попытки отделить политику от других сфер (религии, культуры, экономики), и рассматривал «политическое», сущность которого заключается в различении «друзей» и «врагов» и конфликте между ними, как универсальный тип отношений, потенциально пронизывающий все социальные сферы. Таким образом, любые вопросы, касающиеся общественной жизни, могут быть политизированы постольку, поскольку по их поводу может возникнуть конфликт «друзей» и «врагов». В сущности, критика К. Шмиттом современной ему либеральной демократии может рассматриваться как предтеча современных концепций деполитизации, так как он видел проблему именно в попытках либерального государства погасить имманентный социальным отношениям конфликт, замаскировать наличие противоречий и борьбы с помощью процедур и правил, нацеленных на поиск компромисса, т.е. деполитизировать политику.

Следуя за К. Шмиттом, Ш. Муфф исходит из принципиальной неустранимости «политического» из жизни социума: «В области коллективных идентификаций, где стоит вопрос о создании “мы” путем отграничения “они”, всегда есть возможность того, что отношение “мы – они” превратится в отношение “друг – враг”; другими словами, оно всегда может стать политическим в шмиттовском понимании этого термина. <...> Как следствие, политическое не может быть сведено к определенному типу институций или представлено как специфическая сфера или уровень общества. Оно должно пониматься как измерение, присущее любому человеческому обществу и определяющее сам наш онтологический статус» [Mouffe, 1993, p. 2–3].

Принципиальным для концепции Ш. Муфф является разведение понятий «политическое» (*political*) и «политика» (*politics*):

первое отождествляется ею с «измерением антагонизма, который является неотъемлемой составляющей человеческих отношений, антагонизма, который может принимать множество обличий и проявляться в различных типах социальных отношений», в то время как второе представляет собой «множество практик, дискурсов и институтов, направленных на установление определенного порядка и организацию совместного существования людей в условиях, которые всегда чреваты возникновением конфликтов, поскольку на них воздействует измерение “политического”» [Муфф, 2004, с. 194]. Близким по смыслу является противопоставление «политики» (разногласия и оспаривания действующего порядка вещей) и «полиции» (упорядочивающего принципа, исключающего «пустоту и добавления») у Ж. Рансьера [Рансьер, 2006, с. 209–210]. Как у Ш. Муфф политика в определенном смысле противостоит политическому, так и у Ж. Рансьера полиция «постоянно стремится уничтожить политику».

Такое противопоставление становится основой для критики существующих политических институтов, подавляющих и вытесняющих политическое. По сути, такой подход к трактовке политики находится в оппозиции по отношению к практикам современной представительной демократии и видит возможность политических изменений только «вне» и «против» формальной политической системы, в артикуляции конфликта, антагонизма. Отсюда – внимание к альтернативным (протестным) движениям, новым формам политической организации, новым «локусам» политического.

Особенно важно отметить то, что разведение «политического» и «политики» может «подчеркнуть временный характер политического: мимолетные моменты “политичности” и, по контрасту, рутинизированная, повседневная, вездесущая и бесконечная политика в рамках системы» [Beveridge, 2017, p. 594]. Таким образом, деполитизация есть постоянное устранение политического из политики, а политизация – «флуктуация» политического, периодическое возвращение антагонизма, дестабилизирующего существующий порядок.

Конкуренция альтернативных стратегических проектов как механизм (вос)производства политического поля

На основе приведенного выше анализа различных трактовок мы можем представить содержание процессов политизации и деполитизации с точки зрения институционализации / деинституционализации политического поля. Политизация представляет собой совокупность процессов, в результате которых возникают возможности актуализации социальных противоречий и реализации политической субъектности в пространстве выбора и целеполагания. Политизация осуществляется на разных уровнях. На уровне сообщества речь идет, прежде всего, об обретении отдельными акторами идентичности и позиционировании себя по отношению к другим акторам, а также по отношению к существующим / формирующимся политическим идеологиям. Другими словами, политизация трансформирует протополитическое сообщество в собственно политическое. На уровне формирования политического поля речь идет об институционализации пространства выбора и целеполагания, т.е. о выработке правил и выстраивании организационных структур, в рамках которых акторы могут осуществить политический выбор и публично решать наиболее важные вопросы социального бытия.

Деполитизация, наоборот, означает игнорирование противоречий и отрицание идеологий как манифестации этих противоречий, упразднение возможности выбора как на содержательном, так и на процедурном уровне, отрицание правил. Эти процессы приводят к тому, что политическое поле как публичное пространство, в котором в результате институционализации диалога и конфликта должно осуществляться принятие стратегических решений, перестает существовать. В конечном итоге деполитизация означает упразднение свободы, которая является условием реализации политической субъектности и осуществления политического выбора, таким образом, происходит разрушение политического и политики.

Обобщая, мы можем представить основные процессы, формирующие содержание политизации и деполитизации, увязывая их различные аспекты с теми аспектами политики, которые представляются нам наиболее значимыми и определяют, как уже было упомянуто выше, сущность политического поля.

Таблица

Содержание политизации и деполитизации

<i>Аспекты политического</i>	<i>Политизация</i>	<i>Деполитизация</i>
Конфликт, раскол «мы – они»	Формирование политических идентичностей и идеологий	Отрицание конфликтного характера социальных взаимодействий; деидеологизация
Выбор как наличие альтернатив и как процедура	<i>Формулирование альтернативных стратегических проектов и создание структур, обеспечивающих выбор между ними</i>	Отрицание наличия альтернатив; упразднение свободы как условия выбора
Целеполагание, содержание и смысл		Технократизация; уход от стратегических решений
Универсализм норм	Формирование и фиксация «правил игры»; обязывающий характер политических решений	Избирательное применение норм; деформализация правил; вытеснение универсальных норм (права) ситуативными договоренностями

Одно из центральных мест в процессе политизации мы отводим формулированию альтернативных стратегических проектов, полагая, что именно они являются «связующим звеном» между формированием политического сообщества и институционализацией политического поля. Стратегия играет важную роль в производстве социального порядка, она «задает основополагающие ориентиры и цели развития, полагает и утверждает определенный образ общества и власти, осуществляет на основе ценностной рациональности и прагматических критериев их обоснование и легитимацию. Подобный стратегический курс реализуется как “простаивание” общего социального пространства, задающего в дальнейшем порядок будущих социальных взаимодействий» [Козлов, 2015, с. 41].

Реализация стратегии, безусловно, связана с осуществлением властных полномочий и использованием властных ресурсов, она осуществляется в рамках выстраивающихся в политическом поле вертикальных структур. Однако стратегия не может быть определена в рамках вертикальной структуры, она не может быть задана «сверху»; определение стратегии – это всегда выбор из двух и более альтернатив, осуществляющийся в горизонтальном измерении. Поэтому мы и говорим о необходимости формулирования *альтер-*

нативных стратегических проектов. «Истинно политические вопросы всегда подразумевают решения, которые требуют выбора между конфликтующими альтернативами», — пишет, в частности, Ш. Муфф [Mouffe, 2005, p. 10]. Именно альтернативность, признание того, что каждая стратегия в принципе может быть оспорена, собственно, придает проектам политический характер, отличает их от административных проектов, которые, на наш взгляд, не могут служить основой для долговременного развития общества. Уже впоследствии стратегические проекты становятся основой для решения конкретных социальных, экономических и прочих проблем.

Стратегические проекты представляют собой наборы основополагающих принципов устройства общества, крупномасштабных целей, долговременных планов и способов их реализации и могут воплощаться в программных документах, выносимых на общественное обсуждение политическими партиями, общественными движениями и отдельными политическими деятелями. Формулирование таких проектов есть, по сути, актуализация политического: их *альтернативность* обеспечивает актуализацию конфликтов и выбора, а их *стратегический* характер — актуализацию целеполагания и содержательной стороны политики.

Возникающие еще на уровне протополитического сообщества альтернативные стратегические проекты являются отражением более глубоких нормативно-ценностных комплексов, в них воплощаются конкурирующие представления об «общем благе», на основе которых определяются направления развития общества в целом и его политической сферы. Если использовать терминологию С. Липсета и С. Роккана, то альтернативные стратегические проекты можно представить как артикуляцию социальных размежеваний. Функциональное измерение размежеваний, согласно С. Липсету и С. Роккану, представляет собой ось, полюсами которой являются противоречия, определяемые конкретными интересами (связанными, прежде всего, с распределением ресурсов), с одной стороны, и идеологические противоречия — с другой. В такой модели стратегические проекты будут, очевидно, располагаться ближе к полюсу, связанному с идеологическими противоречиями, там, где наиболее четко проявляется противопоставление «своих» и «чужих», и борьба идет по поводу «интерпретации истории и судьбы человека» [см.: Lipset, Rokkan, 1990, p. 95–96].

Таким образом, конкуренция альтернативных политических проектов является естественным продолжением структурирования протополитического сообщества по принципу «свой – чужой» и преобразования его в политическое сообщество. Политическое поле является пространством, в котором конфликты «своих» и «чужих» и выбор между альтернативами институционализированы; на нем происходит, в терминологии Ш. Муффа, «преобразование антагонизма в агонизм»: «создание каналов, посредством которых коллективные страсти получили бы возможность выражения по проблемам, которые, предоставляя достаточно возможностей для идентификации, конструировали бы противника не в качестве врага, а в качестве соперника» [Муффа, 2004, с. 195].

Однако, как уже было отмечено выше, политическое поле не является предзаданным. Альтернативные проекты не «выходят» на уже «готовое» политическое поле, скорее, их конкуренция и есть механизм его (вос)производства, поскольку стратегии должны включать в себя не только проекты политических решений на макроуровне, но и сами регулирующие принципы, правила взаимодействия, которые в конечном итоге и конституируют политическое поле. «Каждое поле, – как писал родоначальник концепции политического поля П. Бурдьё, – является местом более или менее декларируемой борьбы за определение легитимных принципов деления поля» [Бурдьё, 1993, с. 77]. Следовательно, политическое поле также не может быть сконструировано «раз и навсегда». Политическое поле как динамичная конструкция отражает временный, флуктуирующий характер политического. Можно сказать, что возникновение и конкуренция альтернативных стратегических проектов обеспечивают «приток» политического в политическое поле и служат способом выхода на политическое поле акторов политического сообщества.

Представляется, что предложенная теоретическая модель, связывающая процесс политизации с конституированием политического поля, может стать основой для разработки инструментария, который позволит исследовать уровень и характер политизации / деполитизации, а следовательно, и дать оценку перспективам институционализации политического поля в современной России. Особенно важным с этой точки зрения оказывается обнаружение в российском политическом дискурсе альтернативных стратегий и дальнейший анализ их содержания и способов их репрезентации.

Список литературы

- Бурдые П.* Социальное пространство и генезис «классов» // *Бурдые П.* Социология политики. – М.: Socio-Logos, 1993. – С. 53–97.
- Козлов С.В.* Социально-политические стратегии и конституирование социального порядка: Проблема легитимации (социально-философский аспект) // Вестник ТвГУ. Серия «Философия». – Тверь, 2015. – № 1. – С. 39–49.
- Липсет С., Роккан С.* Структуры размежеваний, партийные системы и предпочтения избирателей. Предварительные замечания: (Перевод) // Политическая наука / РАН. ИНИОН. – М., 2004. – № 4. – С. 204–234.
- Муфф Ш.* К агонистической модели демократии // Логос. – М., 2004. – № 2 (42). – С. 180–197.
- Рансьер Ж.* Десять тезисов о политике // *Рансьер Ж.* На краю политического. – М.: Практис, 2006. – С. 193–221.
- Beveridge R.* The (ontological) politics in depoliticisation debates: Three lenses on the decline of the political // *Political studies review*. – Oxford; Malden, Mass., 2017. – Vol. 15 (4). – P. 589–600.
- Brown W.* Undoing the demos: Neoliberalism's stealth revolution. – N.Y.: Zone books, 2015. – 296 p.
- Crouch C.* The march towards post-democracy, ten years on // *The political quarterly*. – Oxford, 2016. – Vol. 87, Issue 1. – P. 71–75. – Mode of access: <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/1467-923X.12210/full> (Дата посещения: 25.01.2018.)
- Dalton R.J.* Democratic challenges, democratic choices: The erosion of political support in advanced industrial democracies. – Oxford; N.Y.: Oxford univ. press, 2004. – 230 p.
- Flinders M., Wood M.* When politics fails: Hyper-democracy and hyper-depoliticization // Policy & politics conference «Transforming policy and politics: The future of the state». – Bristol, 2013.–7/18 September. – Mode of access: https://mafiadoc.com/when-politics-fails-hyper-democracy-and-hyper-_5a1ede241723ddd0f422374a.html (Дата посещения: 03.02.2018.)
- Hay C.* Why we hate politics. – Cambridge: Polity press, 2007. – 200 p.
- Himmelstrand U.* A Theoretical and empirical approach to depoliticization and political involvement // *Acta Sociologica*. – Oslo; L., 1962. – Vol. 6, N 1/2: Approaches to the study of political participation. – P. 83–110.
- Landwehr C.* Depoliticization, repoliticization, and deliberative systems // *Anti-politics, depoliticization, and governance* / Ed. by P. Fawcett, M. Flinders, C. Hay, M. Wood. – N.Y.: Oxford univ. press, 2017. – P. 49–67.
- Lipset S.M., Rokkan S.* Cleavage structures, party systems, and voter alignments // *The West European party system* / ed. by P. Mair. – N.Y.: Oxford univ. press. – 1990. – P. 91–138.
- Mouffe Ch.* On the political. – L.; N.Y.: Routledge, 2005. – 144 p.
- Mouffe Ch.* The return of the political. – L.; N.Y.: Verso books, 1993. – 156 p.
- Pettit P.* Depoliticizing democracy // *Ratio Juris*. – Oxford, 2004. – Vol. 17, N 1. – P. 52–65. – Mode of access: <https://pdfs.semanticscholar.org/a631/d0dba95b9b3a3841f858cef38f8827c768e1.pdf> (Дата посещения: 03.02.2018.)

Wood M. Depoliticisation: What is it and why does it matter? // Sheffield political economy research institute. – Sheffield, 2017. – Mode of access: <http://speri.dept.shef.ac.uk/2017/09/07/depoliticisation-what-is-it-and-why-does-it-matter/> (Дата посещения: 06.01.2018.)

Wood M. Politicisation, depoliticisation and anti-politics: Towards a multilevel research agenda // *Political studies review*. – Oxford; Malden, Mass., 2016. – Vol. 14 (4). – P. 521–533.

Wood M., Flinders M. Rethinking depoliticization: Beyond the governmental // *Tracing the political: Depoliticisation, governance and the state* / Ed. by M. Flinders, M. Wood. – Bristol: Policy press, 2015. – P. 21–45.

А.М. Кучинов*

ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА В УСЛОВИЯХ КВАЗИПОЛИТИКИ¹

Аннотация. При рассмотрении политики как институционализированной, основанной на правилах, а не на насилии, конкуренции ориентированных на общее благо проектов и решений среди неограниченного круга свободных граждан, сформулированы понятия о формах квазиполитики, которые могут быть «вместо» политики. Это – недополитика (мерцающая политика и протополитика) и ингибиторы политики (дополитика и антиполитика). По результатам рассмотрения динамики упоминания некоторых понятий сделан вывод, что в России последнего десятилетия вряд ли происходило сколько-нибудь отчетливое формирование политического пространства – из-за общественно-политического незнания россиян и их нежелания знать, устойчивой инфантилизации, приверженности сверхценным идеям и культу авторитарного сознания, систематического «ухода от реальности» в «игрушечную» социальность при росте неудовлетворенности этой социальностью, взамен которой абсолютное большинство ничего не может предложить ввиду низкой гражданской и политической компетентности.

Ключевые слова: квазиполитика; политика; политическое пространство; поле политики.

* **Кучинов Артемий Михайлович**, аспирант Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), e-mail: arkuchinov@yandex.ru

Kuchinov Artemiy, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), e-mail: arkuchinov@yandex.ru

¹ Работа подготовлена в рамках проекта «Конституирование поля политики в России: институциональный анализ» (грант РФФИ № 17-03-00446).

A.M. Kuchinov

Political space formation under quasi-politics conditions

Abstract. Understanding politics as institutionalised, rule-based, not violence-based, competition of oriented to common good projects and decisions in an unlimited number of free citizens, concepts of quasi-politics forms are formulated, which can exist «instead of» politics. These are unfinished politics (flickering politics and proto-politics) and inhibitors of politics (pre-politics and anti-politics). Considering dynamics of some concepts mentioned we came to the conclusion, that there was hardly any distinct formation of political space in last decade's Russia – due to social and political ignorance of Russians and their unwillingness to know, persistent infantilization, adherence to super-valued ideas and cult of authoritarian consciousness, a systematic «departure from reality» into a «toy» sociality, with growing dissatisfaction with this sociality, but instead the absolute majority cannot offer anything because of low civil and political competence.

Keywords: quasi-politics; politics; political space; political field.

Постановка проблемы

Важным исследовательским вопросом в изучении проблемы формирования политического пространства является вопрос о существовании в России политики современного типа, а в случае ее отсутствия – необходимость описания «альтернативных» ей явлений. Под политикой современного типа мы понимаем *институционализированную, основанную на правилах, а не на насилии, конкуренцию проектов и решений, ориентированных на всеобщее благо, среди неограниченного круга свободных граждан* [см.: Граждане... 2011; Гражданское... 2013; Массовая политика... 2016].

Исследования показали, что в России существуют проблемы с политикой современного типа. В частности, был сформулирован концепт «кликократии» [см.: Патрушев, 2011, с. 120–133; Гражданское... 2013, с. 8; и др.] как социального порядка, основанного на доминировании ситуативных неформализованных правил и ситуативных неформальных групп типа клик, с характерным низким уровнем общего доверия, дефицитом моральных правил и плохо работающими законами. Такой социальный порядок не отвечает критериям *общества* [см., напр.: Тённый, 2002], поскольку недостаточно интегрирован на социетальном уровне. *Политика* в указанном выше смысле существует только при наличии *общества*,

являясь одним из условий его конституирования как особого типа социальной организации.

Методологический аспект:

Связи институтов, дискурсов, структурно-агентного подхода

Институт как совокупность работающих правил может быть рассмотрен с позиций социальной семиотики [см. обзор: Кучинов, 2016 а] *как знак или система знаков*. Из знаков состоят *дискурсы* – некоторые порядки взаимодействия, которые формируются акторами и оказывают на них обратное влияние. Дискурсы, в свою очередь, тоже оказываются правилами, которыми движем тот или иной режим, включая «кликократию». Существуют специальные методы для их исследования [там же].

Проблемой при изучении институтов в России оказывается тот факт, что они неустойчивы и не всегда работают. Нестабильность и неэффективность институтов не отменяет смыслов и значений, зависящих от времени, места и акторов, следующих правилам. Поэтому можно и необходимо изучать смыслы, которые содержатся в ситуативных неформальных правилах.

Опираясь на некоторые признаки, с точки зрения семиотики – знаки, мы разработали типологию политических и квазиполитических явлений. Каждое из них предполагает свой дискурс. Напомним, что в рамках структурно-агентного подхода как институты, так и дискурсы, являются структурами, или, в терминологии Э. Гидденса, правилами и ресурсами, причем правила понимаются максимально широко, включая почти любое знание [см.: Гидденс, 2005]. Поэтому нижеописанные формы – политики и квазиполитики представляют собой системы институтов и, одновременно, структуры разного содержания, составленные из правил и ресурсов [см.: Гидденс, 2005; Archer, 1995; 2000; 2004; Mouzelis, 2008; Burns, Flam, 1987, p. 1–12].

Политика и квазиполитика

Русскоязычному омонимичному термину «политика» соответствуют несколько англоязычных терминов:

Politics – политика как общественное явление, процесс, определяемый в «макиавеллистских» или «немакиавеллистских» подходах.

Policy – политика как содержание, программа, направление (курс) действий.

Polity – политика как полития, форма, устройство или образ правления – в русском языке этот термин более всего отдифференцирован от других.

В 1927–1932 гг. К. Шмитт ввел в политическую науку категорию «**политическое**» (**The Political**), которая отлична от представленных выше понятий «политики» и означает автономную сферу человеческой деятельности, несводимую к другим сферам¹.

Х. Арендт рассматривает «политическое» как пространство свободы и публичной дискуссии, некоторые другие исследователи – как пространство власти, конфликта и антагонизма. Ш. Муфф, вслед за Шмиттом, понимает под «политическим» антагонизм, конститутивный для человеческих обществ, а под политикой (*politics*) – «совокупность практик и институтов, посредством которых создается порядок, организующий сосуществование людей в контексте конфликтности, создаваемом “политическим”» [Mouffe, 2005, p. 9]. Тем самым с онтологического (бытийного) уровня «политического», связанного с устройством общества, осуществляется переход на онтический (сущий) уровень многообразия практик «политики», которая «занимается умирением враждебности и пытается ослабить потенциальный антагонизм, существующий в отношениях между людьми... Политика нацелена на создание единства в контексте конфликта и несходства» [Муфф, 2004, с. 194]. Антагонистическое преобразуется в агонистическое.

По мнению П. Розанваллона, «политическое» создает политическую жизнь «по ту сторону непосредственного поля борьбы за политическую власть, повседневной деятельности правительства и обычного функционирования институтов» [Rosenvallon, 2006, p. 36.]. Таким образом, *Politics* и *Policy* можно рассматривать как

¹ В последующем категорию «политическое» использовали такие известные теоретики, как Т. Адорно, Х. Арендт, М. Фуко, Ж. Деррида, М. Хайдеггер, Ж. Лакан, Ф.-Ф. Лиотар, Ж. Делёз, Э. Левинас, Ю. Кристева, П. Рикёр, Р. Дебре, Л. Штраусс, К. Лефорт, Ж. Рансьер, Ш. Муфф, Э. Лакло, С. Жижек.

проявления «политического», тогда как Polity есть форма, устройство, поле, пространство, в которых они могут существовать.

Американский исследователь М. Джей попытался упорядочить разнообразие представлений о «политическом» и выявил шесть версий: политическое как война (*антагонизм*), дипломатия (*агонизм*), приватное соглашение, пакты или контракты, заключенные на основе доверия и взаимной выгоды (*контракционизм*), патриархальная семья или корабль, нуждающийся в капитане (*платонизм*), религиозное приношение себя в жертву во имя всеобщего блага (*республиканизм*), политическое как *эстетическое* [Джей, 2015].

Политика (politics) может быть определена на основе двух групп подходов. «Макиавеллистские» подходы вслед за Н. Макиавелли [Макиавелли, 2016] связывают политику с насилием и манипуляцией ради сохранения власти и подразумевают, что мораль в политике вторична или с ней вовсе несовместима. «Немакиавеллистские» подходы вслед за взглядами мыслителей Античности (Платон [Платон, 1998], Аристотель [Аристотель, 1983]) предлагают понимание политики как явления, неразрывно связанного с моралью и основанного на стремлении к общему благу. В пользу использования «немакиавеллистского» подхода есть ряд аргументов: «немакиавеллистский» подход намного старше других, предлагая тем самым наиболее «исконно-аутентичное» определение, таким образом, «макиавеллистские» подходы «переворачивают» суть политики до противоположного значения. Политика в «макиавеллистских» подходах, по нашему мнению, понимается излишне широко, так как под стремление к получению власти любой ценой легко можно подвести организованную преступность вроде терроризма, насильственного захвата власти, вооруженного мятежа и т.п.

Отметим, что в XX–XXI вв. наблюдается восстановление интересов к «немакиавеллистскому» подходу, самые яркие случаи – политическая философия Х. Арендт [Арендт, 2000] и Ш. Муфф.

Политики, отвечающей данному в начале статьи определению, в России нет. Иронично говоря, даже если определять политику в «макиавеллистском» подходе, ее тоже, скорее всего, нет: нет борьбы за власть, она уже завоевана. Тем не менее существуют «политикоподобные» явления недо-, до- и антиполитика, которые

мы охватываем собирательным термином **квазиполитика** [см.: Новые слова... 2014], они будут представлены ниже.

Схематично обозначить классификацию форм взаимодействия можно так:

Рис.
**Классификация форм регулирования
и взаимодействия общественных отношений**

Формы квазиполитики различаются по своей сути: в случаях недополитики можно говорить о формировании политики, а при наличии ингибиторов политики (термин И.Л. Недяк) речь не идет даже о постановке общественной проблемы. В случае антиполитики имеют место стремления даже уничтожить ее основополагающие принципы. Если у политики обнаруживаются все четыре признака – институционализированность, конкуренция проектов и решений среди неограниченного круга свободных граждан, ориентация на общее благо, характер принуждения, – то у явлений ква-

зиполитики присутствуют лишь некоторые из них, в разных сочетаниях (см. таблицу 1).

Таблица 1

**Классификация явлений политики и квазиполитики
на основе основных признаков**

Явление	Знаки-признаки			
	Институционализированность	Конкуренция проектов и решений среди неограниченного круга свободных граждан	Ориентация на общее благо	Характер насилия
Политика, развивающаяся в политическом пространстве (поле политики)				
Политика	Есть	Есть	Есть	Исключительно легитимное
Недополитика				
Мерцающая политика ¹	Неустойчивая	Есть	Есть с оговорками: «общее» ограничено одним событием или местом	Исключительно легитимное (в «мерцании»)
Протополитика	В процессе	Формируется	Есть	Исключительно легитимное
Дополитика²: власть, развивающаяся в «зоне власти».				
Возможна при сращении политической и экономической сфер жизни.				
Неустойчивая дополитика	Нет	Есть: среди ограниченного круга лиц («элита», эксперты» и т.п.)	Нет: ориентация на эгоистические или групповые интересы	Легитимное и нелегитимное имеют место часто, но нелегитимное не являются конституирующим и запугивание редко
Устойчивая дополитика	Есть			
Антиполитика, развивающаяся в «зоне насилия»				
Избыточное насилие: мерцающее	Нет	Нет	Нет, но возможны «фасады» общего блага	Нелегитимное насилие бывает часто, запугивание является одной из конституирующих основ общества
Тотальное насилие: террор	Есть			

¹ См. пример «мерцающей политики»: [Мирясова].

² Термин В.Б. Пастухова, см.: [Пастухов].

Формы регулирования, обозначенные в таблице, являют собой континуум от совершенного к несовершенному явлению. Возможно, к этим явлениям можно было бы добавить какие-либо еще – альтернативные или промежуточные. Представленный набор явлений обусловлен изучаемой проблематикой – формирование политического пространства в России.

Под «совершенством» тех или иных форм мы имеем в виду комфортность для существования и развития максимально широкого круга лиц и возможность самореализации. Притом что какие-то из обозначенных явлений – более, какие-то – менее совершенные, возможности их реализации неодинаковы в разных пространственно-временных контекстах. Возможно, рассмотрение эволюции этих явлений (их эволюция, подчеркиваем, связана с *эволюцией возможностей*) помогло бы как-то обнаружить их возможные тенденции. В первобытном мире, когда у людей были серьезные проблемы для жизнеобеспечения, дефицит ресурсов, формой регулирования, скорее всего, была дополитика. Очевидно, что в тех условиях не могла существовать институционализированная конкуренция, как и свободные граждане. Однако мы настаиваем на том, что их регулятором в «естественном состоянии» не могла быть антиполитика. Основанная на насилии, она неестественна и возникала в крайних регрессивных случаях. П.А. Кропоткин, критикуя дарвинизм, специально подчеркнул, что внутривидовая эволюционная «борьба» не настолько естественна в эволюции живого и социального мира, таким образом, насилие тоже неестественно и является извращением природы социального [Кропоткин, 2011]. Заметим, что сам Ч. Дарвин в книге «Происхождение видов» указывал, что «борьба» («struggle») – это метафора [Darwin, 1859, p. 62], никакой, в буквальном смысле слова, «борьбы» нет, более точное обозначение этого явления – «отбор» («selection»).

Политика кажется более присущей европейским странам Античности и Модерна, однако вопрос о ее существовании в другие времена и в других странах стоит, видимо, оставить открытым. Не исключено, что политика является более «древней», ведь ее отдельные черты прослеживаются в племенных институтах разных народов (вроде веча и прочих подобных племенных собраний), возможно, в первобытном мире одновременно с дополитикой существовала и недополитика. Именно недополитика – из-за того, что не было феномена свободных граждан, но институционализи-

рованная конкуренция встречалась в разные исторические времена в разных странах.

По нашему мнению, хотя политика без политического пространства не существует, его появление предполагает некоторые предшествующие практики. Политическое пространство является результатом институционального закрепления явления политики, возникающего из практик недополитики. Каждое явление приводит к закреплению той или иной системы институтов: недополитика и политика приводят к складыванию *политического пространства (поля политики)*, при недополитике оно лишь формируется, дополитика соответствует «*зоне власти*» [см.: Экспертное обсуждение... 2017]; антиполитика – «*зоне насилия*». При этом эти институты, будучи закрепленными результатами явлений, сами позволяют осуществлять акторам соответствующие явления.

Политика и политическое пространство¹

В теоретическом плане для нас крайне интересны идеи А. Лефевра, изучавшего пространство как метафору в общественном знании. Его учение можно было бы применить к исследованию политического пространства. Он пишет (выделения авторские): «Понятие пространства связывает между собой ментальное и культурное, социальное и историческое. В нем воспроизводится сложный процесс: *открытие* (новых, неведомых пространств, континентов или космоса) – *производство* (пространственного устройства, характерного для каждого конкретного общества) – *создание* (произведений: пейзажа, города с его монументализмом и убранством). Это процесс эволюционный, генетический (т.е. имеющий генезис), но подчиненный единой логике – общей форме *синхронности*, ибо любой пространственный механизм основан на соположении в сознании и на физическом совмещении элементов, чью синхронность *производим мы...*» [Лефевр, 2015, с. 11].

Интересно также, что А. Лефевр предлагает обнаруживать такие аспекты пространства как **пространственная практика, репрезентации пространства и пространство репрезентации**. Пространственная практика включает «в себя производство и вос-

¹ О политическом пространстве см.: [Кучинов, 2016 b; 2016 c; 2017].

производство, отведенные места и пространственные множества, присущие каждой общественной формации, обеспечивающей последовательность и относительную связность. Применительно к социальному пространству и отношениям каждого члена данного общества со своим пространством эта связность предполагает одновременно определенную *компетенцию* и определенную *перформацию*» (курсив автора. – А. К.). Репрезентации пространства связаны «с производственными отношениями, “порядком”, который они устанавливают, и тем самым – со знаниями, знаками, кодами, “прямыми” отношениями». Пространства репрезентации предлагают «сложную (кодированную или нет) символику, связанную с потаенной, подпольной стороной общественной жизни, а также с искусством, которое в данном случае можно определить не как код» [Лефевр, 2015, с. 47].

Попытаемся применить эту теоретическую схему к анализу политического пространства. **Открытие политического пространства** – некоторые интеллектуальные поиски альтернативных принципов общественного развития, **производство** – процесс конкуренции проектов и решений, **создание** есть их воплощение в жизнь. **Практику политического пространства** можно изучить через производство политического пространства посредством **компетенций** и **перформаций**. **Репрезентация политического пространства** может быть рассмотрена как знаковая система, участвующая в его производстве. **Пространство репрезентации политического пространства** может рассматриваться как некоторая его рефлексия, «взгляд со стороны» на само себя посредством знаковой системы. По нашему мнению, это – весьма важная деталь при институционализации политического пространства, поскольку без самокритичности оно может быстро утратить суть.

Мы считаем, что в обществах, где есть политика, рефлексивность [см.: Archer, 2000; 2007; 2003; Caetano, 2015; Conversations... 2010] конкретных людей и институционализация рефлексии очень развиты, обществу важно «смотреть на себя со стороны». В этом случае подражание является преимущественно осознанным и осмысленным, а отчуждение человека и свойства авторитарной личности не сильно выражены.

Актеры – участники политического пространства – преимущественно ориентирующиеся на общее благо политики, участники политического процесса, общественники и граждане, гражданские

и некоммерческие объединения. Интеллектуалы чувствуют себя свободными и ответственными, имея возможности творить экономику, политику и право этого общества.

При **недополитике** политическое пространство лишь формируется, знаковые системы скорее всего имеют качественно иное содержание, чем при политике.

Дополитика и зона власти

Если этимологию понятий «поле» и «пространство» мы уже рассматривали ранее [Кучинов, 2016 b], то этимология [Этимологический словарь... 2010; Online etymology dictionary] слова «зона» связана, так или иначе, с ее «закрытостью», «ограниченностью», в отличие от «просторности», «неограниченности» поля и пространства.

Важнейшая черта дополитики – отсутствие политики, экономики и права как автономных сфер общественной жизни. Наблюдается синкретизм этих сфер, их «прото-» версий. Это – некая «меристемная клетка», из которой могут образоваться, но и в отличие от биологических меристем, могут и не образоваться, политические, экономические и правовые «ткани».

Представляется, что теоретические разработки А. Лефевра для описания пространства применимы и к зоне власти, и к зоне насилия. Эти «зоны» тоже можно «открывать», «производить», «создавать»; в процессе производства этих зон тоже есть практика зоны, репрезентации зоны и зона репрезентации. Однако при неизменной теоретической схеме содержание знаковой системы зоны власти будет совершенно иным. Эта мысль, на самом деле, не очень новая; в учении Х. Арендт уже были указания на то, что политика основана на принципе общего блага, экономика – на принципе эгоистической выгоды, а также, что политика возможна лишь при разрушении всех «дополитических» форм регулирования.

При дополитике наблюдается совершенно иное качество рефлексивности людей, а также слабая институционализация рефлексии. Институты, задачей которых является попытка «посмотреть со стороны» на социум, – малочисленны, в основном принадлежат власти либо ей противостоящим лицам без достаточных ресурсов. В дополитических социумах подражание далеко не всегда бывает осознанным и осмысленным, личность подавляется,

имеет место выраженное отчуждение человека. Наличествуют проблемы, описанные такими авторами, как Т. Адорно [Адорно, 2012] (авторитарная личность) и Э. Фромм [Фромм, 2015 а; 2015 б; 2015 с] (ценности потребления, «бегство от свободы» и др.). Они, по сути, писали про проблемы дополитических социумов.

Акторы – участники зоны власти – преимущественно «начальники», функционеры, не интересующиеся наблюдатели, «попкорные» и те, кого там не понимают, – «фрики» и «чудаки», стремящиеся как-то ее улучшить. Зона власти стремится не афишировать свою сущность, а выглядеть подобно политическому сообществу, поэтому ей требуются персонажи для соответствующего «фасада» разного рода «квази-»: квазиобщественники, квазиграждане и квазигражданские, квазинекоммерческие объединения. Это также «допущенные» интеллектуалы, которым власть доверяет; они даже могут развивать право, политику и экономику, но при этом не чувствуют себя столь же свободными и ответственными, как в случае политики.

Антиполитика и зона насилия

К введению этих терминов нас подтолкнули результаты пилотного опроса 2017 г. о проблемах политики и власти. В ходе интервью и заполнения анкеты часто приходилось слышать о желаниях респондентов решить многие проблемы, прибегая к насилию, «уголовному» (за пределами права) преследованию и даже к применению смертной казни. Как следствие, мы допустили существование еще одного явления и соответствующей ему системы институтов со своей знаковой системой.

«Анти-» в термине «антиполитика» означает ярко выраженную противоположность всем рассмотренным нами чертам политики. При антиполитике никакие принципы политики не работают, любые попытки их применения уничтожаются на корню. Скорее всего, те случаи, которые в истории мысли называли «тоталитаризмом», в нашей типологии окажутся случаями явления антиполитики. Наличие в каком-либо обществе антиполитических принципов является лучшей предпосылкой для терроризма.

П.А. Кропоткин справедливо, на наш взгляд, считал насилие не соответствующим «естественному состоянию» человека, а, на-

против, извращением природы социального [Мордовцев, Мамычев, Безматёрных, 2016; Conteh-Morgan, 2004; Tilly, 2003]. По его мнению, насилие не естественно, а наблюдается в случаях, когда людям не хватает знаний о том, как действовать ненасильственно [Кропоткин, 2011, с. 77]. Но отношение к знанию – непростая проблема: случаи, когда люди что-то не знают и пытаются узнать – совсем не то же самое, когда люди, не имея знаний, отказываются от познавательной деятельности и сопротивляются познанию нового. Проблема враждебного отношения к знанию существует в России, что в какой-то мере проливает свет на наличие в России насилия определенного качества.

Для антиполитических социальностей характерны проблемы с рефлексивностью и с институционализацией рефлексии. Здесь мало кому нужны институты, способные «посмотреть со стороны» на «общество», поэтому их, чаще всего, нет. Обычно этим интересуются немногие представители народа «снизу» («диссиденты», «враги народа» и т.п.), обрекая себя на самые серьезные проблемы.

Одной из конституирующих основ антиполитики является неосознанное неосмысленное подражание, дефицит критического мышления. Такие проблемы, как авторитарная личность, отчуждение личности, ценности потребления, «бегство от свободы», кажутся не самыми серьезными на фоне всеобъемлющего насилия и тотального запугивания населения.

Актеры – участники зоны насилия – преимущественно руководители определенного качества (типа «вождей»), обеспечивающие процесс, (квази)государственный аппарат, «государственная машина», в негативном смысле радостная «масса», их поддерживающая, а главное – «враги», не важно – внешние и (или) внутренние. Зона насилия никогда не стремится показывать свою сущность и имеет так называемые «фасадные институты» и «фасадных персонажей». Чаще всего это – «успешные из народа». Дополитические квазиобщественники и квазиграждане в антиполитике заменены «государственной машиной» и послушной массой. Квазигражданские, квазинекommerческие объединения дополитики заменяются при антиполитике (около)государственными организациями соответствующего профиля.

Возможные перспективы изучения случая России

С позиций дискурс-анализа очевидно, что при политике и разных формах квазиполитики существуют понятия, описывающие присущие им явления. Подход, при котором посредством рассмотрения используемых понятий ведут исследования в социологии и политической науке, уже существует [см.: Бикбов, 2016; Ильин, 1997; Инфраструктура свободы... 2013; Хархордин, 2011]. Однако, насколько нам известно, ни одна из существующих работ не отвечает в полной мере на вопросы, поставленные в наших исследованиях.

Мы обратили внимание на то, что как в обыденной речи, так и в пилотном опросе используются специфические выражения, иронично или юмористически отражающие суть ряда процессов, протекающих в России. Они составляют некоторый дискурс, важный для «деконструкции» происходящего. Это очень специфический эмпирический материал.

Мы обратились к сайту «Луркоморье» [см.: Луркоморье], представляющему корпус текстов с соответствующим дискурсом. Качество данного эмпирического материала определяется тем, что он формируется любыми желающими людьми в тех понятиях, которые они используют спонтанно, без смысловых и стилистических ограничений. Разные статьи (как правило, с юмористическим и ироничным содержанием о проблемах сегодняшней России) оказываются связанными ссылками, позволяя исследовать связь концептов в массовом сознании.

Мы начали работу со страниц с понятием «*распил*», которое использовали респонденты нашего пилотного опроса. Понятие обыденного языка «*распил*» может существовать только в дополитике, поскольку означает расходование средств, полученных от государства благодаря наличию власти, что само собой предполагает сращивание производственных и властных отношений. Авторы «Луркоморья» считают это явление «делом серьезным» не только для страны, но и для мира, что затушевывает их понимание российской специфики. Они пишут, что в «*распиле*» участвует, в какой-то мере, каждый – как среди «*быдла*», так и «*небыдла*».

Словом «*быдло*» авторы, по сути, иллюстрируют проблемы российских людей, лишенных гражданских принципов. «*Быдло*» неспособно посмотреть на себя со стороны, склонно к следованию

авторитарным лидерам (ссылка ведет на страницу про И.В. Сталина, дискурс о котором касается его человеконенавистности и «эффективности», это сочетание иронично), агрессии, потреблению, «*рабскому менталитету*». Последнее описывается как следствие отсутствия демократии (при этом над «*суверенной демократией*» авторы иронизируют) и является фразой, «объясняющей все и сразу».

Авторы указывают на склонности «*быдла*» к сверхценным идеям вроде «тонких вибраций» (ссылка на страницу «*астрал*»), «*невидимой руки рынка*», «*светлого коммунистического будущего*», «*шлаков*» (имеются виду методы нетрадиционной медицины вроде уринотерапии), «*еврейского мирового заговора*», «*генно-модифицированной отравы*», «*вредного излучения*», «*плана Путина*», индивидуальных сверхценных идей (ссылка на страницу «*синдром поиска глубинных смыслов*»). Авторы указывают, что «*быдло*» живет в «*этой стране*», но России на сайте соответствуют три страницы «*эта страна*» (используется как понятие для показывания проблем России вроде описанных у Н.В. Гоголя и М.Е. Салтыкова-Щедрина), «*Рашика*» (как понятие для иронии) и «*Россия*» (более абстрагированное от первых двух смыслов). Интересно понятие «*показуха*», синоним потемкинских деревень, как специфически российское явление.

Из этого дискурса напрашиваются интереснейшие выводы.

Идеал «*небыдла*» – быть «против» и внешние атрибуты престижа – проблемный, в силу того что не касается внутренних качеств человека, не говоря уже об отсутствии не только политической, но любой заметной дифференциации. В жизненных ситуациях внутренние человеческие качества оказываются более значимыми, но наличная социальность их не приветствует и всячески подавляет. Стремление «быть против» нельзя абсолютизировать и идеализировать, поскольку оно наблюдается не только ныне, но и пронизывает всю российскую историю. Иногда ситуативно необходимо «быть за», но неформальные нормы этому препятствуют и просто запрещают, что ведет к сильнейшей дезинтеграции.

Если не весь сайт, то очень большая его доля – бесконечная ирония над человеческим незнанием, отказом от познавательного интереса в угоду каким-то сверхценным идеям и рутинам, подчас внешне престижным. У россиян, возможно, нет желания спорить друг с другом и что-то узнавать. Именно поэтому фразы «*Рабский менталитет*» и «*Вы просто ненавидите все русское*» авторы «Луркоморья» рекомендуют использовать в полемике для того,

чтобы закончить спор и как бы «заткнуть рот» оппоненту. Но здесь обозначена важнейшая проблема: такая «аргументация» стала систематической в России последних десятилетий.

При ознакомлении с «Луркоморьем» обнаруживается, что знание о политике и – шире – общественное знание у россиян сильно ограничено, что, очевидно, не позволяет воплотить какую-либо благодетель в жизнь и, напротив, способствует воспроизводству имеющейся неблагоприятной социальности.

Под словом «*астрал*» обычно понимается некоторое сверх-естественное состояние, в которое погружается человек в стремлении «ухода от реальности». Нетрудно заметить признания многих людей в таком желании, достаточно много профилей в социальных сетях со странными описаниями и аватарами, показывающими «уход от реальности» в какую-то «игрушечную», заведомо не существующую социальность. Представляется, что в этом выражается растущая неудовлетворенность нынешней социальностью, своего рода экзистенциальный кризис. В условиях незнания люди «уходят от реальности» не через поиск каких-то способов преодоления этого кризиса, а просто «закрывая глаза» на него. Столь же инфантильно и «игрушечно» люди начинают воспринимать актуальную социальность, теряя самокритичность и все больше уходя в социальную и политическую инфантильность.

Чтобы проследить динамику упоминаний некоторых терминов, мы обратились к сервису «Гугл тренды»¹ (таблица 2).

Обнаруженная динамика позволяет прийти к выводу, что в России последнего десятилетия вряд ли происходило сколько-нибудь отчетливое формирование политического пространства – из-за общественно-политического незнания россиян и их нежелания знать, устойчивой инфантилизации, приверженности сверхценным идеям и культу авторитарного сознания, систематического «ухода от реальности» в «игрушечную» социальность при росте неудовлетворенности этой социальностью, взамен которой абсолютное большинство ничего не может предложить ввиду низкой гражданской и политической компетентности.

¹ Режим доступа: <https://trends.google.com/trends/explore> (Дата посещения: 09.02.2018.)

Таблица 2

Тенденции частоты упоминания некоторых понятий с 2004 г.

<i>Понятие обыденного языка</i>	<i>Упоминания с 2004 г.</i>
Астрал	«Скачки» в годы премьер одноименных фильмов: 2010 (пик – апрель 2011), 2013, 2015. В целом рост
Быдло	С 2006 по февраль 2010 г. – рост, далее сохранение на высоком уровне с некоторыми колебаниями
Менталитет	Рост с 2008 г.
Небыдло	Эпизодически в 2007 г., с 2008 г. устойчивый рост
Патриотизм	Ежегодное увеличение в периоды праздников – День Победы 9 мая и День народного единства 4 ноября, снижение в июле-августе. С 2009 г. амплитуда колебания сильно возрастает
Показуха	Снижается с 2011 г.
Рашка	Рост с ноября 2008 г. по октябрь 2009 г., резкий «скачок» вверх в ноябре 2014 г.
Сталин	Рост с 2008 г., «скачок» вверх в 2013 г. и ежегодные «скачки» в период Дня Победы 9 мая
Эффективность	С меньшей амплитудой «коррелирует» с термином «Сталин», без высоких «скачков» в период Дня Победы 9 мая

Нельзя, однако, исключать то, что президентская избирательная кампания 2018 г. и сами выборы президента России – на фоне противоречивых экономико-социальных процессов могут оказаться точками бифуркации в новейшей истории страны.

Список литературы

- Адорно Т.В. Исследование авторитарной личности. – М.: Астрель, 2012. – 474 с.
- Арендт Х. Vita activa, или О деятельной жизни. – СПб.: Алетейя, 2000. – 437 с.
- Аристотель. Сочинения: В 4 т. – М.: Мысль, 1983. – Т. 4. – 832 с.
- Бикбов А.Т. Грамматика порядка. Историческая социология понятий, которые меняют нашу реальность. – 2-е изд. – М.: ИД ВШЭ, 2016. – 430 с.
- Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации. – 2-е изд. – М.: Академический проект, 2005. – 528 с.
- Граждане и политические практики в современной России: Воспроизводство и трансформация институционального порядка / Отв. ред. С.В. Патрушев. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. – 318 с.

- Гражданское и политическое в российских общественных практиках / Под ред. С.В. Патрушева. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013. – 525 с.
- Джей М. Добродетели лицемерия: О лжи в политике. – М.: Канон+: РООИ «Реабилитация», 2015. – 352 с.
- Ильин М.В. Слова и смыслы. Опыт описания ключевых политических понятий. – М.: РОССПЭН, 1997. – 432 с.
- Институциональная политология: Современный институционализм и политическая трансформация России / Под ред. С.В. Патрушева. – М.: ИСП РАН, 2006. – 590 с.
- Инфраструктура свободы. Общие вещи и Res Publica: Коллективная монография / Под ред. О. Хархордина, Р. Алапуру, О. Бычковой. – М.: Издательство Европейского университета, 2013. – 352 с.
- Кропоткин П.А. Взаимопомощь как фактор эволюции. – М.: Редакция журнала «Самообразование», 2011. – 254 с.
- Кучинов А.М. Подходы и методики для исследования текстов и дискурса в политологии: Опыт классификации // Полис: Политические исследования. – М., 2016 а. – № 5. – С. 80–96.
- Кучинов А.М. Политика и ингибиторы политики: Интеграция неoinституционализма, семиотики и дискурс-анализа // Время больших перемен: Политика и политики: Материалы Всероссийской конференции РАПН, Москва, РУДН, 24–25 ноября 2017 г. / Под ред. О.В. Гаман-Голутвиной, Л.В. Сморгунува, Л.Н. Тимофеевой. – М.: РУДН, 2017. – С. 219–220.
- Кучинов А.М. Феномен и возникновение политического пространства // Спектр социального – 2016: Сб. статей / Под ред. В.А. Зотовой. – М.: РГГУ, 2016 б. – С. 100–106.
- Кучинов А.М. Явления и вещи политического пространства // Россия в условиях новой политической реальности: Стратегия и методы развития: Материалы Всероссийской научной конференции РАПН, Москва, РАНХиГС при Президенте РФ, 25–26 ноября 2016 г. / Под ред. О.В. Гаман-Голутвиной, Л.В. Сморгунува, Л.Н. Тимофеевой. – М.: Проспект, 2016 с. – С. 160–161.
- Лефевр А. Производство пространства. – М.: Strelka press, 2015. – 432 с.
- Луркоморье [сайт]. – Режим доступа: <https://lurkmore.co/> (Дата посещения: 09.02.2018.)
- Макиавелли Н. Государь: Избранные сочинения. – СПб.: Вита Нова, 2016. – 334 с.
- Массовая политика: Институциональные основания / Под ред. С.В. Патрушева. – М.: Политическая энциклопедия, 2016. – 286 с.
- Мирясова О.А. Сасовское экологическое движение как пример локальных институциональных изменений. – Режим доступа: http://www.isras.ru/files/File/conferencii/2016/1480424930_Miryasova_25_11_RAPN.pdf (Дата посещения: 09.02.2018.)
- Мордовцев А.Ю., Мамычев А.Ю., Безматёрных Т.А. Насилие и властные институты в российской политико-правовой реальности // Территория новых возможностей: Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. – Владивосток: ВГУЭС, 2016. – Т. 8, № 4. – С. 18–26.
- Муфф Ш. К агонистической модели демократии // Логос. – М., 2004. – № 2 (42). – С. 180–197.

- Новые слова и значения: Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов: В 3 т. / Под ред. Т.Н. Буцевой, Е.А. Левашова. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2014.
- Пастухов В.* Мы живем в «дополитическом» государстве! / АПН: Агентство политических новостей. – Режим доступа: <http://www.apn.ru/publications/article17284.htm> (Дата посещения: 09.02.2018.)
- Патрушев С.В.* Кликократический порядок как институциональная ловушка российской модернизации // Полис: Политические исследования. – М.: ИС РАН, 2011. – № 6. – С. 120–133.
- Платон.* Государство. Законы. Политик. – М.: Мысль, 1998. – 798 с.
- Тёнисс Ф.* Общность и общество: Основные понятия чистой социологии. – М.; СПб.: Фонд Университет: Владимир Даль, 2002. – 451 с.
- Хархордин О.* Основные понятия российской политики. – М.: Новое литературное обозрение, 2011. – 328 с.
- Фромм Э.* Анатомия человеческой деструктивности. – М.: АСТ, 2015 а. – 621 с.
- Фромм Э.* Бегство от свободы. – М.: АСТ, 2015 б. – 287 с.
- Фромм Э.* Иметь или быть? – М.: АСТ, 2015. – 317 с.
- Шмитт К.* Понятие политического. – СПб.: Наука, 2016. – 568 с.
- Экспертное обсуждение концепции конституирования политического поля и политического пространства в России / Под ред. С.В. Патрушева, Л.Е. Филипповой. – М.: ФНИСЦ РАН, 2017. – 73 с. – Режим доступа: http://www.isras.ru/files/File/publ/Expert_discussion_18_10_2017.pdf (Дата посещения: 09.02.2018.)
- Этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. / Сост. А.К. Шапошников. – М.: Флинта: Наука, 2010. – Т. 1. – 584 с.
- Archer M.S.* Being human: The problem of agency. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2000. – 323 p.
- Archer M.S.* Culture and agency: The place of culture in social theory: Revisited edition. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2004. – 351 p.
- Archer M.S.* Making our way through the world: Human reflexivity and social mobility. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2007. – VII+343 p.
- Archer M.S.* Realist social theory: The morphogenetic approach. – Cambridge: Cambridge univ. press, 1995. – 354 p.
- Archer M.S.* Structure, agency and the internal conversation. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2003. – 370 p.
- Burns T.R., Flam H.* The shaping of social organization: Social rule system theory with applications. – L.: SAGE, 1987. – 432 p.
- Caetano A.* Defining personal reflexivity: A critical reading of Archer's approach // European Journal of Social Theory. – L.: SAGE, 2015. – Vol. 18, Issue 1. – P. 60–75.
- Conteh-Morgan E.* Collective political violence: An introduction to the theories and cases of violent conflicts. – N.Y.; L.: Routledge, 2004. – 329 p.
- Conversations about reflexivity / Ed. by M.S. Archer. – L.; N.Y.: Routledge: Taylor&Francis, 2010. – 265 p.
- Darwin Ch.* The origin of species. – L.: John Murray, 1859. – 502 p.
- Mouffe Ch.* On the political. – Abingdon; N.Y.: Routledge, 2005. – 144 p.
- Mouffe Ch.* The democratic paradox. – L.; N.Y.: Verso, 2000. – 143 p.

Mouzelis N. Modern and postmodern social theorizing: Bridging the divide. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2008. – 311 p.

Online etymology dictionary [Website]. – Mode of access: <http://www.etymonline.com> (Accessed: 11.11.2017.)

Rosenvallon P. Democracy past and future / Ed. S. Moyne. – N.Y.: Columbia univ. press, 2006. – 294 p.

Tilly Ch. The politics of collective violence. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2003. – 286 p.

Л.Г. Панов*

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ЛОГИКА¹

Аннотация. Целью статьи является развитие теоретических и методологических инструментов институционального исследования политики. Рассмотрены два дополняющих друг друга институциональных подхода: теория организационных полей, которая позволяет сформировать объект институционального исследования, а именно область, в которой возникает институциональный порядок, а также теория институциональной логики, которая позволяет проанализировать содержание институциональных порядков и проследить взаимосвязь между материальными и символическими элементами институтов. Автор анализирует ключевые проблемы и потенциальные решения в связи с применением подходов и предлагает принципы для их применения к исследованию области политических взаимодействий.

Ключевые слова: организационное поле; институциональная логика; институциональный порядок; поле политики.

L.G. Panov

The political field and institutional logics

Abstract. The purpose of the article is to develop theoretical and methodological tools for institutional research of political sphere. Two complementary institutional approaches are considered: the theory of organizational fields that allows to form the

* **Панов Любомир Геннадьевич**, ассоциированный научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), e-mail: panovlyubomir@gmail.com; **Panov Lubomir**, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), e-mail: panovlyubomir@gmail.com

¹ Статья выполнена в рамках проекта «Конституирование поля политики в России: институциональный анализ» (грант РФФИ 17-03-00446 а).

object of institutional research, namely, the area in which the institutional order arises, as well as the theory of institutional logic that allows to analyze the content of institutional order and to trace the interrelation between the material and symbolic elements of institutions. The author analyzes key problems and potential solutions in connection with the application of approaches and suggests principles for their application to the study of the field of political interactions.

Keywords: organizational field; institutional logic; institutional order; political field.

Институциональное поле

Концепт поля получил в социологии широкое распространение благодаря дисциплине «организационный институционализм», в русле которой сложился подход для эмпирических институциональных исследований. Впервые в рамках направления концепт поля сформулировали П. Димаджо и У. Пауэлл, определив организационное поле как «те организации, которые в совокупности составляют распознаваемую область социальной жизни: это ключевые поставщики, потребители ресурсов и продуктов, регуляторы и другие организации, производящие сходные продукты или услуги» [Димаджо, Пауэлл, 2014].

В организационном институционализме идея поля появилась после того, как исследователи заметили, что организации в своем поведении ориентируются на внешнюю среду и что множество организаций ведут себя сходным образом – копируют практики и организационные формы друг друга. Наблюдая действия организаций, исследователи выяснили, что акторы, от которых ожидают рационального поведения, в некоторых случаях ведут себя противоположным образом, и это происходит не с отдельной, а со многими организациями, функционирующими в одной и той же отрасли. Л. Цукер и П. Толберт обнаружили, что реформа государственной службы была заимствована и внедрена даже теми городскими администрациями, на эффективности которых она не сказывалась [Tolbert, Zucker, 1983]. Другими словами, организации под влиянием окружения могут производить изменения или придерживаться какой-то модели поведения даже тогда, когда это противоречит соображениям увеличения эффективности. Область функционирования организаций подвержена влиянию институциональных механизмов (не только принудительного характера, вроде требований закона, соблюдение которых обеспечивается угрозой наказа-

ния), но и давлению среды, а также культурно-когнитивным механизмам: укорененным представлениям и ценностям [Scott, 1995, p. 35].

Концепт поля в ранней формулировке предполагает, что побуждающая сила ориентироваться на поведение друг друга возникает между регулярно взаимодействующими организациями схожего профиля, т.е. функционирующими в рамках одной отрасли, и со временем в результате этих взаимодействий возникают общеразделяемые правила и нормы, соблюдение которых обеспечивается ранее упомянутыми механизмами. Так, поля возникают как «локальные социальные порядки» [Флигстин, 2001] – регламентированные сферы взаимодействий (по определенному поводу), которые имеют как содержание (определенные правила, практики, нормы и распространенные представления), так и действующие механизмы, которые обеспечивают соблюдение установленного порядка. Как утверждает Р. Скотт, организационное поле – это «сообщество организаций, которые разделяют общую систему представлений и чаще взаимодействуют друг с другом, чем с акторами за пределами поля» [Scott, 1995, p. 56].

Метафора поля очень точно передает смысл, который вкладывают авторы: по аналогии с электромагнитным или гравитационным полями [Martin, 2003], институциональное оказывает воздействие и упорядочивает поведение как регулярно взаимодействующих акторов, так и тех, кто попадает в границы поля.

Зачастую исследователи используют несколько оснований для выделения поля и его границ: продукты [Voronov, Clercq, Hinings, 2013], услуги [Reay, Hinings, 2005], технологии [Munir, Phillips, 2006], проблемы [Hoffman, 1999] и идентичности [Armstrong, 2002]. Как отмечает Р. Скотт, определение полей, с одной стороны, является творческой задачей исследователя, с другой стороны, существование поля должно быть эмпирически подтверждено [Scott, 2008, p. 223].

Концепция поля часто используется для исследования экономических ниш, в этом случае взаимодействия происходят вокруг определенного продукта или услуги, и с большой долей вероятности можно предположить, что если социальный порядок сложился, то он распространился на всех тех, кто занят в этой сфере и чьи действия могут повлиять на положение других игроков в поле: регулирующие структуры, поставщики сырья, производители, дист-

рибьюторы, ритейлеры, потребители. Вместе с тем концепт поля можно использовать шире, очерчивая релевантную для организации среду с учетом той сферы или способа действия, который является объектом исследовательского интереса. Мы вернемся к этому вопросу, когда будем обсуждать поле политики.

Концепция институциональной логики: Проблемы и перспективы подхода

У. Пауэлл справедливо замечает, что разделение между конкурентными «экономическими» (акторы действуют рационально и стратегически) и институциональными «социальными» (акторы действуют по установленной опривыченной схеме и строго следуют установленным нормам порой в ущерб эффективности) сферами условно [Powell, 2012, p. 183]. В действительности, как в «социальных сферах» взаимодействия акторов не сводятся только к воспроизводству шаблонов, так и в конкурентных полях действуют регуляторные, нормативные и когнитивные установления, которые ограничивают потенциально бесконечные варианты поведения.

Концепция институциональной логики была разработана для того, чтобы продемонстрировать, как когнитивные установления закладываются в основу материальных практик и обуславливают различия между социальными порядками, которые могут существовать в одной и той же сфере деятельности в разное время.

Исследования в русле «полевого» подхода показали, что с течением времени социальный порядок в рамках одной и той же области взаимодействий может меняться, и изменениям подвергаются не отдельные нормы, а сами принципы и категории, на которых основано понимание акторами «мира» и, как следствие, их действия (практики). Концепция логики призвана обратить внимание на семиотические конструкции, которые организуют и придают устойчивость социальной жизни.

Внешней отличительной чертой подхода является то, что он стал самым распространенным, а словосочетание «институциональная логика» – самым используемым, по сравнению с альтернативными концептуализациями символического в институционализме [Шмерлина, 2016]. Фактически концепт логики стали

использовать для обозначения всего символического в институтах, и вообще всего имеющего отношение к содержанию институтов.

Институциональную логику определяют как «систему культурных элементов, которая позволяет индивидам формировать смыслы и оценивать свою повседневную деятельность, а также организовывать ее во времени и пространстве» [Haveman, Gualtieri, 2017]. Основатели подхода Р. Фридланд и Р. Алфорд предлагают рассматривать современное западное общество, как основанное на пяти ключевых институтах, каждому из которых соответствует особый тип логики: институт капитализма, бюрократического государства, демократии, семьи и религии. Логика капиталистического рынка заключается в том, чтобы придать всем объектам и ментальным отношениям свойства товара, сделать их предметом товарно-денежного обмена. Логика государства сводится к тому, чтобы устанавливать правила и иерархии и в идеале подчинить все действия индивидов строгим схемам. Логика демократии – в участии и народном контроле. Логика семьи в том, чтобы поведение индивидов было подчинено безусловным обязательствам по отношению к членам семьи. Логика христианства заключается в том, что деятельность индивида организована вокруг признания существования Бога и необходимости следовать нравственным религиозным предписаниям.

Авторы демонстрируют как различные типы логики, или формы рациональности, структурируют отношения в разных областях социальной жизни. Например, сфера медицинских услуг может быть организована в соответствии с принципами капитализма, когда все больницы являются частными компаниями, а цены формируются по рыночному принципу, или напротив, медицина может быть организована по принципу признания неотъемлемого права каждого на получение медицинской помощи, и тогда общество и государство будут обеспечивать доступность медицинских услуг и медикаментов для каждого.

Последователи подхода повсеместно используют вышеизложенный шаблон, прикладывая различные типы логики к определенным областям социальной жизни в исторической перспективе и обнаруживая, как различные логики, становясь доминантными, перекраивают все институциональное устройство: порядок правил, практик и организационных форм.

Распространенность подхода сделала его легитимным способом осмысления семиотических систем, которые вступают в каузальные отношения с материальным аспектом институтов. Вместе с тем подход имеет ряд слабых (проблемных) мест, что является следствием его недостаточной теоретической проработанности, несмотря на широкое применение Haveman, Gualtieri, 2017]. Эти слабые места позволяют нам рассмотреть основные методологические подходы к исследованию институциональной логики.

Взаимоотношения между материальными и семиотическими аспектами института. Как заметили Х. Хэйвман и Г. Гуалтьери, концепт институциональной логики изначально включал и материальное, и семиотическое. Исследователи призывают к тому, чтобы разделить материальное и семиотическое содержание институтов, и отвести концепт логики исключительно для последнего.

Множество исследований фокусируется на рассмотрении материального содержания порядков: организационных форм, практик, распределения полномочий внутри организации. Сравнивая различия таких материальных аспектов и институциональных порядков одной и той же области деятельности в разное время, исследователи выводят общий принцип, который объединяет один набор материальных элементов и противопоставляет его другому. Так, ранее упомянутые П. Торнтон и У. Окасио замечают различия в формах собственности издательств, распределении полномочий, практиках продвижения товара и отношениях между автором и издательством – исходя из этих различий, они делают вывод о том, что практики порождаются двумя разными типами логики: логики профессиональной этики редакторов и логики капитализма. Уязвимое место такого подхода заключается в том, что в строгом смысле материальные элементы содержания институциональных порядков не содержат в себе смысла, смысл им придают акторы, которые изобретают и воспроизводят, например, практики. В том случае, если исследователи делают выводы о действующих в поле логиках, не изучив представлений акторов, то они основывают свои интерпретации материальных практик и обобщения либо на собственных знаниях о мире, либо по аналогии с предыдущими исследованиями, например, работой Р. Фридланда и Р. Алфорда. Наглядным примером изменения представлений, которое повлекло изменения материальных элементов институтов, может быть развитие поля автомобилестроения. Прежде автомобили воспринима-

лись как средство передвижения и предмет роскоши, но никакие экологические соображения, даже если они и высказывались, не оказывали серьезного влияния на практики поля. Вместе с тем не так давно Великобритания и Франция объявили о том, что к 2040 г. планируется запретить выпуск автомобилей с двигателями внутреннего сгорания.

Напротив, Макс Вебер, исследования которого приводятся в качестве методологического истока логического подхода, в работе «Протестантская этика и дух капитализма» центральное внимание уделяет изучению содержания представлений о мире, заложенных в протестантской традиции, которые могли привести к формированию практик усердного труда и бережливости [Вебер, 1990].

Другой аспект критики логического подхода в отношении материальных элементов институтов заключается в том, что исследователи зачастую выборочно подходят к описанию материальных элементов институционального порядка, описывая те из них, которые наиболее ярко отражают различия порядков в соответствии с теми типами логики, которые вначале заявляют авторы. При этом более системное описание практик может позволить выявить внутренние противоречия в рамках одного поля и вскрыть стоящие за этим представления.

Например, Джон Мохр и Винсент Дюкен предприняли исследование деятельности благотворительных организаций в Нью-Йорке с 1888 по 1917 г. [Mohr, Duquenne, 1997]. Проанализировав ежегодные отчеты благотворительных организаций, авторы установили, что практики помощи благотворительных организаций нуждающимся различаются в зависимости от того, к какой категории нуждающихся проситель будет отнесен. Приведем пример в качестве иллюстрации. Когда к благотворителям обращался семейный работающий человек, который вследствие малого заработка не может содержать семью, его относили к категории «достойных» и могли предложить как продукты, так и деньги в качестве помощи. При этом были категории просителей, которым никогда не предоставляли ни еды, ни денег. Как выяснили исследователи, в эту категорию попадали женщины, которые не исполняли своих традиционных ролей жены и матери и, как правило, занимались проституцией. Авторы предполагают, что основным соображением благотворителей была помощь этим женщинам в от-

казе от занятия проституцией, по этой причине им предоставляли убежище и помогали в поиске работы, но не давали еды и денег.

Таким образом, более детальный подход может помочь не только «схватить» принципиальные различия наборов материальных элементов института, но и выявить, какие в рамках одного и того же порядка существуют противоречия, и затем определить, какие вариации и противоречия в институционализированной системе представлений приводят к противоречиям в практиках.

Преобладание дедуктивного подхода и реконструкция логики. В большинстве случаев поиск и извлечение институциональной логики в рассматриваемом поле взаимодействий, будь то издательское дело, медицина, финансовые услуги, любительский спорт или виноделие является «не отправной, а начальной точкой исследования» [Weber, Patel, Heinze, 2013, p. 353]. Исследователи в большинстве случаев рассматривают список «логик», сформированный еще Р. Фридландом и Р. Алфордом, а затем авторы ищут признаки одной из логик в институциональном устройстве рассматриваемых полей и их изменениях. Это приводит к тому, что вместо реального отражения систем представления / мышления акторов, которые определяют как внутренние противоречия поля, так и перспективы развития, авторы подбирают в институциональных порядках соответствия уже известным логикам.

Вышеизложенная исследовательская практика поддерживается еще тем, что внутри подхода, во-первых, продолжаются споры вокруг того, что считать логикой, а во-вторых, с помощью какого метода ее можно исследовать.

К. Вебер, Х. Пател и К. Хайнце для решения этой проблемы предложили начать рассматривать логику не как центральный принцип (который еще нужно вывести), а как организованную систему культурных элементов [ibid.]. Другими словами, в каждой области деятельности акторы руководствуются какими-то наборами представлений, логика появляется тогда, когда между отдельными представлениями возникают тесные связи, представления обретают внутреннюю структуру. Такие системы четко задают способ осмысления (видения) мира или отдельных его аспектов. Таким образом, область деятельности не обязательно предполагает наличие логики, вместо нее могут быть наборы разрозненных представлений, и институциональная система этого поля в таком случае тоже будет разрозненной.

Авторы предложили анализировать дискурс участников поля и выявлять в нем отдельные наиболее важные культурные элементы и устанавливать, какие взаимосвязи между ними складываются. Для обнаружения таких значимых представлений К. Вебер и соавторы предлагают проводить анализ на основании базовых категорий: «идентичности акторов, классы социальных практик и измерение ценностей» [Weber, Patel, Heinze, 2013, p. 353]. Авторы применили свой подход к исследованию поля животноводства. Исследователи проанализировали тексты, посвященные животноводству и сделали кодирование в соответствии с метакатегориями, затем с помощью компьютерных программ они вычислили, насколько часто понятия появляются в тексте и как они связаны между собой, в результате чего не только удалось выявить две системы представлений, но и выявить связи между понятиями. По мнению авторов, логика возникает тогда, когда между отдельными представлениями (культурными элементами) возникают строгие и устойчивые связи (рис.).

Набор культурных элементов

Логика

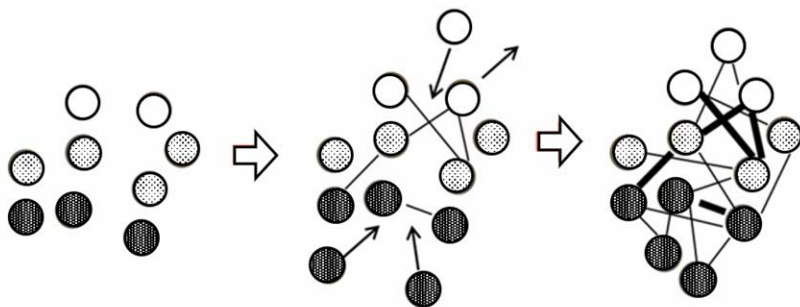

Рис.

Формирование институциональной логики

Большую ценность представляет и то, что мы можем выявлять, какой силой обладают системы представлений, насколько они структурированы и насколько влияют на организацию мира и практики по сравнению с альтернативными системами представлений – не секрет, что многие сферы вообще не отрефлексированы, и акторы не способны размышлять о них системно и последовательно, делать какие-либо обоснованные выводы.

Ценностные аспекты институциональной логики. В последних работах авторы теории институциональной логики ставят

вопрос о значении ценностей и эмоций, заложенных в институциональной логике [Friedland, 2013]. Устоявшийся «логический» подход состоит в описании / реконструкции представлений и систем представлений. При этом из поля исследовательского внимания выпадает то, насколько индивиды привержены тем или иным логическим системам. Регистрация большой распространенности и устойчивости (продолжительности) систем представления и практик может потребовать понимания того, почему индивиды предпочитают одну логику всем другим. Даже выявление внутренней связности и проработанности логики может быть недостаточным. В связи с этим предлагается исследовать ценности и эмоции – сложившиеся предпочтения одних представлений другим, которые не удастся объяснить самими представлениями [Haveman, Gualtieri, 2017].

Оценка возможных последствий. М. Вебер, автор одной из первых и наиболее востребованных работ в русле «культурного», или семиотического, институционализма «Протестантская этика и дух капитализма», определял исследовательскую задачу как выявление взаимосвязи между религией и хозяйственной деятельностью. В начале книги автор приводит примеры того, как капитализм позволил умножить благосостояние тех стран, где был укоренен протестантизм. Нам представляется, что большую ценность имеют те исследования, которые могут не только установить представления и практики, распространенные в обществе, а также проследить взаимосвязь между ними, но и связать их с определенными материальными последствиями или результатами, к которым эта комбинация представлений и практик привела. Усиление одной из логик в поле приводит к преобразованию практик и отношений в соответствии с этой логикой, и в конечном итоге меняет результаты функционирования этого поля.

Перспективы логического подхода в исследовании поля политики

Концепции поля и институциональной логики в паре, на наш взгляд, могут быть полезны для исследования политики по нескольким причинам.

Во-первых, они дают свободу в определении основания и границ поля в соответствии с интересами конкретного исследования: мы можем рассматривать узкие поля, формируемые, например, институтом парламентаризма, либо закладывать в качестве основы поля отдельные классы практик (например, протесты), технологий, результатов деятельности и т.д.

Во-вторых, теории позволяют мыслить поведение вовлеченных акторов во взаимосвязи и взаимозависимости; так, на политическое поведение граждан, безусловно, оказывают влияние и практики НГО, и практики освещения политических событий СМИ, и практики политиков, которые, например, либо направлены на размежевание с конкурентами и привлечение общественной поддержки, либо на заключение договоренностей с победившей партией и расчет на то, что последние поделятся частью ресурсов, и т.д.

В-третьих, теории фокусируют наше внимание на поиске устойчивостей даже в высококонкурентных областях взаимодействий, где принято считать поведение акторов исключительно прагматичным и стратегическим. Когнитивные установления, такие как категории, представления, ценности, могут устанавливать ограничения не только на стратегические выборы, но и на цели, которые преследуют акторы поля.

И наконец, теории предлагают нам рассматривать не только отдельные практики и представления, но и проследживать их согласованность, связи и противоречия, таким образом рассматривая системы практик и логики, иными словами, анализировать институциональные порядки в их целостности.

Рассматривая концепцию поля, мы остановились на конструировании поля как отдельной области взаимодействий и определении границ его охвата. Представим себе, что существует область деятельности, которая отличается от остальных тем, что в ее границах производится такой продукт, как общезначимые решения. Также представим, что могут быть разные центральные принципы организации взаимодействий в рамках такого поля: административный, в котором общественные проблемы разрешаются в соответствии с системой полномочий и иерархии должностных лиц, религиозный, основанный на власти религиозных авторитетов и воплощении норм, предписанных сакральными текстами, основанный на насилии и власти группы, с преобладающей военной мощью или какой-либо другой. Среди прочего порядок области

принятия общественно значимых решений может быть построен на политическом принципе. В том случае, если такое поле основано на логике политики, оно представляет собой публичное пространство диалога и конфликта по поводу значимых проблем в рамках наличного или альтернативных проектов общих целей и стратегических решений для общества. Таким образом, воплощение логики политики предполагает, во-первых, реорганизацию области принятия общественно значимых решений, во-вторых, возникновение поля специфических политических взаимодействий, продукты которого будут выходить за рамки просто принятия решений.

Мы видим политическое поле как обладающее рядом специфических характеристик. Взаимодействия акторов происходят в публичном поле, и это означает, что каждый гражданин сможет получить доступ к обсуждению общественно значимых проблем. Обсуждение проблем и проектов происходит с позиций того, что они имеют значение для всего общества, т.е. даже проблемы, которые на первый взгляд являются личными, могут быть сформулированы с точки зрения их воздействия на все общество. Обсуждение проблем и проектов происходит с позиций общего блага, т.е. того, какую пользу для общества принесет то или иное решение. Проекты и альтернативы обсуждаются с осознанием того, что в результате будут приняты общественно значимые решения, изменены принятые нормы и т.д. Взаимодействия не ограничиваются обсуждениями, акторы объединяются и размежевываются, предпринимая коллективные действия для продвижения проблем и альтернативных проектов в рамках установленных политических правил и практик.

Следует отметить, что в рамках области принятия общезначимых решений, даже если порядок данного поля не основан на политической логике и поле политики не институционализировано, могут существовать отдельные элементы политики. Так, в государственном устройстве большинства стран заложены формальные демократические нормы, которые при их воплощении приводят к формированию поля политики. Они публично декларируются и частично воплощаются, например, в процедурах выборов, институте разделения властей и т.д. И в российском обществе, несмотря на то что поле политики не институционализировано, мы видим, что политические элиты прибегают к использованию поли-

тических элементов, либо акторы начинают действовать политически и активизируют политические нормы, и добиваются в этом поле реализации своих интересов, например общественные кампании «синих ведерок» и против сноса пятиэтажек в Москве, локальные экологические кампании и другие.

Мы видим целью дальнейшее исследование политического поля как нормативной конструкции, типа институционального порядка и институциональной логики, который мог бы быть последовательно воплощен в реальной системе практик и представлений. В связи с этим на основании разработок теорий поля и институциональной логики, принимая во внимание сильные и слабые места подходов, а также на основании тех методов, которые были использованы во множестве эмпирических исследований [см.: Шмерлина, 2016], мы можем разработать инструментарий, позволяющий решить те задачи, которые перед нами ставит исследование поля политики.

Метакатегории, предложенные К. Вебером и соавторами для реконструкции системы представлений акторов поля (субъекты, классы практик, измерение ценностей), могут быть использованы и для исследования политического поля. Так, такие категории субъектов политики, как граждане, политики, государственные и должностные лица, НКО, СМИ, имеют конкретное смысловое наполнение в каждом обществе. Гражданину могут предписывать в качестве главной добродетели как безусловную любовь к государству и родине, так и обязанность участвовать в политике и высказываться тогда, когда он не согласен. Политики могут относиться к «народу» как к тем, кто требует защиты, не в состоянии выразить свои интересы и подвержен манипуляциям, либо как к полноценным участникам политического процесса, которые могут самостоятельно проанализировать информацию и принять правильное для себя решение и выразить интересы, которые политики должны представлять в органах власти. Также неоднозначным может быть толкование практик, протесты могут рассматриваться как проявление недовольства и эмоциональное действие либо как последовательная борьба групп за привлечение внимания к проблеме или продвижение политического решения. Также и должностные лица могут воспринимать свою деятельность не как служение, а в русле менеджерского подхода как работу и выполнение конкретных обязанностей. Категории и когнитивные шаблоны важны и в практиках

освещения событий СМИ, и в практиках повседневных дискуссий о политике. Вместе с тем при переходе к непосредственному исследованию поля политики потребуется разработать набор категорий, в большей степени соответствующий и учитывающий особенности поля взаимодействий в области принятия общественно значимых решений и в поле политики.

Список литературы

- Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения / Сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; предисл. П.П. Гайденко. – М.: Прогресс, 1990. – С. 61–272.
- Димаджо П., Пауэлл У. Новый взгляд на «железную клетку»: Институциональный изоморфизм и коллективная рациональность в организационных полях // Классика новой экономической социологии / Сост. В.В. Радаев, Г.Б. Юдин. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. – С. 164–191.
- Флигстин Н. Поля, власть и социальные навыки: Критический анализ новых институциональных течений // Экономическая социология. – М., 2001. – Т. 2, № 4. – С. 28–55.
- Шмерлина И.А. «Институциональная логика»: Критический анализ направления // Социологический журнал. – М., 2016. – Т. 22, №. 4. – С. 110–138.
- Armstrong E.A. Crisis, collective creativity, and the generation of new organizational forms: The transformation of lesbian/gay organizations in San Francisco // Social structure and organizations revisited / M. Lounsbury, M.J. Ventresca (eds). – L.: Emerald group publishing limited, 2002. – P. 361–395. (Research in the Sociology of Organizations: Vol. 19.)
- Martin J.L. What is field theory? // American journal of sociology. – Chicago, 2003. – Vol. 109, N 1. – P. 1–49.
- Friedland R. God, love, and other good reasons for practice: Thinking through institutional logics // Institutional logics in action, part A / M. Lounsbury, E. Boxenbaum (eds). – L.: Emerald group publishing limited, 2013. – P. 25–50. (Research in the Sociology of Organizations: Vol. 39, Part A.)
- Friedland R., Alford R. Bringing society back in: Symbols, practices, and institutional contradictions // The new institutionalism in organizational analysis / W.W. Powell, P.J. DiMaggio (eds). – Chicago: Univ. of Chicago press, 2012. – P. 232–266.
- Haveman H.A., Gualtieri G. Institutional logics. – 2017. – Mode of access: <http://business.oxfordre.com/view/10.1093/acrefore/9780190224851.001.0001/acrefore-9780190224851-e-137> (Дата посещения: 11.12.2017.)
- Mohr J.W., Duquenne V. The duality of culture and practice: Poverty relief in New York City, 1888–1917 // Theory and Society. – Dordrecht, 1997. – Vol. 26, N 2–3. – P. 305–356.

- Munir K.A., Phillips N.* The birth of the «Kodak Moment»: Institutional entrepreneurship and the adoption of new technologies // *Organization studies*. – 2005. – Vol. 26, N 11. – P. 1665–1687.
- Powell W.* Expanding the scope of institutional analysis // *The new institutionalism in organizational analysis* / W.W. Powell, P.J. DiMaggio (eds). – Chicago: Univ. of Chicago press, 2012. – P. 183–203.
- Reay T., Hinings C.R.* The recomposition of an organizational field: Health care in Alberta // *Organization studies*. – L.; Thousand Oaks: Sage publications, 2005. – Vol. 26, N 3. – P. 351–384.
- Scott W.R.* Organizations and institutions // *Foundations for Organizational Science*. – L.; Thousand Oaks: Sage publications, 1995. – 200 p.
- Scott W.R.* Institutions and organizations: Ideas and Interests. – 3 rd ed. – Los Angeles: Sage publications, 2008. – 280 p.
- Thornton P.H., Ocasio W.* Institutional logics // *The Sage handbook of organizational institutionalism*. – L.; Thousand Oaks: Sage publications, 2008. – P. 99–128.
- Tolbert P.S., Zucker L.G.* Institutional sources of change in the formal structure of organizations: The diffusion of civil service reform, 1880–1935 // *Administrative science quarterly*. – Ithaca; N.Y., 1983. – P. 22–39.
- Voronov M., De Clercq D., Hinings C.R.* Institutional complexity and logic engagement: An investigation of Ontario fine wine // *Human Relations*. – L., 2013. – Vol. 66, N 12. – P. 1563–1596.
- Weber K., Patel H., Heinze K.L.* From cultural repertoires to institutional logics: A content-analytic method // *Institutional Logics in Action, Part B* / M. Lounsbury, E. Boxenbaum (eds). – L.: Emerald group publishing limited, 2013. – P. 351–382. (Research in the Sociology of Organizations; vol. 39, part B.)
- Wooten M., Hoffman A.J.* Organizational fields: Past, present and future // *The Sage handbook of organizational institutionalism*. – L.; Thousand Oaks: Sage publications, 2008. – P. 130–147.

ИДЕИ И ПРАКТИКИ: МАССОВОЕ СОЗНАНИЕ, ИДЕНТИЧНОСТЬ И СУБЪЕКТНОСТЬ В ПОЛИТИКЕ

Г.Л. Кертман*

СТАТУС ПОЛИТИКИ В РОССИЙСКОМ МАССОВОМ СОЗНАНИИ¹

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые особенности и алгоритмы восприятия публичной политики, характерные для российской политической культуры. Раскрываются ценностные основания дистанцирования «среднего россиянина» от политики и его некомпетентность в вопросах институционального дизайна государства и политической системы. На основе анализа интерпретационных схем, циркулирующих в массовом сознании, оцениваются перспективы формирования в России массового «зрителя» – пристрастного наблюдателя, необходимого для конституирования политического поля.

Ключевые слова: политическое поле; политическая культура; массовое сознание; патернализм; властный моносубъект; ценностно-детерминированная некомпетентность.

* **Кертман Григорий Львович**, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), e-mail: kertman@list.ru

Kertman Grigory, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), e-mail: kertman@list.ru

¹ Работа подготовлена в рамках проекта «Конституирование поля политики в России: институциональный анализ» (грант РФФИ № 17-03-00446).

G. L. Kertman
Status of politics in Russian mass consciousness

Abstract. The article analyzes some features and algorithms of public politics' perception, characteristic for Russian political culture. It reveals the value basis of the «average Russian's» distancing from politics and his incompetence in matters of state's and political system's institutional design. The interpretative schemes circulating in mass consciousness are analyzed, on this basis the prospects for the formation of a mass «spectator» – an interested observer, necessary for the constitution of a political field – are assessed.

Keywords: political field; political culture; mass consciousness; paternalism; mono-subject of power; value-determined incompetence.

Политическое поле и массовый зритель

Конституирование политического поля как арены, публично-го пространства диалога и институционализированного конфликта политических акторов требует определенных социокультурных предпосылок. Такое поле предполагает, прежде всего, наличие массового «зрителя», более или менее заинтересованно наблюдающего – хотя бы время от времени – за происходящим, более или менее понимающего «правила игры» и признающего их справедливыми (пусть и с определенными оговорками) и вместе с тем интериоризовавшего принцип народного суверенитета, т.е. ощущающего себя коллективным «суперарбитром», высшей инстанцией, на которую должны ориентироваться и к которой вынуждены хотя бы изредка апеллировать акторы – как минимум во время выборов. Без подобного «зрителя», легитимирующего и, в известной мере, контролирующего политическое поле, институциональный дизайн публичной политики обречен оставаться по преимуществу имитационным обрамлением самодостаточной и закрытой «зоны власти».

Проблема, однако, в том, что базовые презумпции российской политической культуры препятствуют формированию заинтересованного и компетентного наблюдателя политической игры. Причем дело, подчеркнем, не столько в дефиците когнитивных ресурсов у потребителей «политической» информации, сколько в особенностях ее восприятия, обусловленных властецентричностью и патерналистскими основаниями отечественной политической культуры.

Было бы большим преувеличением и упрощением утверждать, что российские граждане не интересуются «политикой». В ходе ряда массовых опросов ФОМ декларативный уровень интереса к ней (т.е. доля респондентов, заявляющих, что интересуются политикой) на протяжении 2001–2016 гг. варьирует, как правило, в диапазоне от 36 до 48%¹, что, безусловно, не так уж и мало. Причем последний замер, в мае 2016 г., дал как раз наивысший результат – 48%. При этом 26% опрошенных, по их словам, часто обсуждают с окружающими «события российской политической жизни», и еще 42% делают это изредка (никогда не обсуждают – 31%).

Однако этот интерес практически не распространяется на публичную политику, на конкуренцию проектов и представляющих их политических акторов, на идеологические и прагматические альтернативы, т.е. на то, что составляет суть политического процесса. Респондентов спросили: «Какие события российской политической жизни Вы в последнее время больше всего обсуждаете?» Отвечая на этот открытый вопрос, 14% респондентов – больше всего – упомянули события в Сирии, 11% – на Украине и вокруг Украины (хотя в вопросе недвусмысленно сказано – «события российской политической жизни»). Но и те, кто фокусируются на внутрироссийской проблематике, тоже, как выясняется, обсуждают по преимуществу экономические и социальные реалии, новости, но никак не вопросы политические: рост цен («про цены, квартплату», «цены растут, все дорожает» и т.д.) – 9%, социальные проблемы («образование и медицина», «вокруг зарплат идет тема») – 4, экономическую ситуацию – 2%. Некоторые, правда, обсуждали прошедшую незадолго до этого «Прямую линию» с В. Путиным (4%), а также вообще говорили о президенте и его деятельности (3%). Но и интерес к деятельности власти, как правило, ни в коей мере не распространяется на ее планы, стратегии, обоснования тех или иных действий, аргументацию и т.д. – он фокусируется почти исключительно на результатах. То есть наши «зрители» предпочитают смотреть не столько на поле, сколько на «табло», причем едва ли не единственным актором, который все-рез привлекает их внимание, является власть. Отметим, что пред-

¹ См.: Интерес к политике: Мониторинг / ФОМ. – Режим доступа: <http://fom.ru/Politika/12680> (Дата посещения 15.02.2018.) Лишь один раз, в декабре 2010 г., этот показатель упал до 30%.

стоявшие через несколько месяцев выборы в Думу упомянули в данном контексте, отвечая на вопрос о «событиях российской политической жизни», 2% опрошенных.

Впрочем, к характерной для «человека с улицы» оптике восприятия политических акторов, не принадлежащих непосредственно к властной вертикали и «партии власти», мы вернемся немного позже. Что же касается фокусировки на результатах деятельности (и, добавим, на обещаниях) самой власти при почти тотальном игнорировании любой «сопутствующей» информации, касающейся путей достижения этих результатов, выбора стратегии, арсенала применяемых средств и т.д., то эта особенность российского массового сознания напрямую связана с патерналистскими устоями политической культуры. В рамках «идеального», дистиллированного патерналистского дискурса «истинная» власть представляется потенциально всемогущей, всеведущей и несущей всю полноту ответственности за благополучие «подведомственного» народонаселения. И именно поэтому любое инициированное властями того или иного уровня «обсуждение» средств, способов решения каких-либо проблем с рядовыми гражданами встречается многими негативно либо, по крайней мере, настороженно – как попытка разделить ответственность с подопечными или, того хуже, найти оправдание своей неспособности или нежелания решить их проблемы. Иначе говоря – как симптом определенной дисфункции власти. «Идеальный» же диалог власти и народа – опять-таки в рамках патерналистского дискурса – касается исключительно целей (но не средств), задач (но не путей их решения) и протекает в режиме обмена сигналами, просьбами и «наказами», с одной стороны, и действиями, а также обещаниями – с другой.

Оговоримся: обосновывать подобные утверждения данными массовых опросов в принципе крайне затруднительно¹, однако в материалах практически любых групповых дискуссий по политической проблематике можно обнаружить примеры, свидетельствующие о бытовании в массовом сознании соответствующих установок и интерпретационных схем. Здесь и далее мы будем ссылаться на материалы одной, выбранной практически наугад,

¹ Это потребовало бы вербализации не отрефлексированных, как правило, установок массового сознания, которые граждане едва ли смогли бы затем «опознать» в формате и режиме формализованного интервью.

серии дискуссионных фокус-групп (ДФГ), проведенных ФОМ в июне 2016 г. в городах и селах Саратовской области. Итак, говорит пенсионерка, сельская жительница:

«Конечно же, вот, понимаете, все то, что сейчас происходит, можно объяснить объективными, субъективными причинами – как угодно... Но и в то же время я считаю, что никогда власти нельзя говорить о том, что для того, чтобы решить какую-то проблему, существуют те то, те то, те то предпосылки там или загвоздки какие-то. Для власти этих загвоздок не должно существовать! Почему? Потому что она поставлена для того, чтобы решать вот эти самые проблемы».

На практике такая установка, помимо прочего, ведет к тому, что «человек с улицы» склонен фильтровать политическую информацию: слышать и запоминать, прежде всего, то, что характеризует тематические приоритеты власти (какие проблемы она выделяет в качестве наиболее актуальных, острых, значимых и т.д. и, соответственно, собирается решать в первоочередном порядке), и «пропускать мимо ушей», забывая то, что, сообразно патерналистской логике, не является адекватным контентом коммуникации с населением и относится к «функционалу» самой власти – предпосылки, средства, методы, алгоритмы решения этих проблем. Но такой «фильтр» блокирует и восприятие идеологических, мировоззренческих установок, которые так или иначе проявляются именно в алгоритмах решения, в том, что конкретно намерены предпринять власти (равно как и любые иные политические акторы). Поэтому российское массовое сознание очень слабо реагирует на идеологические импульсы.

«Идеологическая глухота» и компетентность

Эта «идеологическая глухота» большинства (видимо, подавляющего большинства) российских граждан проявляется, в частности, в том, что многочисленные попытки исследователей сегментировать россиян по идейно-политическим ориентациям редко оказываются хотя бы в какой-то мере успешными¹.

¹ Речь не идет, разумеется, о прямолинейных классификациях, основанных на самоопределениях (когда от респондентов требуется самоидентификация в

В качестве иллюстрации можно упомянуть один из методических экспериментов ФОМ (2017). На карточке, предложенной респондентам, были перечислены 15 гипотетических целей, задач государственной политики; требовалось выбрать не более трех наиболее значимых, приоритетных, по мнению участников опроса, задач. Поскольку, однако, последние были сформулированы в разных ценностно-идеологических парадигмах, предполагалось, что дифференциация ответов позволит классифицировать респондентов в соответствии с этими парадигмами. Помимо прочего, среди предложенных альтернатив значились «защита политических свобод, прав человека» и «защита традиционных ценностей», а также «поддержка отечественного производителя, импортозамещение» и «улучшение предпринимательского климата, условий развития бизнеса». Исходная гипотеза предполагала отрицательные корреляции применительно к каждой из этих пар «наказов», поскольку в идеологической плоскости либеральный, «западнический» концепт защиты политических свобод и прав человека, разумеется, альтернативен консервативному, «почвенническому» концепту защиты традиционных ценностей, равно как и либеральная, «рыночная» установка на улучшение предпринимательского климата альтернативна традиционалистской, консервативной установке на протекционизм в отношении отечественного производителя. Однако фактически между этими альтернативными (для «политического класса», экспертов и т.д.) суждениями в массовом опросе обнаружились сильные положительные корреляции: выбирающие защиту свобод и прав человека охотнее других респондентов высказывались также и в пользу традиционных ценностей, а сторонники улучшения предпринимательского климата – в пользу защиты отечественного производителя. Такой парадоксальный, на первый взгляд, результат обусловлен, несомненно, именно тем, что респонденты скорее обнаруживают в этих парах позиций «общие знаменатели», связанные с тематическими приоритетами (в одном случае внимание уделено развитию экономики, в другом – «правилам общежития», защите «нематериальных» интересов граждан), нежели дискурсивные, идеологические различия.

таких категориях как «социалист», «либерал», «консерватор» и т.д.) – они всегда «результативны», но малосодержательны, поскольку эти понятия интерпретируются гражданами очень разнообразно и «вольно».

Подобная «идеологическая глухота» проявляется и в органичной для патерналистского сознания неспособности дифференцировать идеологические месседжи, адресуемые ему различными политическими акторами. В ходе любых предвыборных (и не только предвыборных) исследований значительная часть респондентов неизменно сетует на то, что «все кандидаты говорят (или обещают) одно и то же», имея в виду фактически сходство тематических повесток и не замечая содержательных различий в позициях. Очевидно, что эта особенность восприятия политической информации российским массовым сознанием не способствует, мягко говоря, формированию компетентного «зрителя», необходимого, как уже сказано, для конституирования политического поля.

«Идеологическая глухота» гармонично дополняется у «человека с улицы» вопиющей некомпетентностью в вопросах устройства власти, избирательного законодательства и т.д. Такая некомпетентность критически необходима для самосохранения и воспроизводства патерналистских устоев отечественной политической культуры, поскольку освоение и усвоение информации о структурной упорядоченности власти, известной автономии ее ветвей и уровней, о горизонтальном и вертикальном разграничении полномочий, о нормативном (пусть и не вполне различимом в реальной жизнедеятельности государственных институтов) разделении властей, о законодательных рамках функционирования политической системы и т.д. с неизбежностью ставит под сомнение имманентные этой культуре представления о монолитности, всеведении и потенциальном всемогуществе власти, а следовательно – ведет к ее десакрализации. Освоение такой информации открывает перспективу преодоления социального инфантилизма, отказа от комфортного, хотя и не лишнего лукавства, позиционирования рядового гражданина в качестве «маленького человека», от которого на макросоциальном уровне ничего не зависит и в принципе зависеть не может, к признанию гражданской ответственности, т.е. перспективу кардинального переформатирования традиционалистской политической культуры. Поэтому «инстинкт самосохранения» этой культуры мобилизует на защиту некомпетентности все ее ценностные установки и когнитивные механизмы. Информация о «правилах игры» не просто плохо усваивается, игнорируется, «забывается», но и нередко активно отторгается, поскольку сами эти правила, правовые нормы, характеризующие институциональ-

ный дизайн государства, во многом воспринимаются как контрпродуктивные ограничения, препятствующие реализации истинного предназначения властного моносубъекта, или даже как совокупность уловок, основное предназначение которых состоит в том, чтобы оправдать его уклонение от исполнения своих «отеческих» функций. Патерналистское сознание в принципе не может быть правовым.

Политики – «совладельцы» власти

Одним из важнейших следствий этой ценностно детерминированной некомпетентности является склонность российских граждан воспринимать всех политических акторов, сколько-нибудь продолжительное время пребывающих в публичном пространстве, включая представителей как «системной», так и «несистемной» оппозиции, не как конкурентов (и уж тем более – не как носителей альтернативных проектов), а, по сути, как представителей или «совладельцев» власти, несущих ответственность за положение дел в стране уже в силу своего пребывания в «политике» и практически независимо от того, располагают ли они в действительности хоть какими-то властными ресурсами. Показателен в этом смысле следующий диалог участников фокус-группы, спровоцированный репликой о том, что некоторые возлагают ответственность за рост цен на «Единую Россию»:

«Респ. 1: Всё на них возлагают, а почему не возложить и на коммунистов, почему?»

Респ. 2: Они же тоже...

Респ. 1: Они тоже в Госдуме сидят. Почему?

Респ. 2: И ЛДПР тоже.

Респ. 1: Те же ЛДПР, те же “Зелёные”. А “Зелёные” эти вообще, как говорится, до такой степени уже народ замордовали своими этими...

Респ. 2: Страна горит, а они...

Респ. 1: Страна не горит, а погрязла в мусоре вся. Вся страна погрязла в мусоре, а зато “Зелёные” цветут и пахнут.

Респ. 3: ...На самом деле, почему все на “Единую Россию”? Если наш Президент от этой партии, то это не означает, что вся ответственность именно на этой партии. На самом деле, у

нас их <партий> вон сколько, половины даже не знаю, впервые читаю здесь, например, “Гражданская сила” – понятия не имею, кто это. А зачем их столько, вообще? Просто лишняя трата денег, на мой взгляд».

Обратим внимание: сначала участники беседы предлагают распространить ответственность на партии, располагающие хотя бы номинальными властными ресурсами. Причем основанием для этого оказываются не позиции упомянутых партий или их политическое поведение (допустим, голосование за бюджет, поддержка тех или иных законопроектов), а сам факт «сидения» в Думе, т.е. пребывания во властном пространстве. А далее они еще более темпераментно возлагают ответственность (уже не за цены, а за экологическую ситуацию, но это в данном контексте совершенно неважно) на партию, вообще не располагающую властными ресурсами и пребывающую не во властном, а в «политическом» пространстве. После чего на групповой дискуссии не может не последовать – если модератор не сменит тему – рутинная ламентация по поводу того, сколь расточительна «избыточная» многопартийность: лидеры партий и иные публичные политики представляются «человеку с улицы» кем-то вроде госслужащих, подвизающихся в «политическом департаменте» властного моносубъекта¹. И хотя он, как правило, не подвергает сомнению необходимость в существовании такого «департаamenta», но нередко сокрушается, подозревая, что его «бюджет» непомерно раздут.

Но главное здесь с точки зрения рассматриваемой темы – это именно склонность фактически отождествлять присутствие в «политике» с пребыванием во власти и, соответственно, совершенно не учитывать при оценке обитателей «политического» пространства (или по крайней мере – его старожилов) властный потенциал последних. Может быть, наиболее показателен в этом плане «казус Явлинского». В каких бы качественных исследованиях ни заходи-

¹ Это представление, разумеется, не оторефлексировано, но распространено достаточно широко, что проявляется в таких, например, репликах: «Я видел этого Жириновского, извините, в Балакове. Он проезжал там, кидал майки из вагона, матом орал. Я не знаю, как его там держат» (выделено мной. – Г. К.). Что, собственно, означает последняя фраза? Кто и, главное, где «держит» В. Жириновского? Скорее всего, респондент, произнесший эти слова (пожилой рабочий с высшим образованием) затруднился бы пояснить их, но очевидно, что он не склонен, скажем так, признавать за лидером ЛДПР политическую субъектность.

ла речь об основателе «Яблока», многие информанты непременно характеризуют его как обанкротившегося политика. При этом главное свидетельство банкротства Г. Явлинского видят не в его (и его партии) электоральных неудачах, которые в этом контексте практически не упоминаются, а в «провале» программы «500 дней». Разумеется, ни о сути этой программы, ни об обстоятельствах ее появления и отклонения подавляющее большинство не знают или не помнят, но само возникновение и, главное, устойчивое, на протяжении десятилетий, воспроизводство интерпретационной схемы, согласно которой автор программы, еще даже не ставший на тот момент публичным политиком и не обладавший политическим весом, повинен в том, что она не была принята к реализации, чрезвычайно характерны для доминирующей модели восприятия «политики»¹.

Эта модель, как уже сказано, обусловлена властесцентричностью российской политической культуры: поскольку интерес «среднего россиянина» к «политике» де-факто сосредоточен на результатах деятельности власти, он в той или иной мере распространяет адресованные ей ожидания, надежды, претензии и на тех политических акторов, которые пребывают в оппозиции. Что заведомо ставит последних в невыгодное положение.

Слово и дело

Снова обратимся к материалам групповых дискуссий. Довольно типичный диалог:

«Респ. 1: Я за “Единую Россию”.

Модератор: Почему?

Респ. 1: Потому что это единственная партия, которая что-то стоит.

Модератор: А вот это “стоит” – расшифруйте, пожалуйста.

Респ. 1: Потому что они делают, дело делают. А остальные – только словоблудие, больше ничего».

Другой сторонник партии власти (на другой ДФГ), заявляя об устойчивости своих политических симпатий, уточняет:

¹ Кстати, живучесть этой интерпретационной схемы – одна из значимых причин электоральных неудач «Яблока» и его основателя.

«...если бы они <другие партии> себя где-то что-то проявили, сделали для людей что-то хорошее – может быть, что-то и изменилось бы. А кроме болтовни по центральному телевидению мы про эти партии вообще ничего не знаем».

Противопоставляя дела, действия партии власти «словоблудию», «болтовне» ее оппонентов, эти респонденты (агроном и учитель), по существу, упрекают последних за то, что они не осуществляют властные функции, которых у них «по определению» нет. Приведем обширное высказывание еще одного учителя:

«Ну, я голосую за себя: я с начала 90-х годов – “Единство и Отечество”, потом – “Единая Россия”, я в эту партию сразу же пошел. Хотя я коммунист бывший, и очень активный член, и политически я – осознанно. Почему? Потому что партия власти – это власть. Если мы будем раздергиваться по всем партиям... ну, Жириновский очень много говорит, другой, третий, все очень много говорят. Я политически очень много слушаю, вижу по телевизору. Вы знаете, все это разговоры. А вот чтобы отвечать – нужно кому-то просто отвечать. Если знаешь – отвечай. Пока партия отвечает, за все свои дела отвечает. Поэтому я осознанно голосую за них».

Несмотря на некоторое косноязычие монолога «очень активного члена» всех сменявших друг друга партий власти и ненасытного потребителя политической информации, его смысл, в общем и целом, довольно ясен: в пространстве политики власть, представленная своей партией, олицетворяет **дело**, а иные партии – **слово** (точнее – многословие), и эта бинарная оппозиция предписывает гражданину перманентно поддерживать партию власти.

Причем «дело» этой партии ассоциируется обычно не с выработкой политического курса, принятием тех или иных решений, законодательной деятельностью и т.д., а с непосредственным участием в решении повседневных социальных проблем на региональном и локальном уровне – в частности, при посредстве «партийных проектов»:

«Все проекты, которые по “Единой России”, – на территории они существуют, они действуют: это и дворы, это и проекты – вот бассейн построен, – это переселение из ветхого жилья. То есть некоторые проекты вот федеральные – то во всех <случаях> они под эгидой партии».

«Оснащение больниц... я четко знаю, что в одном из центров (похоже, он федерального подчинения), им “Единая Россия” поставила оборудование. И хорошее оборудование, качественное оборудование, современное совершенно, диагностическое. Знаю, что это был подарок “Единой России”».

Разумеется, граждане нередко замечают двусмысленность ситуации, при которой партия власти имеет возможность записывать на свой счет дела, проекты, к реализации которых привлекаются бюджетные средства и властные ресурсы.

«Респ. 1: Маленькая ремарочка, извиняюсь. Несколько лет назад... стоял ужасный садик... Это садик, который за счет муниципалитета и частных инвесторов был отреставрирован за 40 миллионов, что ли. Короче, сделали хороший садик, картинку. Через некоторое время, чуть ли не сразу, появляется табличка рядом с садиком – отреставрировано при содействии партии “Единая Россия”. Каким...

Респ. 2: И люди ходят и, наверное, думают: О, “Единая Россия” ... Каким это местом?

Респ. 1: В больничном городке у нас там было какое-то оборудование добавлено. И опять же был плакат – “Единая Россия”. Все, наверное, видели, нет?»

Но даже понимание такой двойственности не ведет к смене критериев и разделению партии власти и властных структур как объектов оценки. Показательна беседа в другом населенном пункте, где речь тоже идет о детском садике:

«Респ. 1: Делает район, допустим, дорогу...

Респ. 2: Просто мы знаем, что это – “Единая Россия”.

Респ. 1: Вот, я говорю, садик делал тоже район, но под руководством «Единой России». Вот они садик сделали – значит это кто сделал, “Единая Россия” или район сделал?

Модератор: Не знаю, от вас хочу услышать.

Респ. 1: Вот как я могу тут разделить “Единую Россию” и это?

Респ. 3: И власть районную.

Респ. 1: Когда это одно и то же!

Модератор: То есть исполнительная власть и “Единая Россия” – это одно и то же?

Респ. 1: Да.

Модератор: Всё, что делает исполнительная власть, это делает “Единая Россия”, так услышала?

Респ. 1: Да.

Респ. 3: Конечно».

Отождествление «партии власти» с государственной властью оказывается не просто возможным, но и естественным во многом потому, что собственно политические функции партий, несводимые к управленческим задачам, российских граждан, как правило, совершенно не интересуют, а любая деятельность, связанная с этими функциями, априори квалифицируется как «словоблудие». Последнее, конечно, частично объясняется высоким удельным весом ритуально-имитационной составляющей в деятельности российских партий – но только частично. Определенную роль играет, отметим, и память о советской однопартийности: по материалам групповых дискуссий хорошо видно, что представители старшего поколения особенно легко, автоматически ставят знак равенства между государственной властью и «Единой Россией».

В результате возникает двойственная, противоречивая оптика восприятия российских партий. С одной стороны, все они уже по факту пребывания в «политике» идентифицируются как причастные к власти, и потому обязанные «делать дело»: непосредственно участвовать в решении тех или иных социально-экономических проблем, в той или иной мере беря на себя, по существу, функции исполнительной власти. С другой стороны, возможность политической (репутационной и электоральной) капитализации результатов реальной деятельности реальных структур исполнительной власти монополизирована одной партией, и эта монополизация, как мы видели, в значительной мере санкционирована массовым сознанием.

Эта двойственность особенно отчетливо проявляется, естественно, в ходе выборов и обеспечивает большую электоральную фору «Единой России». В рамках «идеального» патерналистского дискурса выборы являются прежде всего ритуалом легитимации опекающей власти, но одновременно – конкурсом благодетелей: опекаемые, недовольные результатами деятельности «партии власти» (а фактически – самой государственной власти), могут выразить это недовольство, проголосовав за ту силу, которая сумеет «делом» (т.е. овеществленной заботой, распределением каких-либо благ или предоставлением услуг) продемонстрировать, что

способна успешно заменить ее в этом амплуа. Но несопоставимость ресурсов практически нейтрализует эту электоральную опцию, делает ее применение крайне маловероятным.

Разумеется, в реальности спектр электоральных мотиваций и само электоральное поведение «среднего россиянина» далеко не полностью определяются патерналистскими презумпциями. Однако в интерпретации деятельности партий эта схема – особенно в предвыборный период – играет ключевую роль. Показательно, что участники групповых дискуссий, говоря о присутствии оппозиционных партий на локальном уровне, фокусировались практически исключительно на том, оказывают ли они непосредственную, прямую помощь, покровительство жителям; никакие иные аспекты их функционирования упоминаний не удостоились. Впрочем, определенные заслуги участники различных ДФГ заметили лишь у одной оппозиционной партии – «Справедливой России»:

«"Справедливая Россия" себя великолепно проявляет. Каждый раз перед выборами выпускают не столько календарики, сколько мини-буклетик, с одной стороны... <безуспешно пытается вспомнить фамилии кандидатов>... Но с обратной стороны великолепно подобраны все свежие телефоны всех экстренных служб Саратова, причем со службами администрации по районам, куда звонить в случае экстренной непредвиденной ситуации, просто набедничать. И в общем-то, этот свод законов лежит в ящике на кухне вот так вот, в шаговой доступности... То есть этот буклетик очень удобный...»

Тут особенно любопытно, что акция «эсеров», произведшая столь благоприятное впечатление на процитированную респондентку, преподавательницу колледжа, по сути эксплуатирует ту самую интерпретационную схему, о которой мы только что говорили: публикуя и распространяя справочный материал о муниципальных службах, партия тем самым как бы встраивается, вклинивается в отношения между властью и гражданами: она позиционирует себя как актора, причастного миру власти и вместе с тем озабоченного оперативностью и эффективностью коммуникаций граждан с представителями этого мира, обязанными по долгу службы не просто помогать горожанам, но выручать их в экстремальных ситуациях.

«Справедливая Россия» на местном уровне у нас – <ФИО>. Он такой человек – на виду всегда. Он спортсмен, возглавляет,

как говорится, секции детей, которые привлекает для мероприятий, выезда на соревнования, вкладывает свои деньги в это развитие, пауэрлифтингом занимается... То есть это человек, который реально что-то для города делает. Спортзалы свои имеет, сам содержит все, детей привлекает. ЛДПР тут только у нас казачьи песни и блины».

Здесь мы сталкиваемся с политической капитализацией «эсерами» плодов частной благотворительности, которая, при всей несхожести ситуаций, в известном смысле созвучна практике «Единой России», капитализирующей результаты деятельности государственных структур: в обоих случаях потенциальные избиратели, взвешивая достоинства конкурирующих «политических акторов», ориентируются на объем и характер благ, получаемых их земляками из разных источников, но от имени этих акторов. Возвращаясь к процитированной реплике, стоит отметить, что ЛДПР, предпочитающая, по наблюдениям респондента, завоевывать популярность не столько «хлебом», сколько «зрелищами», в его глазах явно проигрывает.

Страх перед политическими переменами

Одним из следствий политической некомпетентности большинства россиян (повторим – ценностно детерминированной некомпетентности), а также, в особенности, склонности к отождествлению «партии власти» с государственной властью, является страх перед политическими переменами, и это еще один фактор, препятствующий формированию такого массового «зрителя», без которого конституирование политического поля невозможно. Предполагая институционализированный конфликт независимых политических акторов, концепт политического поля тем самым априори допускает и институционализированную сменяемость власти, которая регламентируется общепризнанными «правилами игры». Между тем в российском массовом сознании перспектива смены власти ассоциируется с потрясениями и полным разрывом преемственности. Многие респонденты, намеренные поддерживать на выборах «Единую Россию», уверенно объясняют свою позицию тем, что они не хотят коренной ломки.

«Я выбрала “Единую Россию”, я считаю, уже революций на мою жизнь хватит, и я остаюсь за “Единую Россию”».

«Правильно говорят более старшие товарищи, потому что революций действительно, наверное, хватит».

«...это все опять придется как-то перестраивать, все переделывать там и так далее. Я просто не хочу вот этого всего».

«...это опять снова все начинать с нуля – это опять новые проблемы, и, наверно, здесь... ну, может быть, даже некий страх, что все вот то, что есть стабильность некоторая, она разрушится».

Стоит отметить, что лишь первая из этих реплик принадлежит пожилой женщине. Остальные – молодым людям (24–26 лет), имеющим высшее образование (учитель, аспирант, экономист). Все они не интересуются «политикой» и почти ничего не знают о политических акторах, в чем охотно признаются по ходу дискуссий, но априори убеждены, что переход рычагов власти в другие руки неизбежно обернулся бы полным разрывом преемственности, «революцией». Такое представление, парадоксальным образом сочетающееся, напомним, с восприятием всех «политических старожил», независимо от их позиционирования, как причастных к миру власти и несущих свои доли ответственности за происходящее в стране, распространено очень широко – причем не только в среде сторонников «партии власти», но и среди ее критиков. Эта презумпция несовместима с самой идеей институционализации политического диалога и конфликта.

«Грязное дело» политики

Выше мы говорили, что «зритель», необходимый для конституирования политического поля, должен понимать и принимать, признавать принципиально справедливыми «правила игры» на этом поле. Но у большинства российских граждан глубокая некомпетентность в этой сфере дополняется уверенностью в том, что политика – дело изначально и необратимо «грязное», а кроме того – если не полностью локализованное во властном пространстве, то, во всяком случае, нужное, значимое только для этого пространства и почти не касающееся интересов «простого человека». Не будет большим преувеличением сказать, что для российского массового

сознания «политика» – это некая дисфункция власти: нечто, отвлекающее ее от трудов по отстаиванию государственных интересов и обеспечению нужд населения и вовлекающее в сомнительные игры. Дисфункцией, впрочем, неизбежной, неустранимой и не самой «вредной» – в сравнении, например, с коррупцией, тоже являющейся дисфункцией власти.

Это не значит, впрочем, что люди считают «политику» совсем бесполезной. «Человек с улицы» в принципе признает необходимость определенной конкуренции за властные позиции, борьбы, поддерживающей обладателей власти «в тонусе» и, в частности, вынуждающей ее больше считаться с интересами граждан, а также позволяющей способным людям продвигаться к вершинам власти. В принципе признает он и необходимость конкуренции если не проектов, моделей социального развития, то, во всяком случае, идей, предложений по решению тех или иных конкретных проблем. Однако он склонен приписывать «политике» особые правила игры, связанные с пониманием ее как «грязного дела»: там допустимо и приемлемо то, что не может быть принято в других «местах».

Но если ценностно-нормативные основы политики признаются несовместимыми с «общепринятыми» нормами – хотя, возможно, и функциональными для этой специфической сферы социальной жизни, – то это означает, что потенциальный зритель не может оценивать происходящее в политическом поле своим «аршином». И, разумеется, у него нет ни малейших стимулов осваивать, изучать заведомо аморальные, «грязные» правила политики, чтобы судить акторов сообразно последним. Соответственно, он не может контролировать действия акторов через механизм институциональных и индивидуальных политических репутаций.

Кроме того, восприятие политики как «грязного дела» формирует установку на неучастие в ней. А такая установка уже сама по себе является фактором, препятствующим конституированию политического поля. Дело в том, что сам концепт такого поля предполагает открытость, возможность вовлечения любого гражданина в самые различные политические практики и в самых различных качествах. Поэтому, хотя «зрители» и не являются действующими политическими акторами и осуществляют свои специфические функции, созерцая это поле «извне», статус **потенциальных** акторов оказывается необходимым атрибутом публики «на трибунах». Характерное для большинства россиян прин-

ципиальное и несколько брезгливое неприятие самой возможности участия в таком «грязном деле» как политика ограничивает и их возможности участия в конституировании политического поля в качестве пристрастных наблюдателей.

Наконец, большинству российских граждан совершенно не свойственно и самоощущение «высшей инстанции», контролирующей власть и определяющей исход противоборств в сфере политики. Излишне говорить, насколько такое самоощущение противоречит патерналистским устоям отечественной политической культуры. Массовые опросы неизменно показывают: большинство убеждено, что власть реально не принадлежит гражданам. Причем это касается даже ситуаций электорального выбора.

В спектре мотиваций электорального поведения российских граждан модель интерпретации выборов как события, в котором реализуется принцип народного суверенитета, является хоть и не маргинальной, то отнюдь не доминирующей. Ее можно обнаружить у сравнительно небольшой части потенциальных избирателей, тогда как иные циркулирующие в массовом сознании модели, более органичные для традиционалистской политической культуры – выборы как ритуал (своеобразная присяга на верность власти), как «день открытых дверей», когда можно донести до власти свои пожелания, и т.д. – имеют значительно более широкое распространение.

Причем даже тогда, когда «человек с улицы» испытывает, кажется, потребность в контроле над властью, эта потребность в действительности оказывается обычно «отформатированной» в соответствии с патерналистскими презумпциями. Достаточно яркой иллюстрацией этого тезиса представляется следующий монолог 40-летнего рабочего:

«...все зависит от нас, от людей, от народа, который здесь живет. Дать нам какие-то рычаги власти. В каком плане – чтобы мы могли как-то влиять.... <Казалось бы, мы слышим яркую манифестацию подлинно гражданского сознания> Вот чтобы у нас был выход, если нас местная власть не устраивает, не на саратовскую, областную власть, а непосредственно уже в Москву был выход. Вот такой. И нам дать тем самым рычаги. Тем же самым репортерам дать, которые ковыряют там заводы и так далее... Нам дать. Например, плохие дороги: сфотографировал – отправил – это идет вниз и наказывается тот человек, который».

Чрезвычайно показательным для понимания алгоритма интерпретации политики как «чужого» пространства и механизма дистанцирования от нее является еще один сюжет, затронутый на групповых дискуссиях. Речь идет о праймериз, проведенных немногим ранее «Единой Россией» в преддверии выборов 2016 г.

«Респ. 1. Для партии власти, я думаю, такие мероприятия необходимы. Потому что им необходимо какой-то общий срез провести перед выборами, на что они могут рассчитывать, насколько серьезен в их руках административный аппарат. Наверное, для них это очень выгодно и правильно. С моей точки зрения, для народа это бестолковое дело, потому что на это тратится большое количество денег, огромное количество денег. По существу, такие же выборы организовываются, все эти участки организовываются. Смысла великого в этом не вижу. Но, мне кажется, для партии было важно это.

Респ. 2. А я думаю, что и для партии они не важны, потому что кандидаты на выдвижение – они известны. Решение принимается не сторонними наблюдателями, а где-то наверху. Ну, все как всегда».

Обратим внимание: первый участник ДФГ, аспирант, признавая праймериз полезной и даже «необходимой» для партии власти предвыборной репетицией, видит эту пользу не в «тестировании» претендентов на депутатские мандаты («официальная» интерпретация предназначения праймериз) и даже не в досрочном старте предвыборной агитации (в чем «Единую Россию» обвиняли конкуренты и критики). Он прозрачно намекает, что цель данной репетиции – подготовка к использованию властных ресурсов («административного аппарата») в своих интересах во время самих выборов. Впрочем, эта конспирологическая гипотеза излагается явно без особого возмущения: похоже, что респондент воспринимает подобные злоупотребления как должное – поскольку речь идет о таком «грязном деле» как политика. Но никакого смысла для «народа» в праймериз он не видит и огорчается, что эта процедура, нужная, по его мнению, только для партии власти, обходится дорого.

Второй же участник дискуссии (безработный с высшим образованием, 56 лет), не «расслышавший» намек коллеги или с порога отвергший его гипотезу, отрицает смысл праймериз и для самой партии власти, потому что официальная версия об открытой конкуренции претендентов на выдвижение представляется ему

совершенно неправдоподобной. Причем показательно, что избирателей, участвующих в праймериз, он называет «сторонними наблюдателями», отрицая тем самым саму возможность влияния последних на политику. И что означает его последняя реплика «ну, все как всегда» применительно к «премьеру» института предварительных выборов, если не убежденность в том, что и на основных, «настоящих» выборах решение принимается не избирателями?

Все участники другой фокус-группы, как выяснилось, принимали участие в праймериз «единороссов» (это не было условием рекрутмента – просто редкое стечение обстоятельств). И все они, без единого исключения, сочли, что проводить их не следовало.

Респ. 1. Раз его обозначили, этот праймериз, мы, конечно, приняли в нем участие. Но я считаю, что вот это вот... промежуточные выборы... их делать... не надо.

Респ. 2. Это опять же из бюджета какие затраты.

Респ. 1. Это, во-первых, большие расходы, это лишний раз нервируем людей. Не надо это.

Респ. 3. Да, расходы.

Респ. 1. Если она хочет, партия эта, видеть, быть лидером, иметь поддержку от населения, – больше делай, и ты это увидишь».

Все остальные участники группы поддержали это мнение. Помимо довода о расточительности, к которому мы еще вернемся, тут обращает на себя внимание реплика «лишний раз нервируем людей». То есть само по себе электоральное участие граждан трактуется как некий травматичный опыт, который они вынуждены переносить потому, что их к этому понуждает власть. Причем слова «лишний раз» совершенно определенно указывают на то, что, по мнению участницы ДФГ, выборы как таковые тоже людей «нервируют». Чуть позже, проговаривая это уже «открытым текстом», с ней солидаризуется другой участник ДФГ: *«Люди уже устали от выборов. У нас каждый год проводятся – разного уровня. Поэтому правильно <имя респ. 1> говорит – не стоит людей тревожить».* Кстати, стоит отметить, что респондентка, поднявшая эту тему, говорит о праймериз, используя словосочетание «нервируем людей». Это не оговорка и не опечатка: в самом конце фокус-группы она неожиданно признается окружающим, что «была председателем комиссии на этих праймериз».

Более всего респонденты, впрочем, говорят о расходах:

«А вы посчитали, во сколько это все встанет? Вы лучшие эти деньги потратили бы на народ».

«Агитационный материал какой, на какой бумаге, немалые деньги».

«Агитационный материал, бюллетени, содержание комиссий».

Выслушав еще несколько подобных реплик, модератор дискуссии осторожно осведомляется: *«Но я слышал, что праймериз проводятся как бы не из бюджета, а это партийное финансирование...»*. Но этот довод отмечается участниками ДФГ как бессмысленный:

«Респ. 1: Ну, все равно...»

Респ. 2: Ну а какая разница?

Модератор: Всё равно большие деньги?

Респ. 1: Да...

Модератор: Которые могли бы...

Респ. 1: Да, у нас же есть депутаты, например, которые на сегодняшний день – действующие депутаты, <фамилии депутатов>, у которых имеются вот эти вот деньги партии там, как депутатов, и которые направляются конкретно на оказание помощи, – индивидуальную, коллективную, всякую... И если бы эти деньги, которые ушли, например, в нашей области, отдать депутатам, то...»

Как видим, люди решительно отказываются как-либо разграничивать государственный (либо муниципальный) бюджет и бюджет партийный. Причем дело явно не в том, что они подозревают партию власти в каких-то финансовых злоупотреблениях: полностью отождествляя ее с государственной властью, они просто не придают никакого значения тому, из какого кармана властного моносубъекта извлекаются деньги. Их волнует лишь неправильное, нерачительное расходование этих средств. И та же самая респондентка, сотрудница администрации муниципального образования и председатель комиссии на праймериз, которая ранее по ходу дискуссии говорила, что для получения поддержки от населения надо не праймериз проводить, «нервируя» людей, а «делать больше» (см. выше), теперь расшифровывает свое понимание того, какими именно могут быть эти дела: нужно направлять партийные деньги непосредственно на помощь людям. Впрочем, едва ли разграничение партийного и государственного бюджета для нее

принципиально: ведь это именно она ответила на возражение модератора относительно небюджетного происхождения средств на партийные праймериз: «Ну, все равно».

Единодушие участников этой ДФГ, проголосовавших на праймериз «партии власти», т.е. принявших участие в процедуре, номинально предназначенной для более тонкой настройки партийного курса и кадровой политики в соответствии с запросами граждан и фактически обладающей определенным, пусть и довольно ограниченным, потенциалом расширения гражданского участия в политике, но считающих, вместе с тем, эту процедуру ненужной, априори бессмысленной для рядовых граждан, а также убежденных, что раздача «сэкономленных» средств нуждающимся наилучшим образом продемонстрировала бы достоинства «партии власти» в предвыборный период, на наш взгляд, чрезвычайно ярко иллюстрирует степень предрасположенности российских граждан к эволюционной трансформации в пристрастных и компетентных «зрителей», способных уже самим своим присутствием на «трибунах» содействовать конституированию политического поля.

Однако... Сравнительно недавно, на рубеже 1980–1990-х годов, определенные симптомы формирования массового зрителя, необходимого для конституирования такого поля, можно было наблюдать невооруженным глазом. Интерес к политике именно как к конкуренции проектов и олицетворяющих их политических акторов, осведомленность и ангажированность, восприимчивость к идеологическим размежеваниям, определенное внимание и, по крайней мере, более или менее серьезное отношение к «правилам игры» (об их освоении и легитимации говорить не приходится – сами эти правила переживали хаотическую трансформацию), а также зарождение коллективного самоощущения «высшей инстанции» – все эти атрибуты искомого «зрителя», вопреки самым фундаментальным презумпциям отечественной политической культуры, на какое-то время получили довольно широкое распространение. «Это было при нас, это с нами вошло в поговорку». И хотя тенденция оказалась поверхностной, неустойчивой и обратной, хотя уже к середине 1990-х годов в массовом сознании явно возобладал противоположный тренд, во многом способствовавший регенерации «зоны власти», этот исторический опыт предостерегает против слишком категоричных заключений относительно перспектив конституирования политического поля.

О.В. Попова*

МОДЕЛИ ИДЕНТИЧНОСТИ ПОЛИТИЧЕСКИХ АКТОРОВ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация. Статья посвящена обсуждению проблем фрагментированности, несформированности, противоречивости моделей политической идентичности различных групп населения в современной России. Автор убежден, что ни политическая элита, ни активная общественность в настоящее время не могут предложить привлекательные позитивные образы «проекта России», что в значительной степени снижает возможность контроля с их стороны за формированием такой установки массового политического сознания, как политическая идентичность. Автор статьи считает, что построение исследователями универсальной классификации моделей политической идентичности для различных обществ невозможно, несмотря на наличие базовой матрицы государственной и политической идентичности и некоторых существенных характеристик, задающих спектр политических оценок. Тем не менее классический системный подход моделей политической идентичности, оценивающий сущностные характеристики, факторы влияния, возможности адаптации, политические и социальные эффекты, обеспечивает достаточно точное понимание этого феномена.

Ключевые слова: политическая идентичность; объекты политической идентификации; политические акторы; модели политической идентичности; Россия.

* **Попова Ольга Валентиновна**, доктор политических наук, кандидат социологических наук, профессор, заведующая кафедрой политических институтов и прикладных политических исследований факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия), e-mail: o.popova@spbu.ru; pov_64@mail.ru

Popova Olga, Saint Petersburg State University (Saint-Petersburg, Russia), e-mail: o.popova@spbu.ru; pov_64@mail.ru

O.V. Popova

Identity models of political actors in contemporary Russia

Abstract. The article discusses problems of fragmentation, unformedness, inconsistency of different population groups' political identity models in contemporary Russia. The author is convinced that neither a political elite nor an active public can currently offer any attractive positive image of the «Russia project», therefore their ability to control such an attitude of mass political consciousness as political identity is considerably reduced. The author believes that researchers cannot build a universal classification of political identity models for different societies, despite having a basic matrix of state and political identity and some essential characteristics that set a spectrum of political assessments. Nevertheless, classical system approach of political identity models, assessing essential characteristics, influence factors, adaptation possibilities, political and social effects, provides a fairly accurate understanding of this phenomenon.

Keywords: political identity; political identification objects; political actors; political identity models; Russia.

Политическая идентичность

Исследовательский вопрос о моделях политической идентичности остается в эмпирической политологии актуальным на протяжении нескольких десятилетий, что определяется во многом осознанием исследователями невозможности разработки некоторой универсальной классификации моделей политической идентичности в трансформирующихся обществах. Российские исследователи сосредоточиваются на разработке теоретических проблем идентичности в сфере политики. В этом контексте необходимо назвать имена таких российских исследователей, как В.В. Лапкин, О.Ю. Малинова, В.Е. Морозов, Е.В. Морозова, В.И. Пантин, С.П. Поцелуев, И.С. Семененко, Л.А. Фадеева и др. [Идентичность... 2017].

Существенным фоновым условием, определяющим интерес к исследованиям политической идентичности, является позиция политического класса, который пытается поставить задачу конструирования определенного типа политической идентичности значительных по величине социальных групп с заданной моделью поведения в публичном политическом пространстве. В реальной жизни процесс формирования политической идентичности далеко не всегда может четко задаваться и регулироваться государством, политическими акторами и социумом, однако он не является и аб-

солютно спонтанным, зависящим только от воли самого индивида. С этой точки зрения методология конструктивизма оказывается нерелевантной для исследовательской задачи выявления сформированных моделей политической идентичности. С. Холл точно заметил: «Речь не столько о том, “кто мы” и “откуда”, сколько о том, чем мы можем стать, как нас представляют другие и как это соотносится с нашими собственными представлениями о себе... Идентичности создаются в процессе репрезентации» [Hall, 1996, p. 4]; социальное и политическое взаимодействие индивидов, политической элиты и рядовых граждан – это то обязательное фоновое условие, которое позволяет формироваться определенной модели политической идентичности. Поливариантность формирования политических идентичностей в современном обществе не тождественна неограниченной свободе и независимости этого процесса от совокупности социально-политических условий развития общества, доминирующей в нем системы ценностей и норм культуры, особенностей политического режима государства, проводимой в нем информационной политики и т.д.

Политическая идентичность, как одна из важнейших установок политического сознания людей, позволяет им, наряду с отношением себя к одной или нескольким социальным и / или политическим общностям, формировать свое отношение не только к происходящим политическим событиям, но и к мифологизированным представлениям о прошедших исторических политических событиях и к будущим политическим проектам, а также максимально легко принимать политические решения, включая выбор модели политического поведения (участие в электоральном процессе, массовых протестных акциях и т.д.) [Попова, 2015, с. 5]. Коллективная, или групповая, политическая идентичность, связанная с восприятием индивидом себя как члена определенного сообщества / группы на основе общих политических ценностей и представлений, является важным компонентом матрицы политической идентичности. Фундаментальной базой формирования идентичности является оппозиция «мы – они» или «свой – чужие». Значимый «Другой» в сфере политики также далеко не всегда является единичным объектом; реальная политика задает множество этих «Других», отношение к которым колеблется в диапазоне от образа «иного» до «врага».

Чаще всего исследователи обсуждают четыре варианта сформированной модели идентичности. В первом случае речь идет об отсутствии позитивных и негативных образцов; во втором случае – об отсутствии позитивных, но наличии негативных образов, в третьем – о наличии четких позитивных и размытых границ негативных «Других» и «чужих» в политике, в четвертом случае – о четкой модели с позитивными и негативными образцами.

Объективно ни одно социальное или политическое сообщество или отдельные личности не нуждаются в выработке или репрезентации объективного образа «мы», когда вопрос о формировании модели идентичности становится актуальным. Для выработки идентичности со «своей» группой «нужны не объективные истины, а политически значимые символы» [Поцелуев, 2001, с. 108]. Образ «мы», если только речь не идет о негативной или кризисной модели, должен вызывать чувство самоуважения и уважения у значимых «Других». Выработкой политически значимых символов для идентификационной матрицы государственной идентичности занимается властвующая политическая элита. Конечно, необходимо признать, что подчас предлагаемые публике символы являются следствием компромисса внутриэлитной борьбы и / или соглашением элиты с активной частью общественности. Однако для большинства населения компоненты матрицы идентичности предлагаются уже в готовом виде как некая идеальная данность.

Политические акторы (не только государство, которое представляет административная политическая элита и публичные политики, но и другие игроки в поле политики), стремятся предложить (подчас навязать) населению свои модели идентичности. Однако следует признать относительную неэффективность этих усилий. На наш взгляд, здесь работают пять основных факторов. Во-первых, ни один из политических игроков не может предложить непротиворечивую конструктивную модель «проекта Россия», обращенного в будущее, которую разделяли бы в равной степени большинство элитных групп и населения. Во-вторых, наблюдается отсутствие единой консолидированной точки зрения элиты на базовые компоненты матрицы политической и государственной идентичности. В-третьих, граждане России постоянно сталкиваются с нарушением логики в оценке исторических событий и политических деятелей, в государстве отсутствует последователь-

но проводимая единая символическая политика. В-четвертых, ни один из политических акторов, в том числе и государственные структуры, не обладают монополией или ресурсами для контроля в частной / приватной сфере за распространением идей, которые транслируются в публичной сфере. В-пятых, в современном мире ни в одном государстве (помимо тоталитарных) никто не обладает монополией над процессом политической коммуникации. Однако это не означает, что попыток установить подобный контроль даже в считающемся демократическом государстве нет. Другое дело, что множество игроков в «поле политики», которые не только обладают политической волей и стремятся реализовать собственные политические интересы, но и являются проводниками – агентами – запросов иных политических сил, не обладают монополией на предложение универсальной для большинства социальных групп системы политических взглядов. Для современной политической коммуникации «типичен взаимный перехват идей и лозунгов, размытость и метафоричность понятий, неопределенность “друзей” и “врагов”» [Поцелуев, 2001, с. 108], однако политическая элита, предъявляя идеальный образ «мы», «наши друзья», «иные», «враги», не желает такого развития ситуации.

Стратегии предложения политическими акторами в качестве «своих» и «Других» для формирования политической идентичности образов обладают определенной схожестью; налицо: упрощенный вариант интерпретации любых процессов; дихотомизация используемых образов; ригидность; ставка на размежевание; ожидание единомыслия от населения, «отказ» людям в праве мыслить иначе; минимизация рациональности; предложение готовых образов и рецептов решения проблем; популизм, постоянное апеллирование к волеизъявлению народа; морализаторство с указанием должного; «качели» между традиционализмом и модернизацией; декларация лояльности власти и патриотизма как основных требований к политическим установкам граждан; предложение унифицированной модели политической мобилизации для всех социальных групп; попытки оказания влияния на политический «я-образ» в онлайн-пространстве посредством изощренных манипулятивных приемов.

С учетом проявления в конкретных публичных действиях установок идентичности российские исследователи выделили следующие семь групп молодежи, чье политическое сознание существ-

венно различается по базовым характеристикам идентичности. Данная типология, фиксирующая в качестве критериев различия модели идентичности приоритетную сферу деятельности, отношение к власти, инициативность в публичной сфере, подходит и для классификации моделей идентичности взрослого населения страны. Во-первых, это так называемые «инициативные» граждане, которые склонны к участию в бизнесе, готовы брать на себя предпринимательский риск, участвовать в гражданских и политических инициативах, проявлять себя лидерами. Во-вторых, это группа «исполнительных» людей, которые проявляют себя как законопослушные, «ведомые», они склонны участвовать в жизни общества и государства только в качестве квалифицированных специалистов-исполнителей. В-третьих, это группа «спекулятивных» граждан, которые ориентированы на успех в трудовой деятельности, но не за счет проявления деловых качеств в рамках добросовестной профессиональной конкуренции, а благодаря «доходной» должности (предпочитают чиновничье-управленческие должности) или рода деятельности в области торговли, различного вида посредничества, а также за счет получения высоких процентов в качестве рантье. В-четвертых, это большая группа «социально-зависимых» людей, которые склонны к патернализму, не проявляют личную инициативу, рассчитывают на социальную защиту и гарантии со стороны государства, минимизируют объем и качество выполняемой работы. В-пятых, проявляется группа «оппозиционных» граждан-активистов, которые склонны к демонстрации активного публичного протеста, а также те, кто не вписался в систему социальных и политических отношений в современной России и проявляет склонность к пассивному социальному протесту, в том числе за счет ухода в онлайн-пространство, где недовольство своей ситуацией и ситуацией в обществе в целом выливается в весьма активные вербальные действия в виртуальном пространстве с крайне редким выходом в офлайн-среду. В-шестых, проявляется группа «анархически» настроенных людей; это – индивидуалисты-скептики, отрицающие законопослушность как условие нахождения в системе социальных отношений, склонные к маргинальным поступкам и чаще всего принадлежащие к какой-либо радикальной (не обязательно политической) субкультуре. В-седьмых, это – «пассивные» – законопослушная часть населения, готовая делать жизненный выбор только под влиянием како-

го-то лидера общественного мнения, включая представителей близкого круга общения (родные и друзья), кумиров или популярных представителей СМИ) [Горшков, Шереги, 2009, с. 5–36; 2010]. По оценкам экспертов, почти девять десятых граждан с подобными установками вполне адаптированы к современным российским реалиям и даже потенциально не представляют угрозы своими взглядами и действиями современному политическому режиму и элитным группам.

В этой типологии четко фиксируется отношение к власти, однако отметим, что существенным ограничением этой классификации моделей идентичности является то, что она не учитывает систему политических ценностей, существующего в настоящее время идеологического спектра политических игроков и отношение к предлагаемым политическими акторами вариантам наполнения матрицы государственной идентичности.

Базовая матрица государственной идентичности как ставка в политической борьбе

Анализ программ политических партий, выступлений лидеров парламентских и внепарламентских партий, официального дискурса российской административно-политической элиты, лидеров общественного мнения, гражданских активистов четко показывает, что в настоящее время традиционная модель классификации поля политики по оси «правые – левые» не может выступать четким критерием дифференциации политических взглядов политических акторов. Наглядно это демонстрируют фактически все российские политические игроки. Находящиеся на вершине власти и занимающие высшие административные должности представители политической элиты сочетают либеральные установки в сфере экономики с государственноческими установками в сфере внешней политики и обращением к социуму с социал-демократическими лозунгами, апеллирующими к принципу справедливости. Политические акторы, позиционирующие себя как левые, коммунисты, сочетают государственноческие установки с православными ценностями, отказываются от борьбы против собственности, от классовой борьбы в целом, их программы все более напоминают модификации идей североевропейской социал-демократии. При

этом политические акторы, декларирующие свою политическую позицию как именно социал-демократическую, все чаще выполняют роль спойлеров и спарринг-партнеров для действующей верхушки политической элиты.

Примеров этого достаточно много. Например, на уровне официального дискурса В.В. Путин позиционирует себя как консерватор, однако анализ позволяет четко идентифицировать проводимую им экономическую политику как либеральную; во внешней политике он проявляет себя как сильный государственный деятель, которому не чужды нормы проводившейся в СССР внешней политики, а в социальной политике явно прослеживаются элементы подхода социал-демократов. Схожую картину можно наблюдать при оценке программ партий, заявлений их лидеров и практической деятельности. Из всего многообразия партийного спектра современной России едва ли не единственной организацией, чья партийная платформа строго соответствует какой-либо идеологии, является «Справедливая Россия». Для исследователя в этом кейсе представляет особый интерес то обстоятельство, что классическая социал-демократическая позиция этой партии основана на принципе социальной справедливости и предполагает реализацию мощных социальных программ, соответствующих интересам большинства населения России (наемных работников, мелких и средних предпринимателей, социально незащищенных слоев населения и т.д.), однако число людей, идентифицирующих свои интересы с позицией этой партии и поддерживающих ее, крайне невелико и постоянно снижается. Кроме того, наиболее строго сохраняют свою политическую идентичность носители националистических взглядов.

На наш взгляд, не утрачивая окончательно своего системообразующего значения для формирования поля политики в современной России, идеология как бы уходит в тень, уступая позицию классифицирующего основания политической идентичности политической элиты и, как следствие, и рядовых граждан Российского государства, матрице государственной идентичности. Отметим, что существенным пороком / ограничением всех предлагаемых политическими акторами вариантов является отсутствие четкого позитивного образа будущего России («проекта России»), которое было бы привлекательно для большинства населения и выполняло бы важную мобилизующую и объединяющую функцию для граж-

дан страны. Предложенные в 1990-х годах последовательно модели «новой демократической России», «единого российского народа» и «особой, сформированной на основе православия цивилизации» не имели успеха с точки зрения выполнения этой функции, однако правящая политическая элита в России в последние десять лет продолжает упорно декларировать необходимость придерживаться третьей модели, дополнив ее идеей патриотизма.

В этом случае встает вопрос о предлагаемой политическим актором базовой матрице идентичности, под которую подстраивается сознание людей – объектов идентификации. Полная матрица политики государственной идентичности имеет два измерения: вертикальное (динамическое, временное «прошлое – настоящее – будущее») и горизонтальное (пространственное, территориальное), но в определенных политических условиях может актуализироваться только одно из них.

Матрица государственной политики идентичности формируется на основе предлагаемого элитой национального мифа, который, вписывая человека в коллективный сценарий поведения и формируя коллективную систему ожиданий, играет исключительно важную роль в обеспечении стабильности политического режима и политической системы государства. Она включает в себя следующие три компонента: а) образ «нашего» государства, в котором отражаются «правильные» границы территории страны (пределы государства / границы и способ восприятия отдельных территорий государства), время создания государственности, государственная символика, сонм исторических героев, основной мифологизированный исторический персонаж-герой, поддерживаемый значительным большинством граждан современный национальный герой-лидер, чей образ должен ассоциироваться в сознании населения с образом всей политической элиты; б) образ «мы» с однозначно трактуемым способом обозначения населения государства, декларацией принадлежности страны к определенному типу цивилизации и самоопределением элиты относительно значимых для нее групп; в) образ «они» с внешним и внутренним измерением, а также с выделением «своих», «иных», «чужих» и «врагов», для обозначения которого чаще всего используется конфронтационная модель «другие – чужие – враги», имеющая внешнее и внутреннее измерения; эти образы могут быть как обобщен-

ными, абстрактными, так и персонифицироваться [Попова, 2017 а, с. 291–292].

Важным предметом политической полемики для политических акторов в борьбе за доминирование своей версии базовой матрицы государственной идентичности являются вопросы, связанные с временно́й точкой отсчета создания российского государства и определением, кого из князей следует считать русскими / российскими. В этой идеологической борьбе соответствие точек зрения политических игроков исторической действительности вообще никакого значения не имеет. Вариации на тему «назначения» главным городом происхождения российской государственности («Киев – мать городов русских», «1150 лет российской государственности» в привязке к возрасту Великого Новгорода, «Русь московская» и т.д.), определения князей Владимира Мономаха или Ярослава Мудрого как русских или украинских исторических деятелей, равно как и выявление «начальной» временно́й точки Руси / России становятся всего лишь разменной картой для позиционирования игроков в политическом пространстве.

Следует обратить внимание также и на то, что концентрация на прошлом при отсутствии позитивного, тщательно проработанного, «конкурентоспособного» образа будущего России свидетельствует об ущербности моделей государственной идентичности, предлагаемых фактически всеми политическими силами в нашей стране. Вариант «привлекательной неопределенности», столь часто используемый в политических манипуляциях политиками, стоящими на вершине власти, оказывается не чужд и представителям несистемной оппозиции. Образ «прекрасная Россия будущего», в котором четко обозначен только один элемент – отсутствие коррупции, исключительно хорош в качестве рекламного политического слогана, но оказывается слишком неопределенным для людей, уже прошедших фазу доминирования негативной модели идентичности.

Схожая ситуация складывается и с элементом матрицы идентичности «мы». Политические акторы, особенно представители политической или бизнес-элиты, отнюдь не склонны искать нечто общее у своей группы с гражданами России и идентифицировать себя с ними (см., например, скандальное выступление Г. Грефа на Пе-

тербургском экономическом форуме в 2014 г.¹). Фактически это – ситуация двоемыслия, когда, с одной стороны, декларируется единство всех граждан России и действует норма ст. 282 УК РФ о возбуждении ненависти и вражды², а с другой стороны, между рядовыми гражданами и элитными группами существует непреодолимая пропасть в объеме доступа к различного рода ресурсам и благам.

В современной России происходит постепенная трансформация функций базовой матрицы идентичности. Она уже не только формирует определенное идеологическое мировоззрение на межгосударственное устройство современного мира и место «своего» государства в нем. В условиях активизации политической борьбы не только во внутри-, но и на межгосударственном уровнях она все чаще играет роль значимого образца, задающего границы и образы гражданственности. Базовая матрица государственной идентичности в реальной политике все чаще играет роль ставки в конкурентной борьбе политических акторов с различными политическими установками в стремлении к преданности и лояльности населения. Не существует единой базовой матрицы государственной идентичности, которая бы разделялась если не всеми, то большинством политических акторов. Они стремятся предлагать собственные отличающиеся от других модели и делают их одновременно средствами привлечения сторонников и проверки своих последователей на лояльность и преданность.

В последние несколько лет можно наблюдать определенную трансформацию компонентов базовой матрицы государственной идентичности. На наш взгляд, внимания заслуживают следующие тенденции.

Во-первых, при сохранении жестко заданной структуры государственной матрицы идентичности образы компонентов становятся все более подвижными, подверженными ситуативной изменчивости, легитимизируемой политической «целесообразностью момента».

¹ Греф проговорился. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=RpKYXPhjAM> (Дата посещения: 13.02.2018.)

² Уголовный кодекс РФ. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/d350878ee36f956a74c2c86830d066eafce20149/ (Дата посещения: 13.02.2018.)

Во-вторых, наблюдается утрата логической стройности и непротиворечивости конструкта этой матрицы у различных политических акторов.

В-третьих, визуальные образы матрицы государственной идентичности связываются не только с государственной символикой настоящего, все более активно используются атрибуты прошлого; актуализируется перенос времени формирования государства в глубь веков.

В-четвертых, акцентируется яркий, положительный образ общего будущего народа и страны; подчеркивается контраст между тяжелым прошлым и светлым будущим, но при этом будущее остается крайне неопределенным, проект будущей России как таковой отсутствует. Действующей административной политической элитой она описывается как великая, традиционалистская и духовная; либеральная часть политической элиты традиционно описывает будущую страну как демократическую, следующую нормам и идеалам западных стран.

В-пятых, вне зависимости от числа сторонников политических акторов, предлагающих ту или иную модель базовой матрицы государственной идентичности, образ «мы» всегда представляется как доминирующая (самая большая, наиболее значимая, исключительная) социальная группа. В матрицу обязательно включается этнонациональный компонент, подчас полностью подменяющий собой все содержание «мы».

В-шестых, происходит активная мифологизация образов как «мы», так и «Другие». «Мы» лишены недостатков, в отношении «Других» доминирует конфронтационная модель их как чужих или врагов. Позитивный образ «Других» также не соответствует политической реальности; усилиями политических акторов он трансформируется в образ мощных вечных союзников или покровителей.

Механизмы формирования политической идентичности

В политической науке нет единой точки зрения по вопросу о механизме формирования политической идентичности [Попова, 2017 б, с. 176–182]. Традиционно под этим термином понимают процесс формирования индивидом в ходе социализации, усвоения

личностью норм, идеалов, ценностей, ролей, стандартов поведения тех групп, к которым он принадлежит, идеального образа значимых политических объектов и «своих» в сфере политики. С одной стороны, уже с конца 1960-х годов у исследователей не вызывает сомнения то, что базовым механизмом формирования политической идентичности является первичная, вторичная политическая социализация и ресоциализация. С другой стороны, периодически возникает вопрос если не о конкурирующих концепциях, то о дополнительных, объясняющих трансформацию политической идентичности уже взрослых людей. Отметим также, что все чаще в литературе встречается точка зрения, ставящая знак равенства между механизмом формирования политической идентичности как естественным процессом и технологией. Основным механизмом формирования политической идентичности – политическая самоидентификация, процесс отнесения себя к той или иной политической группе, например, к сторонникам той или иной политической организации, системы политических взглядов или того или иного политического деятеля. Важный элемент – наличие позитивного образца. Однако в реальной политической жизни гораздо чаще ситуация складывается иначе – люди достаточно легко определяются с негативной моделью, но не имеют четкого представления о позитивных образцах.

В основе формирования политической идентичности лежит установление тождества индивида с определенными объектами, которые маркируются в его сознании как собственно политические или относящиеся к сфере политики. Одновременно фиксируется принадлежность к определенной группе, которая обладает некоторыми особенностями, связанными с ее идеологическими ценностями и политическим поведением (формируется образ «мы»). Базовый механизм – политическая социализация – включает три этапа: первичную, вторичную социализацию и ресоциализацию). Идентификация со значимыми людьми, основанная на копировании внешних черт и поведенческих стереотипов выбранного героя, – обязательный компонент первого и второго этапов политической социализации в возрасте 6–10 и 14–16 лет. При этом возникает вопрос о свободе выбора объекта для подражания.

Сторонники теории социализации как основного механизма формирования политической идентичности акцентируют множественность ее объектов (традиционно выделяют набор идеологи-

ческих ценностей, партии и политические персоны, но этот список может значительно видоизменяться и дополняться), а также моделей политической идентичности и усваиваемых индивидом социальных и политических ролей. Процесс социализации, который постоянно сопровождается самоидентификацией личности и выражает стремление личности к единству, связан с «обретением самости» и длится всю жизнь. Уже в возрасте 8–10 лет, в период первичной политической социализации, дети имеют вполне определенные устойчивые персонифицированные образы власти, ненаправленно формируемые родителями и целенаправленно – другими агентами политической социализации (СМИ, школой, государством и т.д.)

Реальные сложности установления политического тождества возникают у молодежи в период вторичной политической социализации, когда в сознании подростков проявляется и может стать доминирующей негативная модель идентичности, противоположная той, которую предлагают родители, государство, общество в целом. Подростки сталкиваются с опасной ситуацией чрезмерной идентификации с популярными личностями или носителями радикальных политических взглядов – левыми радикальными лидерами или откровенными националистами. «Молодые люди... могут вместить в себя столь глубокую идентичность лишь путем агрессии, а то и вспышек насилия...» [Эриксон, 1996, с. 34]. Они страдают от негативной идентичности, и осознание этого выливается в неприятие конформизма представителей старших поколений. Бунтарство молодежи – одно из наиболее очевидных проявлений негативной идентичности. Но бунтарями становятся не все, поскольку в любой исторический период есть «индивиды (“правильно” воспитанные), которые в процессе развития идентичности успешно приспосабливаются к господствующей технологии... Новаторы появляются только в явно выраженные переходные периоды: это те, которые слишком умны, чтобы оставаться приверженцами господствующей системы, слишком честны или раздраемы внутренними противоречиями... которые сострадают “бедным”, оставшимся за бортом» [там же, с. 40–41]. Негативная идентичность может проявляться через ощущение себя неким безликим существом (неизвестным, невидимым, беззвучным). Кризис идентичности может привести личность к саморазрушению. Патология иден-

тичности способна спровоцировать разрушение системы ценностей и маргинализацию целых социальных групп.

В подростковом и юношеском возрасте существует опасность «негативной конверсии» – состояния сознания людей, при котором «элементы прежде негативной идентичности становятся абсолютно господствующими, в то время как позитивные совершенно устраняются» [Эриксон, 1996, с. 326]. Классический пример – молодежь нацистской Германии с ее активной поддержкой национал-социализма и членством в гитлерюгенде. Это состояние может присутствовать у молодежи безотносительно их национальности, социального статуса или политических воззрений семьи, в которой они воспитывались; оно может исчезать по мере разрешения возрастного кризиса или подчинить себе всего человека.

Существенной латентной функцией политической идентичности выступает социальный контроль. Предлагая через систему средств массовой коммуникации и встраивая в процесс социализации контролируемый набор социально одобряемых (в данном случае элитой) моделей политической идентичности граждан, власть может вполне успешно осуществлять эту функцию, обеспечивая достаточно высокий уровень согласия среди населения путем затушевывания спорных проблем. При формировании политической идентичности может быть использован мобилизационный механизм идентичности на основе целенаправленного навязывания политических образцов в рамках реализации политики идентичности. Задача политики идентичности – навязывание людям определенных стереотипов мышления о себе самих, своей нации, стране, мире и т.д. [Брубейкер, 2012].

В качестве субъектов политики идентичности как механизма формирования политических установок людей и на их основании определенных моделей политической идентичности могут выступать любые социальные и политические акторы, как, например, различные меньшинства – этнические, гендерные и т.д., или политические и государственные институты власти. Государство остается значимым, обладающим существенными ресурсами и средствами контроля и манипуляции политическим актором в жизни как локальных сообществ, так и макрообщностей. Оно стремится монополизировать не только различные формы легально применяемого насилия, но и легитимную символическую власть, право име-

новать, идентифицировать, устанавливать, кто есть кто и что есть что [İnaç, Ünal, 2013].

Функциональное предназначение политики идентичности государства – формирование символического единства граждан страны с целью обеспечения долгосрочной политической мобилизации населения в поддержку существующего политического режима. Кроме того, она символически легитимирует существующую политическую систему, дает идеологическое обоснование политики социального партнерства, снижает риски проявлений классовой борьбы. Инструментами политики идентичности выступают государственный язык, образовательные программы, нормы приобретения гражданства, национальные символы, государственные праздники, обозначения топографических объектов и т.д. [Малинова, 2010, с. 91; National day's... 2009]. Используются и юридические инструменты, поддерживающие государственную политику идентичности и делящие людей на «своих» и «чужих», «нас» и «их», «друзей» и «врагов».

Классическое представление о механизме формирования идентичности базируется на представлении, что у человека формируется тождество не только с определенными социальными ролями, но и с общностями, например нацией, обществом в целом. Идентичность может основываться на личностном конструкте «Я – общество» (позиция индивида в системах «я – мы» и «мы – они») (Я. Рейковски, В. Брушлинский). Мир воспринимается как групповой, в котором происходит выделение похожих на «меня» и идентичных «мне», и внегрупповой, создающий дифференциацию «мы – они». Тип личной идентичности (большая дистанция «я – мы» и маленькая «мы – они») – деятельный вариант осознания социальных и политических проблем, или субъект-объектный тип личностного конструкта, которому свойственна субъективность личностной позиции, внутренняя убежденность в зависимости всего происходящего вокруг только от собственных желаний и способностей. Эти персоны ощущают себя активной стороной, именно они оценивают, принимают решения. В то же время эти люди осознают только те проблемы, которые соответствуют их социальному статусу, приняты для обсуждения определенным кругом лиц. Тип групповой идентичности (маленькая дистанция «я – мы» и большая «мы – они») сопоставим с созерцательным типом осознания, или объект-субъектным типом личностного конструкта. Эти

люди наряду с аргументированными, продуманными выводами и суждениями демонстрируют отсутствие собственной точки зрения, позицию «стороннего наблюдателя», практическую беспомощность, пассивность, отчужденность в реальной политической жизни. Тип дифференциальной идентичности (большая дистанция «я – мы» и «мы – они») сопоставим с проблематизирующим типом осознания, или субъект-субъектным типом личностного конструкта, свободным от стереотипов в мышлении и поведении, имеющим высокий уровень осмысления социальных проблем и личностной активности, связанной не только с потребностями личности, но и общества в целом. Четвертый тип – диффузная идентичность (маленькая дистанция «я – мы» и «мы – они») предполагает стереотипизированный тип сознания, или объект-объектный тип личностного конструкта. Наличие «запрограммированных» штампов вместо лично-стно значимых проблем, консервативность в общении, сложность межличностной коммуникации, неспособность быстро усваивать новые нормы взаимоотношений, отсутствие потребности быть принятым в группе – все это характеризует индивида с диффузной идентичностью [Попова, 2002, с. 25–27].

Один из существующих в общественных науках подходов предполагает, что первый этап формирования идентичности заключается в присоединении индивида к какой-либо группе или социальному институту, в процессе которого человек проецирует свои собственные характеристики на них, вследствие чего возникает ощущение единства с этим сообществом, а совместные действия с другими членами этого сообщества наполняются для человека смыслом. На втором этапе активизируются процессы деперсонализации, когда конкретные виды социальной идентичности доминируют над целостным ощущением Я, а человек приписывает себе характеристики «своей» группы. На третьем этапе по мере возрастания количества контактов с другими людьми индивид начинает осознавать свою принадлежность одновременно к нескольким группам, в его сознании актуализируются различные объекты политической идентичности, которые могут восприниматься им как обособленные, подчас противоречащие друг другу. На четвертом этапе формирования идентичности множественные, отличные друг от друга объекты идентификации воспринимаются уже как значимые для его Я.

Концепт референтных групп предлагает иное объяснение механизма формирования идентичности: в этом качестве может выступать чувство удовлетворенности от принадлежности к «своей» или желание вхождения в позитивную референтную группу на основании сравнения их положения и наличия особых ресурсов. Наглядный пример – голосование за «партию большинства». Важным элементом этого механизма является эмоционально-оценочный компонент с акцентированием различий между группами. Поскольку для индивида исключительно важно признание со стороны значимых «других», ощущение групповой защиты, солидарности, стабильности, поддержание самоуважения, то в области политики фактическое или символическое присоединение к какой-либо группе, которая имеет существенные политические ресурсы, дает человеку не только возможность реализации каких-либо своих интересов, но и обеспечивает ощущение защищенности, в том числе за счет ожидаемой позитивной оценки со стороны «своих». Процесс формирования идентичности с какой-либо политической группой или институтом предполагает, что человек в доступных ему понятиях объясняет самому себе взаимосвязи и отношения между политическими акторами и оказывается в состоянии оценить наличие у них тех или иных ресурсов, которые он гипотетически может использовать в своих целях. Сторонники концепта референтных групп допускают ситуацию низкой способности людей к осознанию подлинных причин идентификации с политическими объектами; в этом случае на первый план выходят эмоциональные, спонтанные, а подчас и иррациональные мотивы действий. Соотнесение себя с какими-либо периферийными, мало-влиятельными общностями, связанное с ощущением собственной социальной и политической несостоятельности, как и формирование негативной модели политической идентичности, может сыграть роль мобилизационного фактора в реализации протестной политической активности.

В кризисной политической ситуации возможно формирование политической идентичности людей с весьма умеренной степенью политической ангажированности в малом круге непосредственных социальных контактов или с высокими показателями способности к политической мобилизации с абстрактными большими социальными группами и политическими акторами, с которыми у человека реального взаимодействия в повседневной жизни

может и не быть. В первом случае идентичность формируется в ходе непосредственного взаимодействия индивида с другими людьми на политические темы, во втором – опосредованно по каналам массмедиа.

В рамках некоторых методологических направлений формируется особое представление о механизмах формирования политической идентичности. Так, например, в рамках символического интеракционизма акцент делается на процессах политического взаимодействия, причем реакция людей «не вызывается непосредственно действиями другого, а основывается на значении, которое они придают подобным действиям» [Блумер, 1984, с. 173]. Предполагается существование нескольких уровней, связанных с процессом идентификации. На первом уровне происходит идентификация Я с предметной средой (Я есть...). Второй уровень предполагает самообозначение Я посредством противопоставления себя и себе подобных иным (другим, чужим, врагам и т.д.). Третий уровень предполагает выстраивание образа мира в соответствии с персональной перспективой и потребностью быть представленным в этом мире, утвердиться в нем. На четвертом уровне человек оказывается способным соотнести эту созданную им реальность с личным практическим опытом и вносить в собственные политические представления определенные изменения.

В рамках постструктурализма рассматривается механизм трансформации ситуационной идентичности в базисную. Ситуационная политическая идентичность непосредственно связана с актуальной политической практикой, для ее изменения достаточно профессионально навязанных извне с помощью манипулятивных методов «правильных» схем анализа ситуации и «правильного» же политического решения. Надситуационная политическая идентичность связана со всем политическим опытом человека. Она фиксирует «значимость» для индивида определенных политических отношений. Ситуационные политические идентичности являются исходным материалом для выстраивания надличностной политической идентичности человека, они должны быть осмыслены и приняты им, распространены на все похожие ситуации. Формирование надситуационной политической идентичности в процессе политической социализации предполагает «вписывание» политических ролей в габитус агента поля политики. Формирование базисной политической идентичности происходит посредством раз-

решения кризисных состояний сознания личности. Надситуационная политическая идентичность диктует личности нормы и правила политического действия, схемы восприятия, мышления, оценки, способы политической коммуникации, постановки и разрешения проблем. По версии постструктуралистов, формирование надситуационной идентичности проходит четыре этапа: а) возникновение эмпатии к персонифицированной позиции в поле политики; б) становление ситуационной политической идентичности на основе эмпатии; в) осознание ситуационной политической идентичности и формирование надситуационной идентичности; г) принятие личностью осознанной устойчивой идентичности в качестве личностной политической идентичности [Качанов, 1994, с. 118]. Формирование базисной идентичности на основе ситуационной в условиях трансформации общества может приобретать кризисный характер.

С точки зрения сторонников постмодернизма и методологии конструктивизма (Б. Андерсен, П. Бергер, Н. Лукман), поскольку у человека в современном мире существует якобы почти неограниченная свобода выбора модели идентичности (человек является тем, что он сам из себя формирует), но при этом нет и не может быть навсегда заданного набора черт, склонностей и образа Я, то ключевыми механизмами формирования идентичности являются воля и постоянная саморефлексия индивида [From group identity... 2013]. Цель идентификации – достижение аутентичности себя самого посредством дифференциации истинного и ложного Я, эмоционального преодоления прошлого и осмысленного прогнозирования своего образа в будущем. Поскольку Я, в том числе и политическое, есть непрерывный проект саморефлексии, то механизм формирования политической идентичности в этой конструктивистской версии предполагает способность человека к четкому обозначению своего места в политическом пространстве, рациональную мотивацию политических действий и выстраивание четкой траектории развития личности, т.е. контроль над временем. Поскольку, согласно конструктивистскому подходу, человек может быть свободен в своем выборе, практически независим от общества, референтной группы, своего социального слоя и малого круга общения, то единственным критерием правильности выбранных индивидом ценностей, установок, способов действия в

сфере политики, его идентичности является убежденность в своей правоте.

Существующие в настоящее время теории, объясняющие механизм формирования политической идентичности, в том числе и многообразия ее моделей, базируются на различных методологических основаниях. Помимо классической теории политической социализации, объясняющей механизм формирования идентичности в детском и подростковом обществе, все остальные концепции концентрируются на объяснении схем смены модели политической идентичности в сознании людей; при этом ни одна из концепций не дает объяснения причин этого многообразия.

Список литературы

- Блумер Г. Общество как символическая интеракция // Современная зарубежная социальная психология. – М.: Изд-во МГУ, 1984. – С. 173–179.
- Брубейкер Р. Этничность без групп. – М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2012. – 408 с.
- Гориков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России: Социологический портрет. – М.: ЦСПиМ, 2010. – 592 с.
- Гориков М.К., Шереги Ф.Э. Современная молодежь: Тенденции социализации // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. – М., 2009. – № 6 (94). – С. 5–36.
- Идентичность: Личность, общество, политика: Энциклопедическое издание / Отв. ред. И.С. Семененко; ИМЭМО РАН. – М.: Весь мир, 2017. – 992 с.
- Качанов Ю. Опыты о поле политики. – М.: Институт экспериментальной социологии, 1994. – 159 с.
- Малинова О.Ю. Символическая политика и конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России // Полис: Политические исследования. – М., 2010. – № 2. – С. 90–105.
- Попова О.В. Матрица государственной идентичности в эпоху постправды // Время больших перемен: Политика и политики: Материалы Всероссийской научной конференции РАПН с международным участием, Москва, РУДН, 24–25 ноября 2017 г. / Под ред. О.В. Гаман-Голутвиной, Л.В. Сморгунуова, Л.Н. Тимофеевой. – М.: РУДН, 2017 а. – С. 291–292.
- Попова О.В. Механизмы формирования политической идентичности // Политическое пространство и социальное время. 1917–2017: Смыслы и ценности прошедшего столетия: Сборник научных трудов XXXII Харакского форума 17–21 мая 2017 г., г. Ялта / Под ред. Т.А. Сенюшкиной, А.В. Баранова. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2017 б. – С. 176–182.
- Попова О.В. Политическая идентификация в условиях трансформации общества. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2002. – 257 с.

- Попова О.В.* Политическая идентичность молодежи Санкт-Петербурга (по итогам эмпирического политического исследования, ноябрь 2013 г.) // Вестник СПбГУ. Сер. 6. – СПб., 2015. – № 1. – С. 4–13.
- Поцелуев С.П.* Символические средства политической идентичности. К анализу постсоветских случаев // Трансформация идентификационных структур в современной России. – М.: Московский общественный научный фонд, 2001. – 220 с.
- Эриксон Э.* Идентичность: Юность и кризис / Общ. ред. и предисл. А.В. Толстых. – М.: Прогресс, 1996. – 344 с.
- Hall S.* Introduction. Who Needs «Identity»? // Questions of cultural identity / Ed. by S. Hall, P. Du Gay. – L.: Sage, 1996. – P. 1–17.
- From group identity to political cohesion and commitment / L. Huddy, D.O. Sears, J. Levy (eds) // Department of Politics. – N.Y.: Oxford univ. press, 2013. – P. 1–71. – Mode of access: http://www.surrey.ac.uk/politics/research/researchareasofstaff/isppsummeracademy/instructors%20/Huddy_GroupIdentity_Handbook_2013%20%282%29.pdf (Accessed: 10.11.2017.)
- İnaç H., Ünal F.* The construction of national identity in modern times: Theoretical perspective // International journal of humanities and social science. – N.Y., 2013. – Vol. 3, N 11, June. – P. 223–232.
- National days: Constructing and mobilizing national identity / Ed. by D. McCrone, G. McPherson. – N.Y.: Palgrave MacMillan, 2009. – 288 p.

А.А. Белькова*

«СЕМЕЙСКИЙ КЛАН» В ПОСТСОВЕТСКОЙ БУРЯТИИ: ПРИВАТИЗАЦИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ В ПОЛИТИКЕ¹

Аннотация. В данной статье исследуется язык описания бурятской политики, сформированный в публичном пространстве. Согласно ему, политики классифицированы по группам – кланам, а наиболее часто упоминаемый семейский клан описывается как один из самых сильных. Проблема существования клановой системы исследуется с помощью концепции неопатримониализма, которая позволяет изучить, действительно ли рациональное государство существует наряду с патримониальными отношениями, и являются ли кланы кланами.

Ключевые слова: неопатримониализм; кланы; политическое представительство; семейские.

A.A. Bel'kova

«Semeiskii (familialistic) clan» in post-soviet Buryatia: Privatization of identity in politics

Abstract. This article explores the Buryat policy description language generated in the public space. It classifies politicians into groups – clans, and the most frequently mentioned clan «semeiskie» is described as one of the strongest. The problem of the clan system existence is explored through the neo-patrimonialism theory. It allows us to examine whether a rational state really exists along with patrimonial relations, and whether these groups really are clans.

Keywords: neopatrimonialism; clans; political representation; semeiskie.

***Белькова Анастасия Анатольевна**, кандидат политических наук, старший научный сотрудник Центра изучения политических трансформаций Бурятского государственного университета, e-mail: afan-project@mail.ru

Bel'kova Anastasia, Centre of Political Transformations Studies, Buryat State University, e-mail: afan-project@mail.ru

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ. «Русский мир в современной Внутренней Азии: политика и идентичность», проект № 15-33-01000.

Семейские – это устоявшееся название для локальной группы русского населения, проживающей в Бурятии. Этот термин получил широкое распространение в работах отечественных и зарубежных антропологов и этнографов начиная с конца XIX в. [Талько-Грынцевич, 1898; Болонев, 1985], а также в повседневном языке. Семейские – это потомки старообрядцев, переселившихся на территорию Бурятии в XVIII в. Другие характеристики этой группы на современном этапе, даваемые в различных публикациях, зачастую противоречат друг другу, однако факт ее существования практически никем не оспаривается. Те, кто описывают политическую ситуацию в регионе, часто апеллируют к тому, что с политической точки зрения у семейских есть право представительства в органах власти в регионе, где они проживают. В современной Бурятии в публичном пространстве выстраивается четкая взаимосвязь между местными политиками и различными группами местного населения, которые они представляют. Подчеркивается, что политик не просто выражает интересы какой-либо группы, а является ее членом и разделяет ее ценности. Из этого следует, что должность, которую он в данный момент занимает, легитимизирована местным сообществом.

Данная статья – это результат анализа языка описания политики, согласно которому политическое пространство региона делится на патримониальные группы и сферы их влияния. В контексте данного исследования большое значение имеет то, как через идею обеспечения представительства тех или иных групп [Mill, 1861] происходит легитимизация системы политических отношений, продолжительности нахождения элит у власти. Большое значение приобретает знаково-символическая система, маркирующая принадлежность той или иной группы политиков к связываемой с ней группе электората. В результате политическая борьба смещается на уровень публичного дискурса. Принципиальное значение приобретает то, каким образом на дискурсивном уровне определяются границы между политическими группами, различия «Свой – Чужой». Изучению именно этих процессов посвящена данная статья.

В публичном пространстве Республики Бурятия с каждым годом увеличивается частота упоминаний так называемого «семейского клана», т.е. политиков, представляющих семейских как группу местного населения. Внимание к ним гораздо более пристальное, чем к другим «кланам». Кроме того, большинство авто-

ров едины в описании общих характеристик этой группы, а значит, она может быть изучена. При этом коллективная идентичность семейских на публичном уровне сейчас продолжает активно осмысляться.

Для анализа сложившихся взаимоотношений в поле политики и их номинаций наиболее удачной видится теория патрон-клиентских отношений и понятие неопатримониализма, на которые и будет опираться данное исследование: как на классические работы Ш. Эйзенштадта [Eisenstadt, 1973], так и на более современные работы, в том числе Г. Эрдмана и У. Энгеля [Erdmann, Engel, 2006; 2007]. В политической науке понятие неопатримониализма стало применяться гораздо шире, хотя у этой модели есть и свои ограничения. В нашем случае она позволяет рассмотреть под новым углом изучаемые отношения и их влияние на политическую ситуацию в регионе.

Существует большое количество этнографических работ, описывающих семейских как единую, отличную от других группу, но в разрезе политики они обычно не рассматриваются. Небольшое количество научных исследований изучает столкновение семейских и государства в 1930-е годы, концентрируясь на репрессиях. Современные работы в этой области максимум касаются ценности и уникальности культуры семейских для туристических государственных проектов. Кроме того, немало внимания уделяется проблемам языка семейских, составлению словарей и политизированной лингвистики. Автор данной статьи рассматривала конструирование семейских в регионе как политической группы, однако там речь шла о семейских как об объекте государственной политики по управлению межнациональными и межконфессиональными отношениями в регионе [Белькова, 2017]. Большинство других исследований, затрагивающих местные этногруппы в контексте политики, вообще не берут в расчет проблему формирования этнических групп и смыслов, в них вкладываемых, а анализируют так называемую этническую политику, т.е. государственные проекты и формальные нормы, в отношении реальных, четко сформированных групп, идентифицирующих себя таковыми. В 2005 г. С. Панарин в своей работе упоминал о принадлежности политических элит Бурятии к этническим группам, но не заострял на этом внимание, скорее исследуя возможности межэтнической напряженности в регионе, кроме того, выделяя только две этнические

группы [Панарин, 2005]. В итоге целесообразно провести аналогию с исследованиями других регионов России, особенно Кавказа, где властные отношения изучались через групповые идентичности. В работе Н. Шахназарян и Р. Шахназарян [Шахназарян, Шахназарян, 2010] для анализа Кавказского региона используется модель неопатримониализма, однако властные взаимоотношения там рассматриваются в контексте теневой экономики и с точки зрения социологии. Таким образом, проблема публичной приватизации групповой идентичности политиками в России мало изучена, а во Внутренней Азии вообще не ставилась.

Поскольку цель работы – изучение приписываемых политической ситуации смыслов, транслируемых на публичном уровне, то само исследование базируется на мониторинге всей открытой информации по теме. Во-первых, анализу будут подвергнуты материалы местных СМИ: наиболее рейтинговых газет с публикациями на тему региональной политики, местных телеканалов, радиостанций с аналитическими передачами на тему политики. Здесь нужно сказать, что в Бурятии, по сравнению с другими регионами России, хорошо развита индустрия СМИ, что позволяет тщательно изучить интересующую нас проблему. Во-вторых, будут рассмотрены публикации в социальных сетях и блогах. Влияние социальных сетей на политику все больше увеличивается, поэтому их нельзя игнорировать. Кроме того, мы исходим из тезиса, что открытый доступ к информации предполагает намерение автора сделать ее публичной, что включает все открытые публикации в социальных сетях в перечень материалов для исследования. В-третьих, во внимание будут приняты комментарии к статьям, размещенным в Интернете. С одной стороны, это самый ненадежный источник в силу анонимности авторов и распространенности троллинга, особенно к публикациям на политические темы. С другой стороны, большинство пользователей практически не владеют навыками выделения фейковой информации и троллинга, поэтому воспринимают их серьезно, сейчас этой проблеме посвящены многие исследования [Evaluating information... 2016]. Из этого следует, что даже информация, упоминаемая в комментариях, может оказать серьезное влияние на формируемые смыслы, поэтому ее нельзя не учитывать. В итоге комментарии все-таки будут рассматриваться, но только те, что стали значимыми, т.е. если информация, изложенная в них, повторялась СМИ, закрепляясь таким образом в

публичном пространстве. Хронологические рамки предполагают поиск первых упоминаний о «семейском клане» и его эквивалентах для выбора точки отсчета анализа. Эмпирическим путем установлен период с начала 2000-х годов по настоящее время.

Что такое «семейский клан»?

Для понимания «семейского клана» в политике в первую очередь необходимо проанализировать, как в публичном пространстве семейские формируются как группа, сплоченная внутри и отличная от других. Выстраивание границ «Свой – Чужой» интересно в первую очередь сформированной практикой журналистов, блогеров и тех, кого они определяют экспертами, делить политиков Бурятии на четко очерченные замкнутые группы, противостоящие друг другу. Их обычно называют кланами, причем без привязки к устоявшемуся в мировой науке понятию клана, описывающему неформальные организации, базирующиеся на родственных и фиктивных родственных связях [Collins, 2004, p. 224]. В Бурятии термин «клан» постепенно приобрел значение политической группы интересов, а их описание, т.е. внутреннее строение, объединяющие характеристики, преподносятся без привязки к понятию клана, а скорее, как региональные особенности этих групп.

При этом сама концепция «клановости» концептуализировалась разными журналистами, и подобные публикации становились наиболее рейтинговыми. Данная тенденция наблюдается в 2010-х годах, более ранние упоминания не предлагали стройных теорий о кланах и борьбе между ними по поводу распределения власти. Новые тексты, описывающие кланы и клановость как неотъемлемую характеристику политического поля Бурятии, стали не просто популярны по своим просмотрам и количеству комментариев, но также неоднократно перепечатывались другими газетами, журналами, становились новостью на местных телеканалах и в социальных сетях на страницах медийных личностей, т.е. местных журналистов, ведущих, тех, кто имеет публичный статус экспертов, некоторых политиков и известных радикалов, имеющих крайне националистические, сепаратистские и тому подобные взгляды, обладающих большой аудиторией из подписчиков в социальных

сетях и время от времени дающих интервью в местных СМИ. Число кланов в таких публикациях непостоянно: в изученных нарративах от четырех до десяти. И во всех нарративах присутствует семейский клан, а семейские сознательно выделяются в группу, составляющую такой клан. Все авторы, даже конфликтующие и спорящие друг с другом, согласны в том, что семейские как политическая группа существуют.

Постепенно конструирование семейского клана перешло от пути хаотичных публикаций с упоминаниями семейских политиков и краткими отсылками к тому, кто они такие, к большим текстам, в которых авторы пытаются выделить однозначные характеристики описываемой группы, ее границы. Создаваемая модель тяготеет одновременно и к этнической и к территориальной привязке. В итоге получается некая карта республики, разделенная на территории этих кланов. Такие карты присутствуют в ряде публикаций (см. рис.).

Рис.

**Пример опубликованной карты с привязкой кланов
к определенным территориям
[Кому принадлежит Бурятия, 2017].**

При этом первичными видятся не кланы, а этнические группы, проживающие на этих территориях, а их уже презентуют кланы. Таким образом формируется понятная аудитории модель политического представительства. Формирование кланов представляет собой эксплицитный процесс, протекающий на уровне публичных суждений, на который сами политики практически не оказывают влияния. Всех, кто не вписывается в эту систему, пренебрежительно именуют «варягами», т.е. неместными, не представляющими интересы местного населения, а значит, чуждыми и опасным для республики. Эта идея используется, когда необходим язык описания, объясняющий в публичном пространстве недостатки конкретных политиков и вред для региона от их действий. Существует несколько прецедентов, самый громкий – использование образа «варяга» при смещении с поста бывшего главы республики.

Семейские политики в этом плане выступают как некая группа, представляющая интересы реального местного населения. Эта позиция дает им право на борьбу за власть и за ресурсы, ведь они борются не только и не столько для себя, а для и от имени группы населения. В связи с этим возникает вопрос и о ее размерах. Доля семейского населения в регионе постепенно стала политическим ресурсом, легитимизирующим не только существование семейского клана, но и силу его влияния. Еще в начале 2000-х годов СМИ сообщали лишь о необычности и уникальности ситуаций, когда жители региона определяли себя как семейские в формальных ситуациях. Например, после переписи 2002 г. активно обсуждался вопрос о том, что некоторые жители Бурятии сообщили переписчикам свою национальность как семейские (см., например: [Сюрпризы... 2002]), и это рассматривалось как нечто, выходящее за пределы нормы. При этом в официальных данных таких сведений нет: государство определило семейских в категорию «русские»¹. Позднее местные исследования по заказу органов власти пытались описать и посчитать количество семейских, но они то становились самостоятельной этнической группой, то религиозной и приравнивались к старообрядцам. Из-за этого цифры разнились [Вопросы, 2010; Религиозные организации, 2011]. Но как политический ресурс эти данные начали использоваться уже в

¹ Наряду с затундренными крестьянами, индигирищиками, каменщиками и пр. [Национальный состав... 2002].

2010-е годы, когда крупные политики сами определяли долю семейских в населении Бурятии, общаясь со СМИ: 20% [Старообрядцы, 2015], 27 [Бурятия становится, 2005], 30% [Алексей Цыденов, 2017]. Причем эти цифры разительно отличаются от данных, приводимых в текстах 1990-х, 2000-х и даже начала 2010-х годов. Это говорит о том, что первичны действия политиков, а не цифры. То есть не реальные размеры представляемой группы определяют политику, а политические события и позиция, занимаемая семейским кланом, влияет на то, какая доля проживающих в регионе семейских называется на публике. И это напрямую сказывается на степени легитимности властных притязаний семейского клана.

Какие границы у политической группы семейских? Здесь тоже обратная ситуация. Большинство публикаций напрямую называют ее членов, и это первично, а вот выстраивание общих «теоретических» границ, единых общих признаков для их авторов вторично, так как выводится из конкретных имен и поиска того, что их объединяет.

Список имен нестатичен, в целом большинство из них варьируется от публикации к публикации. Единственный, кого всегда определяют семейским, – сейчас уже бывший глава администрации президента Республики Бурятия, который во всех нарративах описывается главой семейского клана. Прочие члены зависят от конкретной политической ситуации, в контексте которой вышла публикация. В любом случае это всегда те, кто занимает важный с политической точки зрения пост: председатель комитета законодательного органа власти республики и заместитель его председателя, заведующий отделом законодательного органа власти столицы республики, глава крупнейшего промышленного предприятия, бывший глава республики, министр экономики, глава партии «Единая Россия» по Бурятии, генеральный директор телерадиовещательной компании, глава избиркома, депутаты. Принадлежность к семейскому клану у большинства из них обосновывается в различных заметках, описывающих их происхождение, детство в «семейской части Бурятии», иногда акцентируется внимание на старообрядчестве и вопросах веры. Последнее – один из способов легитимизировать включенность в семейский клан, если это невозможно сделать через статичные характеристики: место рождения, происхождение семьи. Однако сама по себе вера не дает права

стать семейским в политике. В такой ситуации политики подтверждают свой статус члена семейского клана, подчеркивая в публичном пространстве религиозную принадлежность.

Иногда в список семейских попадают спорные фигуры, в других публикациях причисляемые к иным группировкам, чаще всего к «варягам», так как других небурятских групп или хотя бы этнически нейтральных политических групп вообще не выделяют. Здесь начинает работать четкая закономерность: выявление связи с семейским кланом, прежде всего в лице главы клана, получение статуса «своего человека» автоматически приписывает принадлежность к группе. В устоявшейся логике ты не можешь сотрудничать с семейским политиком, вести с ним общие проекты, если ты сам не принадлежишь к этой группе. Складывается ситуация, когда политика описывается и понимается через концептуальную пару Я / Другой [Нойманн, 2004]. Даже главу республики, назначенного в свое время политика из другого региона страны, могут приписать к семейским, если так проще и удобнее описать ситуацию [Наговицына, 2014].

К базовым групповым признакам, отграничивающим семейский клан от всех остальных, обычно относят крайнюю степень корпоративизма и внутренней сплоченности. Эта мысль повторяется в различных публикациях и выводится из исторического прошлого: они «подвергались гонениям» [Этнополитический пасьянс, 2010], «самобытная группа», «развивалась обособленно» [Кому принадлежит Бурятия, 2017], «сохранили архаичность сознания, когда человеку симпатизируют в первую очередь по кровнородственному признаку» [Политические кланы, 2016], «выделяются менталитетом и склонностью к клановости» [Забытые страницы истории, 2014]. Высокий уровень сплоченности накладывается на представление о жесткой внутренней иерархии и высоком уровне власти у главы клана.

Успешность политиков описываемой нами группы также обычно выводится из их «семейскости»: «представители <...> всегда отличались <...> отменной деловой хваткой. В дореволюционное время они контролировали множество фабрик и торговых контор. <...> Но самых крупных вершин, недоступных им в царское время, они достигли во властных структурах (в современной Бурятии. – Прим. А. Б.). <...> По этому можно судить о степени влияния

семейских в политике и в экономике республики» [Бурятия становится... 2005].

В итоге можно констатировать, что «семейский клан» – это лишь инструмент описания, который используют в самых разных ситуациях. Его отличает гибкость: границы этой группы меняются, и важнее здесь не разнообразие авторов, использующих этот термин, а конкретные политические ситуации, к которым он приспосабливается этими авторами. Люди, которых определяют членами этого клана, постоянно меняются, потому что первостепенное значение имеют должности, которые они занимают. Политика, утратившего статусную позицию, больше не будут описывать как часть клана. Это возможно только в редких ситуациях, когда важен будет лишь прошлый статус, который сливается с личностью. Современные интервью с бывшим президентом Бурятии и обсуждение его семейской идентичности посвящены лишь обсуждению его прошлого, потому что он идентифицируется как президент. Его современное положение в клане, уровень власти, влияние на политику не описываются, в публичном пространстве он идентифицируется только как экс-президент. Это придает клану статус, являясь подтверждением его влияния в прошлом.

Гибкость термина «семейский клан» и свидетельство его неустойчивости лучше всего иллюстрируется взаимодействиями понятий «русский», «семейский». Все изученные публикации поразному понимают их соотношение: то они не пересекаются, то семейские становятся частью русских. Использование той или другой концепции зависит от степени удобства для описания конкретных политических событий. Единственная объединяющая нарративы идея (неважно, разводят ли авторы понятия русский и семейский) – понимание семейских как «местных русских». В публичном пространстве они видятся настолько укорененными, что этим легко обосновываются претензии на власть политиков, включаемых в семейский клан. Многие тексты затрагивают сюжеты отсутствия «русских» у власти, т.е. некоего «русского клана», при этом всегда подчеркивается, что это нормальная ситуация: «русские» ленивы и аполитичны, а «семейские» более укорененные, а их присутствие в политике благодаря их хватке полезнее для республики.

Формируются идентичности, противопоставленные друг другу, и даже нет необходимости рассматривать эти коллективы

как реальные единицы. Созданные образы начинают влиять на конкретные политические решения, а у политиков не остается выбора, кроме как существовать в этом вообразаемом мире неопатримониальных отношений.

Влияет ли «семейский клан» на политику?

Кроме того, что большинство авторов, публично описывающих бурятскую политику, солидарны, что семейские в ней присутствуют именно как клан, они также активно рассматривают и анализируют стратегии этого клана, действия его членов (именно с точки зрения семейской идентичности). И все эти публикации объединяет тенденция приписывания семейскому клану наибольшего влияния. Он представляется как политическая группа, обладающая высоким уровнем власти, приобретенной «серыми» способами, контролирующая большую часть политических процессов в регионе.

Ярче всего это выражается в подчеркивании влияния главы клана, который получил статус «серого кардинала», универсальный для всех публикаций. Несомненно, это отражение реальных событий в политике – назначение его в свое время главой администрации президента Республики Бурятия. Традиционно эта должность предполагает руководство внутренней политикой республики. Именно после этого события в СМИ появляются упоминания о «сером кардинале». Причем большинство публикаций вообще о политике в регионе, хотя бы косвенно, но делали отсылки к могуществу главы семейского клана. Некоторые были специально посвящены «серому кардиналу», особенно после его увольнения в 2017 г. Они подробно рассматривали роль семейского клана в региональной политике в лице его главы. Власть, приписываемая ему в публичном пространстве, была настолько большой, что потеря им должности рассматривалась как самое громкое политическое событие за долгое время, а появившийся в 2017 г. популярный телеграмм-канал, анонимно обсуждающий политику и политические сплетни в регионе, назвали семейской горницей, поставив на заставку его фотографию. «Главное лицо региональной политики», «заправляющий избирательным процессом из закулисья», «кукловод бурятской политики» – все эти эпитеты из публи-

каций, наряду с постоянным подчеркиванием статуса лидера семейского клана, задают тон любому упоминанию о шагах, предпринимаемых собственно самим семейским кланом. Хотя напрямую его внутренняя иерархия не обсуждается, создается образ, согласно которому его глава предстает всесильным политиком, безоговорочно диктующим собственные условия членам группы, а его «падение» (т.е. увольнение) рассматривается как поражение всего клана.

Однако этот нарратив расходится с теорией неопатримонизма, согласно которой неопатримониальные практики институционализированы, т.е. существует как сама норма, так и санкция. В этой модели неофициальная практика функционирует как глубоко продуманная логика действий, которая не может быть легко устранена или изменена одним актором. Патрон не может изменить эту модель по своему усмотрению, поскольку другие участники полагаются на нее и ожидают неопатримониального обмена [von Soest, 2010, p. 5]. Несмотря на постоянные отсылки авторов публикаций к клановости, земляческому, родственному, этническому принципам объединения в политические группировки, практике покровительства и продвижения своих: «семейские назначают семейских» [Контрэлита Бурятии, 2016], – фактически акцент на всемогуществе патрона и абсолютной подчиненности клиентов, по крайней мере в публичном дискурсе, разрушает эту неопатримониальную модель описания бурятской политики.

В публикациях члены клана пассивны: их выдвинут, их поддержат, их отстранят. Человеком, принимающим решения, видится только глава клана. С другой стороны, любые назначения тех, кого идентифицируют семейскими, интерпретируются как усиление позиций клана. В итоге это и приводит к формированию образа всесильного лидера: он не патрон для членов клана, они скорее его продолжение, его способ занимать одновременно несколько ключевых постов, оказывать влияние на других политиков и политические процессы. Неудивительно, что в сложившейся ситуации сформировалась модель, описывающая всесильного теневого политика, позиция и деятельность которого сливаются с политической группировкой в целом. Наделение его такими чертами и потребность закрепить их в публичном пространстве вылились в публичный скандал 2013–2014 гг., когда в Интернете был создан сайт от имени главы семейского клана. Прежде чем его закрыли, было опубликовано пять больших постов, обстоятельно описы-

вающих принципы существования семейского клана, его деятельность, взаимоотношения его членов с другими политиками, прежде всего с главой Бурятии, а также мнение автора и семейских вообще по спорным вопросам вроде национализма, социальных проблем и пр. Текст был написан таким образом, что легко идентифицировался с главой семейского клана, хотя сам он официально заявил, что не имеет к нему никакого отношения. Сайт в конечном счете закрыли, но свою функцию по закреплению в публичном пространстве образа реально существующего «серого кардинала» бурятской политики, возглавляющего семейский клан, он выполнил. Это была одна из самых рейтинговых политических новостей Бурятии 2010-х годов, ее постоянно перепечатывали, постили в социальных сетях, обсуждали в новых статьях и передачах.

Еще одна базовая характеристика клановой системы – все обсуждения действий клана, в первую очередь его главы, касаются лишь назначений на высшие государственные должности в регионе. То есть вся политика в этом описании сводится к борьбе за места, борьбе за ресурсы, которые, как предполагается, идут с ними в комплекте. Изученные публикации объединяет идея того, что семейский клан говорит от лица семейского населения республики, но на деле ни в одной из них не обсуждается ни одного политического решения, принимаемой законодательной нормы и т.п., выгодных для семейского населения вообще, которые семейские политики бы лоббировали. Все дискуссии касаются только борьбы членов семейского клана с другими кланами (к которым относят других политиков) за решения, выгодные для них самих. Авторы публикаций не интересуют то, какие преимущества на самом деле дает та или иная должность. Никто не исследовал официальные выгоды в виде размера заработной платы, льгот и т.п., неформальные – в виде уровня влияния на принятие политических решений, статуса, воздействия на перспективы карьеры и т.п. Под каждым руководящим постом государственной службы подразумевается огромное количество преимуществ, которые даже не имеет смысла обсуждать. Однако размер расходов на получение этих должностей, т.е. расходов на борьбу кланов между собой, иногда обсуждают. Но даже называя в таких случаях цифры, авторы не стремятся их как-то обосновать, для них достаточно дать ссылку на слухи.

В такой ситуации усиливается приписывание негативных черт семейскому клану, поскольку сведение политики к борьбе за

должности исключает пользу для общества в самом существовании такой группы. На осеннем фестивале дружбы народов в столице Бурятии в 2017 г. глава семейского клана, называемый таким в публичном пространстве, долго демонстрировал интерес к палатке с семейскими сувенирами и кухней, в то время как государственный телеканал снимал об этом сюжет, а после дал ему интервью, где рассуждал о важности семейской культуры для республики, укорененности этой группы населения и о положительных свойствах семейского характера. На самом деле в общем контексте публикаций это выглядело лишь попыткой подтвердить легитимность своего положения.

Воображение категории «семейский клан» в публичном пространстве привело к отсутствию необходимости его четкой привязки к реальной группе и ее действиям. Это не отрицает возможность существования реальной политической группировки семейских, но для авторов публикаций больший интерес представляет проектирование семейского клана, а не анализ реального явления. В итоге, когда речь идет о действиях семейского клана, его отношениях с другими, его обсуждения в публичном пространстве тяготеют к моделированию этих действий, а не к анализу уже совершенных шагов. Все они появляются в преддверии перестановок в органах власти, выборов и новых назначений. В них обсуждаются будущие действия семейского клана и его главы, возможные провалы или победы. По большому счету не имеет значения, сбудутся ли эти прогнозы. Когда предполагаемые назначения происходят, прошлые тексты уже не обсуждают. Это дает возможность формулировать взаимоотношения Я – Другой с точки зрения враждебности, сохранения и расширения своих границ без привязки к реальному положению дел. Сквозная тема всех публикаций – обладание семейским кланом мощными политическими ресурсами, из чего делается вывод, что он агрессивно их отстаивает и будет стремиться только расширить границы своего влияния, т.е. отбирать ресурсы у других.

В итоге в публичном пространстве Бурятии семейский клан стал группой, постоянно наделяемой негативными чертами, и самый распространенный способ делать это – наделять ими того, кого объявили лидером группы. «Он выполняет деструктивную функцию в политике национальной республики. Возможно, это происходит из-за недостатка политической культуры и чрезмерно-

го желания “рулить” всем самому. Или же это продуманный ход коварного “серого кардинала”, решившего подставить своего шефа так сильно, чтобы у него не было шансов оправиться от полученного удара» [Носков, 2015]. А уже после этого выводится четкая связь между конкретным политиком и группой других политиков, патроном которых он объявляется. Перенос этих негативных черт на всех них дает санкцию под видом политического анализа негативно характеризовать группу в целом, поскольку враждебный образ уже сформирован. «Они (семейские. – Прим. А. Б.) в лице <...> руководителя администрации главы Бурятии обрели реальную политическую силу. Но они слабы интеллектуально и не обладают более широкими возможностями вне региона – они локально-действующие» [Мархаев, 2015].

* * *

На первый взгляд, описание бурятской политики в публичном пространстве происходит в рамках концепции неопатримониализма. Выделяются патроны, которые используют свои государственные должности и власть, которую они им дают, для укрепления лояльности своих клиентов. Выстроенная модель позволяет им оставаться у власти, а неопатримониальный обмен создает устойчивые группы, которые принято называть кланами. Это сформировавшийся язык описания политики, который поддерживается разными авторами, и понятен целевой аудитории.

Одним из основных кланов, называемых в рамках данной модели, является семейский клан. При этом что понятие семейского клана уже довольно устойчиво, активно используется в огромном количестве нарративов, а число его упоминаний возрастает с каждым годом, границы его постоянно меняются. Не только разные авторы представляют каждый свое видение семейского клана, один и тот же автор может описывать его иначе в текстах разных дат публикаций. Определение семейского клана трансформируется в зависимости от политической ситуации, которую с его помощью объясняют. Это характерно в целом для языка клановой модели описания бурятской политики. При назначении нового главы республики в 2017 г. местные политики и журналисты сразу попытались вписать его в эту систему, несмотря на то что он не является

уроженцем Бурятии, и, на первый взгляд, не должен соответствовать установленным этой системой нормам. Однако их гибкость позволила объявлять его почти земляком разным политикам, что выводилось из близости их территориальной принадлежности к месту его рождения в соседнем регионе. И это условное понятие: в разных заявлениях его объявляли соседом для политиков, идентифицирующих себя с разными территориями, т.е. из разных кланов.

Описания семейского клана отсылают к необходимости презентации во власти семейского населения республики. Это легитимизирует властные притязания политиков, объявленных семейскими, а также занятие ими государственных должностей. При этом одновременно в публикациях присутствует другой, противоречащий этому нарратив о том, что семейский клан продвигает интересы только своих политиков. Более того, приоритет имеют интересы главы клана, а потребности остальных членов удовлетворяются лишь при совпадении с интересами их лидера. Семейский клан в такой манере описания существует лишь для удержания своей власти, его целью даже не является продвижение запросов семейского населения. Таким образом происходит легитимизация существования семейского клана и клановой системы в целом как формы представительной демократии на неформальном уровне и формулирование описания политического пространства через призму дихотомии Я – Другой. Соответственно, любые взаимоотношения семейского клана с внешней средой описываются через понятия конкуренции, вражды и агрессии.

Констатация обладания семейским кланом властью привела к созданию образа сильной, опасной группы влияния, занимающейся интригами, подковерными играми, угрожающей политикам, представляющим другие группы населения региона. Но идеи избавления республиканской политики от семейского клана в публикациях не возникает, поскольку сами семейские предстают укорененной группой населения, местными русскими, имеющими полное право делегировать своих представителей во власть. Каждая из групп населения в этой модели наделяется правом презентации во власти. А группируется это население не по родственному или территориальному признаку, а скорее по национальному признаку. Даже распределение должностей – главных ресурсов, за которые ведется политическая борьба, согласно сформированному дискурсу, должно происходить по национальному признаку. Быв-

ший президент республики при каждом общении со СМИ подробно объясняет принцип национального паритета во власти: если он себя определяет как русского, то должность главы законодательного органа республики в его понимании априори принадлежит буряту [Преемником Наговицына... 2016]. И все остальные высшие государственные должности, по его утверждению, должны распределяться по национальному признаку. При этом в одних интервью он выделяет семейских в отдельную группу, а в других номинирует их как русских. Эта модель назначений, требования журналистов сократить круг кандидатов на пост сенатора из-за того, что одна должность сенатора уже занята представителем одной национальности, подробное обсуждение «эффекта Шойгу» [Старт в будущее, 2015], обсуждение вновь назначенного главы Бурятии (т.е. его метисности), публичная дискуссия о национальности вновь назначенного главы района республики (соотносится ли она с национальностью большинства его жителей), а не о его профессионализме или опыте, – все это говорит о том, что за маской неопатримониализма, по крайней мере на уровне дискурса, процветает национализм. Однако это понятие табуировано, что приводит к появлению «кланов», «кровнородственных связей», «родоплеменному устройству», «феодальной эпохе» и других аналогичных терминов для описания политического пространства республики. Современные процессы в образе традиционализма – это лишь язык описания, понятный и доступный большинству.

Список литературы

- Алексей Цыденов: Из огня да в полымя // ТАСС. – 2017. – 14 августа. – Режим доступа: <http://tass.ru/opinions/region-officials/4473786> (Дата посещения: 23.12.2017.)
- Белькова А.А. Русский мир и политика разнообразия: Старообрядцы во Внутренней Азии // Политика и общество. – М., 2017. – № 1. – С. 60–67.
- Болонев Ф.Ф. Семейские. – Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1985. – 144 с.
- Бурятия становится одним из центров старообрядцев России // Infpol. – 2005. – 11 мая. – Режим доступа: <https://www.infpol.ru/news/society/79876-buryatiya-standovitsya-odnim-iz-tsentrov-starobryadtsev-rossii/> (Дата посещения: 23.12.2017.)
- Вопросы сохранения и развития толерантности, проблемы гражданской активности населения Республики Бурятия / Д.Ц. Будаева, З.Р. Мэрдыгеев, Н.Ц. Хантургаева, Л.М. Итигилова. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2010. – 140 с.

- Забутые страницы истории // Газета РБ. – 2014. – 26 ноября. – Режим доступа: <http://gazetarb.ru/columns/author-Tararuev/article-304946/> (Дата посещения: 23.12.2017.)
- Национальный состав и владение языками, гражданство // Всероссийская перепись населения 2002 г. – Режим доступа: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=17> (Дата посещения: 23.12.2017.)
- Кому принадлежит Бурятия. Часть 1 // Infpol. – 2017. – 14 апреля. – Режим доступа: <https://www.infpol.ru/news/society/125923-komu-prinadlezhit-buryatiya-chast-1/> (Дата посещения: 23.12.2017.)
- Контрэлита Бурятии – неизвестные идеологи или реваншисты, стремящиеся к власти? // ARD. – 2016. – 31 октября. – Режим доступа: <http://asiarussia.ru/news/14096/> (Дата посещения: 23.12.2017.)
- Мархаев оказался обычным нойончиком // ARD. – 2015. – 8 октября. – Режим доступа: <http://asiarussia.ru/blogs/9399/> (Дата посещения: 23.12.2017.)
- Наговицына в топе ЖЖ назвали «семейским» // ARD. – 2014. – 13 марта. – Режим доступа: <http://asiarussia.ru/news/2311/> (Дата посещения: 23.12.2017.)
- Нойманн И. Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей. – М.: Новое издательство, 2004. – 336 с.
- Носков пошел на дно // ARD. – 2015. – 19 ноября. – Режим доступа: <http://asiarussia.ru/blogs/9987/> (Дата посещения: 23.12.2017.)
- Панарин С. Этнополитическая ситуация в Республике Бурятия // Байкальская Сибирь: Из чего складывается стабильность. – М.; Иркутск: Наталис, 2005. – С. 95–137.
- Политические кланы Бурятии: «восточные», «западные», «семейские», «мухоршибирские» // Ulanmedia. – 2016. – 14 сентября. – Режим доступа: <http://ulanmedia.ru/news/531273/> (Дата посещения: 23.12.2017.)
- Преемником Наговицына должен быть бурят // ARD. – 2016. – 11 ноября. – Режим доступа: <http://asiarussia.ru/persons/14221/> (Дата посещения: 23.12.2017.)
- Религиозные организации Республики Бурятия: Словарь-справочник / С.В. Васильева, М.В. Барнакова, А.И. Жамбалова и др. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2011. – 211 с.
- Старообрядцы мира собрались в Корогоде // Новая Бурятия. – 2015. – 10 августа. – Режим доступа: https://newbur.ru/n/23155/?sphrase_id=1148 (Дата посещения: 23.12.2017.)
- Старт в будущее. Станет ли назначение Алексея Цыденова переходом в новую историческую эпоху для Бурятии // ARD. – 2015. – 13 февраля. – Режим доступа: <http://asiarussia.ru/articles/15193/> (Дата посещения: 23.12.2017.)
- Сюрпризы и рекорды переписи в Бурятии // Infpol. – 2002. – 30 октября. – Режим доступа: <https://www.infpol.ru/news/society/78787-syurprizy-i-rekordy-perepisi-v-buryatii/> (Дата посещения: 23.12.2017.)
- Талько-Грынцевич Ю.Д. К антропологии великороссов. Семейские (старообрядцы) забайкальские. – Томск: Паровая типо-лит. П.И. Макушина, 1898. – 52 с.
- Шахназарян Н., Шахназарян Р. «Уважить, умаслить, отблагодарить»: Дискурсы об альтернативной экономике, родстве и коррупции в кавказских сообществах // Laboratorium: Журнал социальных исследований. – СПб., 2010. – № 1. – С. 50–72.

- Этнополитический пасьянс // Infpol. – 2010. – 17 февраля. – Режим доступа: <http://www.infpol.ru/news/society/88217-etnopoliticheskiy-pasyans/> (Дата посещения: 23.12.2017.)
- Юмсунова Т.Б. Язык семейских – старообрядцев Забайкалья. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – 288 с.
- Collins K. The logic of clan politics: Evidence from the Central Asian trajectories // World politics. – Baltimore, 2004. – N 56 (2). – P. 224–261.
- Eisenstadt S.N. Traditional patrimonialism and modern neopatrimonialism. – L.; Beverly Hills, CA: Sage publications, 1973. – 95 p.
- Erdmann G., Engel U. Neopatrimonialism reconsidered: Critical review and elaboration of an elusive concept // Commonwealth and comparative politics. – L., 2007. – N 45 (1). – P. 95–119.
- Erdmann G., Engel U. Neopatrimonialism revisited: Beyond a catch-all concept. – Hamburg: German institute of global and area studies working papers, 2006. – N 16, February. – Mode of access: https://www.giga-hamburg.de/en/system/files/publications/wp16_erdmann-engel.pdf (Дата посещения: 23.12.2017.)
- Mill J.S. Considerations on representative government. – L.: Parker, Son, and Bourn, 1861. – 340 p.
- von Soest Ch. What neopatrimonialism is – six questions to the concept. – Hamburg: German institute of global and area studies working papers, 2010. – N 23, August. – Mode of access: https://www.researchgate.net/publication/242680401_What_Neopatrimonialism_Is_-_Six_Questions_to_the_Concept (Дата посещения: 23.12.2017.)
- Evaluating information: The cornerstone of civic online reasoning / S. Wineburg, S. McGrew, J. Breakstone, T. Ortega. – Stanford: Stanford Digital Repository, 2016. – Mode of access: <http://purl.stanford.edu/fv751yt5934> (Accessed: 23.12.2017.)

О.А. Мирясова*

ГРАЖДАНСКАЯ СУБЪЕКТНОСТЬ КАК ПРЕДПОСЫЛКА ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОЛЯ

Аннотация. В статье описан феномен гражданской субъектности, дан анализ условий ее возникновения и роли в формировании политического поля. Автор рассматривает значение формальных гражданских прав, эмпауэрмента и мобилизующих акторов для обеспечения субъектности индивида. В работе использован эмпирический материал (интервью, данные включенного наблюдения и лингвостатистического анализа текстов) для иллюстрации возможностей использования теоретических разработок «политического поля», «зоны власти», «протополитического поля» для изучения политических процессов в современной России.

Ключевые слова: актор; субъектность; политическое поле; институционализм; эмпауэрмент; мобилизация; гражданские права; гражданская активность; социальные движения.

О.А. Miryasova

Citizen's subjectness as a prerequisite for formation of political field

Abstract. The article describes the phenomenon of citizen's subjectness, an analysis of the conditions of its emergence and role in the formation of the political field. The author considers the importance of formal civil rights, empowerment and mobilizing actors to ensure the subjectivity of the individual. The empirical evidence (interviews, data of included observation and linguistic statistical analysis of texts)

* **Мирясова Ольга Александровна**, научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), e-mail: verdikt.o@gmail.com

Miryasova Olga, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), e-mail: verdikt.o@gmail.com

illustrates the possibilities of using theoretical ideas of the «political field», «power zone», «proto-political field» for studying political processes in contemporary Russia.

Keywords: actor; subjectivity; political field; institutionalism; empowerment; mobilization; civil rights; civic engagement; social movements.

Под политическим полем в этой статье мы будем понимать публичное пространство диалога и институционализированного конфликта по значимым проблемам в рамках наличного и альтернативных проектов общих целей и стратегических решений для общества¹. Одной из гипотез проекта «Конституирование поля политики в России: институциональный анализ» является отсутствие в России поля политики и существование прото-политического поля, возможности развития которого в полноценное поле ограничены «зоной власти». Под «зоной власти» мы имеем в виду «место» принятия стратегических решений по поводу власти, в котором не действуют универсальные для всех граждан нормы, а политическая конкуренция заменена администрированием. Описывая «зону власти», вместо понятия «актор» мы будем использовать понятие «функционер», поскольку действующие в «зоне власти» лица лишены субъектности – свободы целеполагания и действия. В протополитическом поле сосредоточена гражданская активность, которая на данный момент не приводит к появлению политического поля в силу доминирования «зоны власти» и существенных ограничений для политического волеизъявления граждан.

Отметим, что понятия «актор», «агент», «актер», «субъект» в гуманитарных науках иногда используют как синонимы, а иногда им придают разный смысл. Например, «агент» может означать проводника чьей-то воли, а «субъект», как правило, требует обязательного наличия объекта, на который он воздействует. «Актора» иногда понимают как индивида, исполняющего заданную обществом роль, т.е. как синоним слова «актер». В рамках деятельно-активистской методологии «агент» (понятие, происходящее от английского слова «agency» – «деятельность») как раз и является действующим субъектом. В этой статье под актором мы понимаем действующего индивида или сообщество, осознающих цели своей деятельности и последовательно их реализующих.

¹ См. подробнее статью С.В. Патрушева и Л.Е. Филипповой в этом номере.

Проблема обретения субъектности

В общественных науках XIX – первой половины XX в. преобладало отношение к людям, населяющим определенную территорию или оказавшимся в одно время в одном месте, как к «населению», «массе», «толпе», т.е. как объекту воздействия со стороны властных или политических акторов, не обладающему рациональным коллективным сознанием. Несмотря на то что такая точка зрения нередко встречается и сейчас, многие современные исследователи рассматривают объединения граждан как субъект, исследуя возможности для реализации ими своих целей (теории структуры политических возможностей, институциональной среды), изучают процесс формирования групповой идентичности, причины возникновения социальных движений, циклы существования и т.д. Французский социолог Ален Турен считает, что классическая социология придавала значение рационализации и модернизации, а во второй половине XX в. обратилась к исследованию свободы и субъекта. Разложение идеи общества привело к появлению идеи постоянного изменения и идее субъекта, творческая способность которого заменяет принцип единства общественной жизни, пишет Турен [Турен, 1998].

Дуглас Норт, который считается создателем теории институциональных изменений, отмечает, что граждане, в том числе их объединения, могут вести целенаправленную деятельность по изменению институтов – как формальных, так и неформальных. Отсутствие изменений означает, что либо никто из акторов не заинтересован в изменении правил игры, либо у заинтересованных недостаточно ресурсов. Вместе с тем изменения в практиках накапливаются спонтанно и в определенный момент достигают того уровня, когда они способны выразиться в заметных изменениях институтов. Институциональным изменениям свойственна постепенность, частичность и преемственность со старыми. Как правило, если изменения происходят быстро и имеют масштабный характер, это означает, что их проводником является государство или другой могущественный актор. Даже при существенных изменениях сохраняются определенные границы, за которые они не выходят. Институционализированный политический процесс определяет рамки, в которых возможна активность политических акторов. Это обеспечивает институциональную устойчивость об-

щества. Чем выше уровень, на котором акторы хотели бы «сло-мать» сложившиеся институты, тем больше им требуется ресурсов [North, 1990].

Светлана Климова исследует наличие у гражданских объединений той или иной формы субъектности на примере объединений наемных работников и профсоюзов. С. Климова отмечает, что важнейший признак субъекта в работах классиков – изменение условий жизни в соответствии с представлениями субъекта о должном. Далее автор разворачивает это понятие через набор характеристик, которые в совокупности составляют «профиль субъектности». К ним относятся: 1) осознание себя членами некоего сообщества, 2) способность устанавливать правила и заставлять окружающих если не следовать этим правилам, то, по крайней мере, учитывать их существование, 3) способность членов сообщества следовать продекларированным правилам. Климова делает еще ряд важных замечаний. Возможность субъекта конституировать правила и систематически взаимодействовать на их основании со своими контрагентами зависит от того, какими институциональными ресурсами располагает коллективный агент. Субъектность формируется в борьбе за признание и поддержание своего статуса, она динамична. Социальные субъекты различаются по тем основаниям, на которых субъектность строится в первую очередь. «Профиль субъектности» наемных работников в России зависит от сферы занятости, уровня квалификации, наличия установки на проявление солидарности и многих других факторов. Независимые профсоюзы способствуют формированию субъектности наемных работников, традиционные – скорее препятствуют ей [Климова, 2004].

Политолог Владимир Нечаев, опираясь на культурно-историческую теорию деятельности и идеи американского философа М. Вартофского, утверждает, что институциональные изменения возможны, если им предшествует появление альтернативных воображаемых миров. Чтобы институциональные изменения были поставлены на повестку дня, акторы должны осознать несовершенство институтов, а это, в свою очередь, возможно, только если в сознании субъекта присутствуют представления об альтернативах собственным действиям или альтернативном способе функционирования института. Вартофский ввел трехуровневую модель культурного опосредования. Первичные артефакты – это

инструменты, применяемые для достижения целей деятельности – орудия труда, знания, системы коммуникации, знаки языка. Вторичные артефакты – это первичные артефакты вместе со способами их использования – предписания, обычаи, нормы, инструкции и т.д. Третий уровень – автономные воображаемые миры (продукты художественного творчества, научные, политические и религиозные теории). Природа института, считает Нечаев, такова, что любое неконвенциональное поведение является нарушением правил и создает для «нарушителя» дополнительные издержки в виде санкций. Автономные воображаемые миры придают институту непрактический смысл, их распространение снижает издержки неконвенционального изменения, сеет сомнения в истинности существующих институтов. То есть, по мнению В. Нечаева, когнитивные революции предшествуют социальным [Нечаев, 2002].

Нам представляется, что условиями институциональных изменений являются: 1) возникновение проблемных ситуаций у значительного числа индивидов, которые не могут быть решены в рамках существующих институтов, и / или 2) формирование автономного воображаемого мира, который предоставляет обществу альтернативную модель института. В первом случае в группе индивидов неизбежно (если проблема достаточно остра) находятся лица с высокой степенью эмпауэрмента¹, который позволяет им стать акторами и начать предпринимать действия по изменению институтов. Во втором случае акторы появляются тогда, когда запрос на альтернативные модели института велик, а санкции за их обсуждение и продвижение, напротив, умеренные или отсутствуют. При этом запрос чаще всего порождается недовольством качеством работы действующего института, и условие № 1 предшествует условию № 2.

Например, недовольство российских граждан судебной системой порождает дискуссии о том, как она должна быть реформирована, каким образом можно искоренить коррупцию и влияние функционеров «зоны власти» на судебные решения. Соответствующие идеи и предложения появляются в программах и заявлениях различных политических сил, а также являются частью властной повестки, поскольку пока никто (или почти никто) не покушается на саму суть института, не ставит под сомнение пол-

¹ О феномене эмпауэрмента см.: [Айвазова, 2018].

номочия государства назначать арбитра для решения спорных вопросов. Но пока нет достаточно сильных и влиятельных акторов, готовых направить свои усилия на изменение института, поскольку существующий «формат» судебной системы и так позволяет сильным акторам в большинстве случаев решать свои задачи. Те акторы, которые находятся за пределами «зоны власти», как правило, тоже не предлагают альтернативной модели, но настаивают на устранении недостатков в работе судов или на определенных частичных реформах, которые могли бы снизить вероятность неправосудных решений.

Формальные права, эмпауэрмент и мобилизация как путь к обретению субъектности

Любой человек формально наделен гражданскими правами, которые он получает вместе со статусом гражданина определенной страны. Сила таких прав в том, что они учреждены и легитимированы государством и не могут быть «изъяты» у гражданина (по крайней мере, без серьезных политических потрясений, которые привели бы к изменению конституции). Слабость – в том, что без их признания и уважения всеми акторами и в отсутствие работающих механизмов реализации они остаются формальными. Фокус-группы с жителями Москвы и Нижнего Новгорода, не вовлеченными в общественную и политическую активность¹, показывают, что единственной политической процедурой, в которую граждане России в большинстве своем хотя бы как-то включены и которую они рассматривают как политическую, являются выборы. Само наличие права голосовать и существование выборов как института заставляет их размышлять о своей роли в политических процессах, их значении в собственной жизни, говорить о политике за рамками отстраненной позиции «это грязное дело, и оно меня не касается».

Вы считаете, что выборы на что-то влияют, и если влияют, то как? – Понимаете, я вполне себя ощущаю гражданином. Членом общества, который живет в некой субстанции. Общест-

¹ Проведены сотрудниками ОСПИ ИС РАН в рамках проекта «Массовая политика в России: Институциональные основания мобилизации, представительства, участия и действия» в сентябре-ноябре 2014 г.

венной субстанции. Коллективе. Вопрос, как устроен этот коллектив. Это уже другой вопрос. Но тем не менее мне хотелось бы, чтобы этот коллектив жил по неким правилам, которые гарантированы конституцией, законами, уставами городов и регионов; в государстве существуют суды, полиция и так далее, которым хотелось бы доверять. Знать, что в случае чего к тебе придет вовремя «скорая», полиция и т.д. Поэтому я иду. Есть правила, правила игры, я хочу эти правила соблюдать. Потому что (неразб.) один не сходит на выборы, другой посчитает «а чего мне ехать к больному, лучше я что-то другое поделаю», третий «а зачем нам ехать на вызов полиции, мы лучше пойдем кого-нибудь ошакалим на 500 рублей, пьяных, вместо того, чтобы преступников ловить». С этого все начинается, один раз не сходил на выборы, потом и Родину продал (Муж., 29 лет, высшее образование, фотограф-фрилансер).

Мне кажется, что нельзя ни в коем случае считать, что от меня ничего не зависит. Потому что, в конце концов, мне жить, как гражданину, как человеку. Я не могу допустить, чтобы за меня думал кто-то другой. Это очень неприятно, когда за меня что-то решают, думают. Я песчинка в этом огромном море, но в конце концов, я пошла... Я могу начинать с малого, я могу сходить на выборы... Один человек, второй, третий – таким образом набирается какое-то общество и выражает свое мнение. И дальше восстанавливаю обратную связь с людьми, которые находятся уже слишком далеко от меня. Это очень зависит от нас, от каждого человека. Не надо представлять, что нужно сделать что-то глобальное, нужно просто с малого начать, пока есть такие возможности (Жен., 24 года, высшее образование, аспирантка).

В моем представлении, человек идет голосовать, если он себе представляет выборный процесс. Идет голосовать в первую очередь для себя. В данном случае я ходил голосовать для себя. Потому что считал это в данной ситуации принципиальным. Может быть четыре года назад, восемь лет назад такого энтузиазма у меня не было. В данной ситуации поскольку были видны уже какие-то изменения в раскладах, соответственно, сложилась ситуация, при которой сформировалась гражданская позиция (Муж., 44 года, высшее образование, консультант).

В истории есть немало примеров, когда потребность в реализации активного избирательного права (с соблюдением принципа политической конкуренции и честного подсчета голосов) становилась причиной массовых выступлений граждан. В России протестная волна 2011–2012 гг. также была во многом связана с запросом на «честные выборы». Таким образом, расхождение между декларируемым наличием права и фактической возможностью для его реализации может способствовать обретению субъектности.

Вопрос о причинах и механизмах обретения гражданином эмпауэрмента – уверенности в праве иметь свое мнение, отстаивать свои права и интересы, ощущения «силы» (наличия возможностей) – один из самых сложных. Очевидно, что оказывают влияние и личностные характеристики индивида, например, самооценка, но это предмет изучения скорее социальной психологии. Результаты исследований социальных движений говорят о том, что существенное влияние на эмпауэрмент оказывают образованность и статус (например, престиж профессии, идентичность с общественно значимыми ролями – «многодетная мать»), ресурсы, которые находятся в распоряжении индивида (в том числе социальный капитал, компетентность в сфере публичной активности), опыт участия в решении социально значимых проблем (компетентность формируется в основном в процессе деятельности), острота возникшей проблемы или привлекательность автономного воображаемого мира. Определенную роль играет потребность людей в вере в возможность изменений, потребность в личном участии в значимых событиях и самореализации как утверждения своей личности в мире, которые носят экзистенциальный характер. Именно внерациональное измерение эмпауэрмента порождает политическое действие граждан при неблагоприятном политическом контексте, когда издержки такого поведения могут быть крайне велики. Репрессии в одних случаях уничтожают социальные и политические движения, в других – приводят к их росту, благодаря мобилизации сочувствующих в ряды активных участников.

Как показывают исследования гражданской активности, величина эмпауэрмента не является постоянной, она меняется в течение жизни индивида и зависит от множества обстоятельств. К ним относятся не только личностные качества индивида, но и обстоятельства его жизни на данный момент, оценка прошлого

активистского опыта, наличие или отсутствие поддержки ближайшего окружения (семьи, друзей, коллег) и многое другое.

Как вы считаете, почему многие граждане России, кроме выборов, не участвуют в политической жизни? – Потому что разочарованы. Участвовали, переживали, но конечных результатов от первоначальных надежд не было (Муж., 82 года, пенсионер, высшее образование, инженер, в общественно-политической деятельности не участвует)¹.

Если лично Вы не участвуете в политике, то почему? – Уже на это энергии никакой не хватает. От того, что я появлюсь где-то там с плакатиком, я знаю, что что-то изменится, теоретически знаю, но я уже не верю, не чувствую. Раньше было не так (Муж., 51 год, среднее образование, курьер, имеет активистский опыт в период 1988–2000 гг., в общественно-политической деятельности не участвует).

На Ваш взгляд, есть ли препятствия, ограничения для участия в политике? – Страх, мне кажется, что будут потом проблемы. И недостаток свободного времени. Ну и не каждый же может. Кто-то сам не готов полностью начать, а коллектива какого-то нет, к которому можно было присоединиться (Жен., 33 года, высшее образование, в декрете, имеет активистский опыт, продолжает заниматься проблемами своего поселка).

Честно говоря, я сама выросла в советское время, я сама как железная дорога, я воспитана в этой системе, для меня это первый случай, что мы сумели поставить не того, за кого была власть, а мы сумели поставить своего человека... Мы просто поняли, что мы что-то можем сделать, если мы будем вместе (Жен., 50 лет, высшее образование, учитель, участница кампании за сохранение директора школы на своем посту).

Если использовать 10-балльную шкалу и предположить, что значение эмпауэрмента колеблется в интервале от «1» до «10», то индивид с высоким эмпауэрментом (8–10) при возникновении актуальной для него проблемы с высокой вероятностью включится в

¹ Приведены цитаты из полуструктурированных неформализованных интервью с гражданами России, не вовлеченными в общественные и политические движения (проведены в рамках проекта «Конституирование поля политики в России: Институциональный анализ», грант РФФИ 17-03-00446 а, в июне–августе 2017 г.), и интервью с педагогами общеобразовательных школ (проведены в январе–мае 2015 г.).

ее решение и будет способен мобилизовать других. Индивид с эмпатизмом «5–7» подключится к решению проблемы с меньшей вероятностью, а также совсем не обязательно захочет и сможет заниматься мобилизацией и стать инициатором коллективных действий. Гражданин с низким эмпатизмом (3–4) вряд ли примет участие в коллективных действиях по собственной инициативе, но может быть мобилизован другими на отдельные действия. Индивиды, фактически лишённые эмпатизма (1–2), станут выражать поддержку группе, если побоятся остаться в одиночестве. Но в этом случае речь идет уже о коллективном поведении, а не о действиях, порожденных эмпатизмом и имеющих отношение к гражданскому самосознанию.

Идея введения шкалы для образного описания эмпатизма появилась в ходе изучения автором движения родителей московских дошкольников (преимущественно матерей) под условным названием «За качественное питание в детсадах». Движение возникло в январе 2012 г. в результате прихода новых поставщиков продуктов питания в детсады Москвы, выигравших тендеры московского правительства. За этим последовало появление некачественных продуктов и резкие изменения в меню. Родители объединились через форум «Материнство», который способствовал привлечению внимания своих посетителей к этой проблеме через размещение анонса новой темы форума на главной странице сайта. Сообщения в теме «Питание в детсадах» за период с 27.01.2012 г. по 12.12.2012 г. оставили 807 пользователей, количество сообщений (постов) – 34 134. Форум «Материнство» по состоянию на 2012 г. был одним из наиболее высокорейтинговых форумов в сети Интернет, ориентированным на матерей. Создание офлайн-сообществ участниками форума – редкое явление, даже отдельные встречи офлайн редки. Тема «Питание в детсадах» стала исключением. Основная активность движения пришлась на 2012 год, было проведено три уличных акции протеста, десятки встреч с сотрудниками Департамента образования Москвы, Мосгордумы, Общественной палаты РФ, надзорных организаций в сфере питания, написаны сотни обращений в органы власти. Форум оставался местом для обсуждений и координации движения на всем протяжении его существования. Для изучения движения автор использовала методы компьютерной лингвистики (при анализе высказы-

ваний на форуме) и включенное наблюдение [Мирясова, Кутузов, 2017].

Отметим, что проблема была воспринята как актуальная прежде всего теми родителями, дети которых были чувствительны к качеству питания (например, склонные к аллергии), либо придающими большое значение питанию как таковому. При этом подавляющее большинство обеспокоенных родителей либо только знакомились с информацией на форуме, либо оставили в теме от одного до нескольких десятков сообщений (активность пользователей распределилась по закону Ципфа) (рис. 1).

Количество постов у пользователей

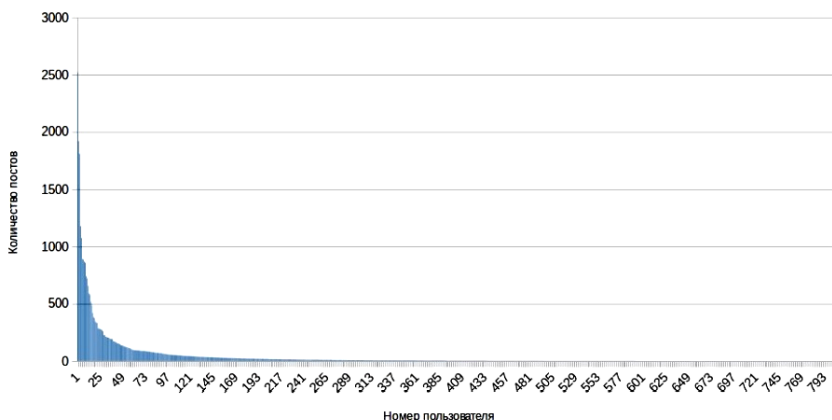

Рис. 1

Распределение активности по пользователям (по закону Ципфа)

Анализ изменения числа постов, оставленных разными пользователями, показывает, что в январе-феврале 2012 г. через общение на форуме сформировалась группа активных участниц движения (25 человек), которые занимались сбором и анализом информации, отвечали на сообщения новых посетителей и выступали с предложениями определенных действий. Часть из них (около 12 человек) регулярно участвовали во встречах офлайн. Но подавляющее большинство участниц оставались на форуме непродолжительное время, их сообщения касались преимущественно здоровья собственных детей и состава меню, а не проблемы в целом (это показы-

вает лингвостатистический анализ текстов постов посетителей темы «Питание в детсадах») (рис. 2).

Активистки

департамент, организация, заведующая, округ, организация, услуга, поставщик, продукт, родитель, меню, должный, школа, образование, родители, контракт, информация, блюдо, Конкорд, требование, письмо, санпин, ДОУ, образовательный, решение, руководитель, пикет, работа, дошкольный, договор, торги, сотрудник, обогащенный, комплексный, сырье, работник, Калина, окружной, комбинат, закон, штат, возраст, привозить, учреждения, документы.

Остальные

девочка, садик, аллергины, индивидуальный, дома, ребенок, дочка, аллергия, воспитатель, детки, кормить, каша, еда, пить, мамочка, группа, меню, напиток, шок, сын, неделя, вредный, отказываться, голодный, кушать, съедать, киви, собрание, манный, ГМО, муж, путаница, «Растишки», ДС, утро, пастила, организм, больничный, сахар, пятно, пельмени, «Темка», «Агуша», собрание, масло, знакомый, домой, котлета, мандарин, груша, дом, яблоко, химия, печь, высыпать

Рис. 2.

Ключевые слова активисток и остальных посетителей темы по результатам лингвостатистического анализа текстов сообщений на форуме «Материнство»

Уровень эмпауэрмента очевидно был достаточно высок у тех, кто оказался в группе активных участниц движения (7–10 баллов по предложенной выше шкале). Этот вывод был сделан на основе следующих соображений.

Данные включенного наблюдения говорят о том, что ни одна из активисток на момент возникновения движения не была сотрудницей каких-либо НКО, занимающихся проблемами детей, и не была активистской уже существовавших на тот момент неформальных родительских объединений. То есть активизация в движении «За качественное питание в детсадах» не была ни для кого из них рутинной формой поведения (и не была связана с профессиональной деятельностью), а значит, требовала высокого уровня эмпауэрмента. Возможно, у некоторых активисток форума был некоторый опыт публичной активности, но они к нему прямо не апеллировали.

Более того, в большинстве случаев активистки форума были одиночками или лидерами небольших групп в своих детсадах, которых остальные родители либо поддерживали умеренно (соглашались поставить подпись под обращением, принять участие в посещении кухни с целью проверки продуктов), либо не поддерживали совсем (например, не желая конфликтовать с руководством детского сада), поскольку качество питания было ценностью, разделяемой всеми в разной степени.

Остальные посетители темы «Питание в детсадах» либо обладали средним или низким уровнем эмпауэрмента, либо эта проблема не имела для них существенного значения. Включение в деятельность движения лиц с низким эмпауэрментом по принципу «коллективного поведения» (под давлением группы) было невозможно, поскольку участницы форума представляли собой «добровольное» объединение родителей (в отличие от «принудительного» объединения в случае родительского сообщества в одной группе детского сада или в одном детском саду).

В течение 2012 г. власти Москвы и поставщики постепенно вносили коррективы в меню и организацию поставок продуктов, но они отказались удовлетворить главное требование движения – вернуть традиционный способ организации питания, когда все блюда готовились на кухне детского сада из натуральных продуктов. В декабре 2012 г. количество сообщений в теме форума «Питание в детсадах» существенно сократилось. Пять из 25 активисток движения продолжали участвовать в обсуждениях в 2013–2016 гг., в основном отвечая на вопросы родителей, столкнувшихся с проблемами питания в детсаду впервые. Сложившаяся сеть горизонтальных взаимодействий и форум как место коммуникации стали основой для нового этапа протестной самоорганизации родителей дошкольников в 2016 г., когда власти Москвы директивно вернули в детсады ужины за счет сокращения объема продуктов, выделяемых на полдники. Но масштабы активности были существенно меньше по сравнению с 2012 г.

В исследованиях социальных движений нередко под мобилизацией понимают «мобилизацию ресурсов», но в данном случае мы говорим о мобилизации как вовлечении граждан в общественную или политическую активность. Если рассмотреть более детально механизмы мобилизации, мы можем выделить три «группы влияния», которые предпринимают усилия по мобилизации граж-

дан: 1) постоянные акторы протополитического поля (гражданские или политические «предприниматели»); 2) функционеры «зоны власти»; 3) граждане-акторы из ближайшего окружения индивида. Кроме того, изменения в условиях жизни или определенные события могут иметь мобилизующее значение для индивида сами по себе.

Политические «предприниматели» ставят своей целью продвижение «в массы» идею альтернативного политического проекта (в терминологии М. Вартофского – автономного воображаемого мира). Они могут быть как убежденными сторонниками этого проекта и стремиться к трансформации политического порядка, так и использовать его для приобретения значимых позиций в «зоне власти», а также менять свои цели в процессе борьбы за власть и оспаривания сложившегося статус-кво. Несмотря на общепризнанную аполитичность (и низкую компетентность в политических вопросах) российских граждан, в массовых опросах значительная часть из них отмечает приверженность той или иной системе взглядов. Очевидно, что за выбором определенной политической идентичности может стоять очень поверхностное представление о ее идеологической сути, тем не менее «иметь политические взгляды», интересоваться политикой, обсуждать политические темы не является маргинальным поведением в современной России¹. И, как известно из политической истории, нередко основным мобилизующим фактором участия значительных групп граждан в политической жизни становились не испытываемые лишения, а ценности и идеи. Деятельность политических «предпринимателей» способствует формированию политического поля, даже если они не получают поддержки в форме политического участия или политического действия граждан, поскольку политические дискуссии – это необходимое, хотя и недостаточное условие существования политического поля.

Функционеры «зоны власти» подходят к мобилизации граждан исключительно утилитарно, используя широкий набор средств (от подкупа до использования базовых потребностей людей в коммуникации, причастности к значимым событиям и т.д.). Цель функционеров – вовлечь граждан в политические мероприятия в роли пассивных статистов (или в роли участников, заведомо со-

¹ Согласно данным ВЦИОМ, в августе 2016 г. проявляли интерес к политике 67% граждан России [Пресс-выпуск... 2016].

гласных действовать в рамках готового сценария). Функционеры не обладают собственной волей, будучи своего рода функцией от задач «зоны власти». Побочным (и для них нежелательным) результатом их деятельности (в том числе, деятельности по формированию идеологических предпочтений) может быть возникновение субъектности у тех, кого они мобилизовали. В качестве примеров такого рода «издержек» можно привести появление «излишне активных» сторонников независимости Донбасса, которых стали опасаться власти после их возвращения из зоны боевых действий, или возникновение в результате кампании депутата Госдумы Натальи Поклонской против фильма «Матильда» организации «Христианское государство – Святая Русь», которая прибегла к поджогам и угрозам физической расправы. Для «зоны власти» субъектность граждан и их объединений в принципе явление нежелательное.

Граждане-акторы из ближайшего окружения индивида являются важной мобилизующей силой в современной России, поскольку степень доверия граждан высока только к узкому кругу родственников, друзей и коллег. В частности, исследования социологов о механизмах вовлечения в волонтерские движения говорят о том, что наличие среди родственников или знакомых гражданина волонтеров существенно повышает вероятность его участия в волонтерских акциях. Опросы социологов участников протестных акций 2011–2012 гг. показали, что многие из них пришли туда с друзьями.

Социальные движения как акторы протополитического поля

Как уже было сказано выше, одной из гипотез нашего исследования является отсутствие в России поля политики и существование протополитического поля, возможности развития которого в полноценное поле сдерживаются «зоной власти», а также рядом институциональных ограничений. Граждане в момент обретения субъектности «перемещаются» из «зоны власти» в протополитическое поле, которое не может быть названо в полной мере политическим в силу локального характера возникающих в нем политических явлений. При этом протополитическое поле посто-

янно ослабляет «зону власти», пробивает брешу в ее монополии на принятие решений и ставит под сомнение легитимность существующего порядка.

Примером возникновения локального протополитического поля может послужить ситуация в Сасовском районе Рязанской области в 2008–2009 гг. [Городские движения России, 2013]. В это время там действовало движение «За экологическую безопасность г. Сасово и Сасовского района», которому, несмотря на узость поставленных целей, удалось на время изменить традиционную конфигурацию политических сил и подорвать влияние «зоны власти». В 2008 г. местные жители добились проведения референдума о строительстве химического завода и приняли участие в предвыборной борьбе за пост главы Сасовского района. Поддержавший экологов кандидат победил на выборах. Несмотря на то что на референдуме 92% жителей проголосовали против размещения химического завода на территории района, его строительство продолжилось. Поэтому в районе началась массовая протестная мобилизация, которая продолжалась около года и завершилась переходом в стадию судебного противостояния.

Потенциальная экологическая проблема района для усиления эффекта была переведена местными активистами в экономическую плоскость (в ходе кампании была поднята тема экономического ущерба собственникам сельхозпредприятий и работникам этих предприятий из-за строительства завода). Экологи добились того, что в ходе предвыборной борьбы на выборах главы района конкурировали два проекта: промышленного и сельскохозяйственного развития. До этого власть в Сасовском районе функционировала по типичному кликовому принципу: отделения политических партий были встроены в административную систему, независимых общественных организаций или движений не существовало, победитель на выборах главы района был известен заранее. Возникшее «снизу» экологическое движение в 2007–2009 гг. вернуло к жизни политическую конкуренцию, стало на время политической силой локального уровня, получило поддержку населения, многих экономических акторов района и даже частично доступ к материальным ресурсам муниципальных организаций. Идентичность движения строилась на идее защиты «малой Родины» от «наступления чужаков», что было возможно благодаря регистрации собственников химического предприятия в другом регионе.

Институционализации политической конкуренции в Сасовском районе препятствовало давление, идущее с более высоких уровней власти, а также неполитический по сути характер движения. Активисты не ставили своей целью каких-либо системных изменений. Потребность в них они ощущали только через оценку своих возможностей влиять на принятие решений. Возмущение на локальном уровне не могло изменить конфигурацию всей системы, стремление областных властей восстановить статус-кво не позволило изменениям институционализироваться. Изначально выступавший под экологическими лозунгами новый глава района вынужден был отказаться от активной поддержки движения через год после выборов из-за озвученных ему угроз возбуждения уголовных дел за принятые решения в бытность заместителем главы.

Активисты экологического движения, приобретая опыт участия в общественной деятельности, сформировали запрос на институциональные изменения в структуре государственной власти: государство (надзорные инстанции, суды) должно выполнять функцию независимого эксперта и арбитра между населением и бизнесом. Фактически речь шла о приведении в соответствие реальности с нормативным смыслом институтов. Но этот запрос не мог быть удовлетворен в силу отсутствия заинтересованности в этом у государства и недостаточности ресурсов у экологического движения. Суды принимали решения в пользу собственников завода до тех пор, пока общественная кампания не изменила расстановку сил.

К случаю Сасовского экологического движения может быть применена идея Д. Норта о «тропе зависимости». Установление новых правил обычно более затратно, чем следование старым. Даже если новые институты потенциально могут быть существенно эффективнее старых, для их изменения требуются ресурсы, и если их недостаточно, то изменения не состоятся, т.е. сложившаяся институциональная среда препятствует изменениям. Институты часто создаются и продолжают работать в интересах тех, кто занимает позиции, позволяющие формировать правила [North, 1990, p. 16].

Институциональные изменения, вызванные деятельностью экологического движения в политическом пространстве Сасовского района, носили временный характер. Нарушенное институциональное равновесие, при котором принципы «зоны власти» являются доминирующими, а муниципальные власти лишены

субъектности и являются только частью административного аппарата региональных властей, было восстановлено в Сасовском районе в течение примерно двух лет.

Если посмотреть на процесс функционирования протополитического поля на микроуровне, через участие индивида в политике, может быть полезна метафора *мерцающего* протополитического поля, поскольку включение граждан и их объединений в политические события носит для большинства из них временный характер. Представим социум как множество граждан, расположенных на огромном поле (сгущения на нем определяются силой социальных связей); тогда можно сказать, что в отдельных местах социума время от времени «загорается» протополитическое поле, которое с течением времени «гаснет».

Например, индивиды могут оказаться в поле протополитики, поскольку те или иные события они начали интерпретировать как политические или сегмент реальности, в котором они находятся, приобрел политическое измерение в силу определенных событий. Так, многие жители Крыма оказались вовлечены в политические события весной 2014 г. не по собственной инициативе. Политический по сути выбор – обратиться ли за российским гражданством, остаться ли жить в Крыму – должен был сделать каждый.

Еще одна визуализация протополитического поля возможна через представление социума как набора регулярных (повседневных, рутинизированных) социальных и экономических отношений (взаимодействий), по которому проходят волны (возникают «пятна») отношений политических. При этом определенные сегменты этого поля остаются устойчиво политическими (благодаря деятельности политических предпринимателей) и пытаются подорвать монополию «зон власти», где доминируют административные отношения.

В рамках существующего в России политического порядка социальные движения нередко приобретают политическое измерение, поскольку они оспаривают право «зон власти» на абсолютное доминирование. В тот момент, когда конфликт с властью исчерпан (или, например, приобрел административный характер, т.е. активисты согласились перейти к его урегулированию в рамках существующей расстановки сил и перестали оспаривать властные полномочия), движение утрачивает политическую составляющую. При этом формально политические институты могут иметь поли-

тическое измерение или не иметь — в зависимости от их реального содержания. Негативный имидж «политики» в сознании граждан («грязное дело») приводит к тому, что активисты социальных движений, как правило, категорически отрицают свою политическую роль, тогда как власти нередко ставят ее им в вину с целью дискредитировать движение в глазах населения.

Функционеры «зоны власти» используют традиционные приемы легитимации существующего политического порядка (гражданская война и хаос как единственная альтернатива, стабильность как ценность, «страна в кольце врагов» и т. д.) и давно известные способы борьбы с оппонентами: от создания псевдополитических и псевдогражданских структур до ограничения свободы слова и репрессий. В «зоне власти» по определению невозможна реальная конкуренция политических проектов; кроме функционеров, обеспечивающих ее работу, в ней действуют только экономические акторы, для которых хорош тот порядок, который позволяет наиболее эффективно извлекать экономическую выгоду. «Зона власти» реагирует крайне враждебно на любые реальные политические инициативы, но предотвратить дискуссии и гражданскую активность в протополитическом поле она не может.

Политические предприниматели из среды оппозиции более изобретательны в способах делегитимации режима, к которым они прибегают. Собственно креативность, актуальность и привлекательность формы и содержания посылаемых «месседжей» — главные их ресурсы. Одним из наиболее успешных приемов является демонстрация разрыва между декларируемыми властью принципами функционирования системы (правовое и социальное государство) и реальностью (антикоррупционные проекты Навального являются одним из примеров). Не имея доступа к наиболее влиятельному СМИ — телевидению, политическая оппозиция активно использует Интернет и социальные сети. «Зона власти» реагирует на это усилением контроля за общением в Сети и криминализацией этой сферы [Доклад, 2018].

За локальными политическими инициативами и социальными движениями «одного требования» (актерами в протополитическом поле) стоят определенные представления об общем благе, что создает предпосылки для реальной политической борьбы. Общими требованиями акторов протополитического поля являются универсализация действующих норм и создание условий для участия гра-

ждан и их объединений в принятии решений, т.е. по сути деконструкция «зоны власти». При этом подавляющее большинство не ставит под сомнение базовые конституционные принципы организации общества (разделение властей, верховенство права, представительная демократия и т.д.). Наиболее сложным вопросом для активных граждан является способ перехода к желательному будущему. Одним из главных препятствий для демократических преобразований является политическая культура «неучастия» и отсутствие у российских граждан навыков согласования интересов и преобладание авторитарных подходов во внутригрупповом взаимодействии.

Список литературы

- Айвазова С.Г.* Эмпауэрмент // Тенденции и проблемы развития российской политической науки в мировом контексте: Традиция, рецепция и новация / Отв. ред. О.В. Гаман-Голутвина, С.В. Патрушев. – М.: Политическая энциклопедия, 2018. – С. 445–463.
- Пресс-выпуск № 3186: Политика – на повестке дня / ВЦИОМ.–2016. – Режим доступа: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115830> (Дата посещения: 3.02.2018.)
- Городские движения России в 2009–2012 годах: На пути к политическому / Под ред. К. Клеман. – М.: Новое литературное обозрение, 2013. – 544 с.
- Доклад международной правозащитной группы «Агора» «Свобода интернета 2017: Ползучая криминализация». – Режим доступа: https://meduza.io/static/0001/Agora_Internet_Freedom_2017_RU.pdf (Дата посещения: 5.02.2018.)
- Климова С.Г.* Профсоюзы как форма субъектности наемных работников // Россия реформирующаяся: Ежегодник – 2004 / Отв. ред. Л.М. Дробижева. – М.: Институт социологии РАН, 2004. – С. 273–290.
- Мирясова О.А., Кутузов А.Б.* Лингвостатистический анализ текстов активистского форума «Материнство» // XVIII Международная Апрельская научная конференция НИУ ВШЭ, Москва, 11–14 апреля 2017 г. – Режим доступа: https://events-files-bpm.hse.ru/files/_reports/EFA4D208-2D25-4634-AA71-145BD1BBC5D9/%D0%B4%D0%BE%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D0%B4%20%D0%92%D0%A8%D0%AD%20%D0%B0%D0%BF%D1%80%D0%B5%D0%BB%D1%8C%202017.docx (Дата посещения: 1.02.2018.)
- Нечаев В.Д.* Когнитивные революции и институциональные изменения // Полис: Политические исследования. – М., 2002. – № 5. – С. 6–19.
- Турен А.* Возвращение человека действующего. Очерк социологии. – М.: Научный мир, 1998. – 204 с.
- North D.* Institutions, institutional changes, and economic performance. – Cambridge: Cambridge univ. press, 1990. – 164 p.

КОНТЕКСТ: СУБНАЦИОНАЛЬНЫЕ АКТОРЫ, ИДЕОЛОГЕМЫ, ПРОТЕСТ И МЕДИА

З.Д. Шаймарданова, Ж.К. Макашев*

УСИЛЕНИЕ РОЛИ СУБНАЦИОНАЛЬНЫХ АКТОРОВ

Аннотация. Сегодня в международных отношениях активно участвует огромное количество субнациональных акторов. Внешняя политика этих акторов различна по своим целям, форматам и результативности. На примере Павлодарской и Омской областей показано развитие парадипломатии в соответствии с подписанными соглашениями, основой которых стали ратифицированная Казахстаном «Конвенция о приграничном сотрудничестве государств – участников Содружества Независимых Государств» и Федеральный закон РФ «Об основах приграничного сотрудничества». Отражена роль субнациональных акторов в разрешении конфликтов и имеющиеся противоречия в этом вопросе. Выделены факторы, влияющие на усиление роли субнациональных акторов.

Ключевые слова: парадипломатия; субнациональный актор; геополитическое мышление; трансграничная парадипломатия.

***Шаймарданова Зарема Джуандыковна**, доктор исторических наук, доцент кафедры международных отношений Казахского университета международных отношений и мировых языков им. Абылай хана, Алматы, e-mail: shaimardanova.z@ablaikhan.kz; **Макашев Жандос Каримович**, докторант по специальности «6 D020200 – Международные отношения» Казахского университета международных отношений и мировых языков им. Абылай хана, Алматы, e-mail: ohlert@rambler.ru

Shaimardanova Zarema, the Department of International Relations, Kazakh Ablai Khan University of International Relations and World Languages (Almaty, Kazakhstan), e-mail: shaimardanova.z@ablaikhan.kz; **Makashev Zhandos**, Kazakh Ablai Khan University of International Relations and World Languages (Almaty, Kazakhstan), e-mail: ohlert@rambler.ru

Z.D. Shaimardanova, Zh.K. Makashev
Strengthening of the subnational actors' role

Abstract. Today, a huge number of subnational actors are actively participating in international relations. The foreign policy of these actors is different in its objectives, formats and effectiveness. On the example of Pavlodar and Omsk regions development of paradiplomacy is shown in accordance with the signed agreements, the basis of which are the «Convention on cross-border cooperation of the states-participants of the Commonwealth of Independent States» ratified by Kazakhstan and the Federal Law of the Russian Federation «On Basic Principles of Cross-Border Cooperation». The role of subnational actors in conflict resolution and the existing contradictions in this issue are reflected. The factors influencing the strengthening of the role of subnational actors are identified.

Keywords: paradiplomacy; subnational actor; geopolitical thought; trans-border paradiplomacy.

Общие теоретико-методологические основы парадипломатии

Развитие мировых политических процессов и международных отношений следует по извилистому и противоречивому пути. Отношения Турция – Европейский союз, Турция – Россия, часто обсуждаемые в массмедиа вопросы ориентирования Турции на членство в ШОС свидетельствуют о неопределенности внешнеполитического курса этой страны. Стремление ряда государств к автономии и экономической независимости, пострадавшая от санкций против России экономика Европейского союза и повышение уровня безработицы европейского населения, снижение конкурентоспособности стран новой Восточной Европы и другие факторы говорят о том, что сегодня сложно предопределить исход или конкретный результат многих событий.

Негативные аспекты глобализации, растущее соперничество и неравенство между странами трансформировали международную среду и отношения между государствами. Однако дальнейшая эволюция глобализации и традиционные модели экономического развития по-прежнему актуальны. Разворачивание интеграционных процессов и новых экономических моделей, действия государств по обеспечению гарантии своего суверенитета подвергают сомнению теории международных отношений, содействуют продолжению споров между неореалистами и неолибералами, в осо-

бенности вокруг неолиберальной глобализации, получившей развитие в начале 1980-х годов.

Неореалисты продолжают утверждать, что государство выступает главной фигурой в политико-экономических, социально-культурных и научно-образовательных процессах [Waltz, 1979]. Неолибералы, в противовес реалистам, утверждают, что участниками международного процесса являются не только государства, а также такие международные институты, как транснациональные корпорации, международные террористические организации, индивиды и т.д. [Keohane, 1986].

В то же время несостоятельность центрального правительства перед лицом экономических и технологических потрясений, необходимости обеспечения социальных потребностей, благосостояния и безопасности населения в условиях политико-экономической нестабильности способствует тому, что местные власти в качестве субнациональных акторов, а также частные субъекты начинают играть более значимую роль в международном экономическом и социально-культурном развитии.

Углубление либерализации международных обменов и сотрудничества дает возможность регионам, субъектам Федерации, областям, городам расширять международные связи. Центральная власть предоставляет самостоятельность в решении отдельных вопросов международного сотрудничества субнациональным акторам в целях наибольшей эффективности и целесообразности. Субнациональные акторы осуществляют международное сотрудничество в рамках национальных законодательств.

Активная деятельность субнациональных акторов в научной литературе стала, как известно, называться парадипломатией. Один из первых теоретиков парадипломатии И. Духачек, профессор политологии университета Нью-Йорка, дал следующее определение: парадипломатия – это «международные (внешние, транснациональные, трансграничные) связи субнациональных (нецентральных, региональных, местных) органов власти» [Duchacek, 1984]. Заслуга И. Духачека заключается и в том, что он разработал наиболее полную типологию парадипломатии, выделив трансграничную региональную, трансрегиональную и глобальную парадипломатии.

По П. Солдатосу, парадипломатия – это аспект всемирной глобализации и регионализации, через который субгосударственные и

негосударственные субъекты играют все большую роль в мировой политике и развитии международных отношений [Soldatos, 1993].

В американском и западноевропейском мире разработано значительное количество теоретических и практических вопросов парадипломатии. Причем количество исследований заметно увеличивается. Это работы Р. Тавареса, М. Дюрана, Г. Бруйнинкса и других, посвященные субнациональным акторам как глобальным игрокам, динамике ретерриторизации и т.д. [Bruyninckx, 2012; Tavares, 2016; Duran, 2015].

В российской политической науке изучаются различные стороны парадипломатической деятельности субъектов федерации, например, в плане обеспечения региональной безопасности [Дахин, 2000; Ачкасова, 2002; Туровский, 2007; Яровой, 2014; Kuznetsov, 2015]. Для казахстанских исследователей данная тематика остается недостаточно разработанной. Она больше рассматривается в контексте транграничного сотрудничества [Байзакова, 2010; Жундубаев, 2014; Муханова, 2014; Гончарова, 2016]. Вместе с тем парадипломатия, и не только трансграничная, развивается между областями Республики Казахстан (РК), хотя она не является федеративным государством, и субъектами Российской Федерации. Стали появляться работы по парадипломатии [Шаймарданова, 2017].

Парадипломатия активно развивается в федеративных государствах или государствах с децентрализованной структурой, где субгосударственные акторы, имея право на осуществление международной деятельности, несут политическую ответственность. В статье мы придерживаемся точки зрения, согласно которой термины «регион», «субнациональный актор», «нецентральное правительство», «субъект федерации» являются синонимами. «Регион – это государственное сообщество, стоящее на ступень ниже уровня государства, которое в соответствии с конституционным правом государства называется кантоном, сообществом, землей, регионом, субъектом, республикой» [Альбина, 2005, с. 21].

Новое мировое конкурентно-прорывное экономическое развитие обусловило появление «нового регионализма», соотносимого, по нашему мнению, с термином «глокализация», означающим, по определению английского социолога Р. Робертсона, смешение глобальных и локальных тенденций, которые «...взаимодополняемы и взаимопроникают друг в друга, хотя в конкретных ситуациях могут прийти в столкновение» [Robertson,

Knondker, 1999]. Новый регионализм, реализуемый, как и парадипломатия, снизу, представляет, на наш взгляд, адаптацию к неравномерности мирового развития и востребованности локальных взаимодействий.

Вопросы парадипломатической деятельности субнациональных акторов в научном дискурсе оцениваются противоречиво.

Так, одни авторы дают положительные оценки парадипломатии [Шеховцева, 2005; Kuznetsov, 2015; Яковлева, 2013; Сидоров, 2013; Яровой, 2014]. Такая оценка подкрепляется точкой зрения французского политолога, советника президента Ф. Миттерана Ж. Аттали. По мнению Аттали, главная причина экономического кризиса кроется не в росте цен на энергию, а в неэффективности систем образования и здравоохранения, что ведет к уменьшению рентабельности экономики [Аттали, 2014]. В этом случае именно развитие парадипломатической деятельности станет инструментом увеличения рентабельности экономики.

Некоторые авторы акцентируют внимание на негативной и проблемной стороне парадипломатии. Для них парадипломатическое сотрудничество субнациональных акторов является источником дальнейшей дезинтеграции и суверенизации регионов или субъектов любого государства [Melvin, 1995]. Парадипломатическая деятельность представляется ими как несогласованная с центральными властями, хаотичная, неустойчивая и недальновидная, ведущая к появлению сепаратистских настроений и требований независимости от основного государства, т.е. протодипломатия [Lapidus, 1995; Nicholson, 1999]. Каталония, на протяжении ряда лет ведущая парадипломатическую деятельность, не скрывала стремления к независимости. Несмотря на проведенный референдум о выходе из состава Испании, Каталония так и не обрела независимость, она не была признана, хотя независимость Косова в свое время признали. Вместе с тем ЕС может рассмотреть вопрос вхождения Северной Ирландии в свой состав. Это обстоятельство объясняется тем, что Великобритания уже не является членом ЕС и, следовательно, не угрожает его целостности. Для других стран ЕС определяет свою тактику следующим образом: если будете выступать, лишим финансовой поддержки.

Выявляя причины и стратегии поведения регионов на международной арене в условиях глобализации, профессор региональных исследований Европейского университета во Флоренции

М. Китинг полагает, что регионализм представляет реакцию на интернационализацию и глобализацию, выраженные в укреплении микрорегионов и увеличении внешней мобильности населения [Keating, 2000]. Действительно, субнациональные акторы, разрабатывая стратегические планы, целенаправленно используют формат парадипломатии в целях обеспечения экономического развития и благосостояния своего населения, а также позиционирования региона в международном масштабе, действуя на основе национального законодательства.

Парадипломатия и обеспечение национальной безопасности

Профессор Университета Страны Басков Ное П. Корнаго исследует парадипломатию в сфере этнических конфликтов, где она играет одну из основных ролей для обеспечения безопасности и предупреждения национальных конфликтов [Cornago, 1999]. Эти вопросы стали актуальны после Второй мировой войны. На протяжении 1950-х годов усилилась полемика между сторонниками универсализма и регионализма. Первые отстаивали неделимость коллективной безопасности, за поддержание которой несла ответственность ООН. Они считали, что региональные организации не содействуют созданию глобальной системы коллективной безопасности, а региональные экономические союзы развиваются вне логики глобального развития, снижая его эффективность.

Статья 33 главы VI «Мирное разрешение споров» Устава ООН гласит:

«1. Стороны, участвующие в любом споре, продолжение которого могло бы угрожать поддержанию международного мира и безопасности, должны, прежде всего, стараться разрешить спор путем переговоров, обследования, посредничества, примирения, арбитража, судебного разбирательства, обращения к региональным органам или соглашениям или иными мирными средствами по своему выбору.

2. Совет Безопасности, когда он считает это необходимым, требует от сторон разрешения их спора при помощи таких средств» [Устав... 2001].

Мы видим, что в соответствии с Уставом ООН обращение к региональным организациям до обращения в Совбез является од-

ним из способов разрешения межгосударственных споров, смягчения конфликтов разной природы.

Статья 52 главы VIII «Региональные соглашения» Устава ООН определяет существование региональных соглашений для поддержания мира и безопасности:

«1. Настоящий Устав ни в коей мере не препятствует существованию региональных соглашений или органов для разрешения таких вопросов, относящихся к поддержанию международного мира и безопасности, которые являются подходящими для региональных действий, при условии, что такие соглашения или органы и их деятельность совместимы с Целями и Принципами Организации.

2. Члены Организации, заключившие такие соглашения или составляющие такие органы, должны приложить все свои усилия для достижения мирного разрешения местных споров при помощи таких региональных соглашений или таких региональных органов до передачи этих споров в Совет Безопасности.

3. Совет Безопасности должен поощрять развитие применения мирного разрешения местных споров при помощи таких региональных соглашений или таких региональных органов либо по инициативе заинтересованных государств, либо по своей собственной инициативе» [Устав... 2001].

Иной точки зрения придерживались сторонники регионализма, утверждая, что трансграничные регионы лучше понимают причины местных разногласий, а также лучше осознают социально-экономические потребности, вытекающие из историко-культурного прошлого. Это обстоятельство приводит к тому, что региональные организации более эффективно участвуют в разрешении региональных конфликтов, чем международные. Поэтому участникам трансграничной парадипломатии легче, быстрее и эффективнее обеспечивать национальную безопасность и предупреждать этнические, религиозные и другие конфликты.

Парадипломатическая деятельность субъектов России и областей Казахстана

Наиболее активно развивается трансграничная парадипломатия, обусловленная общностью границ и общим историческим прошлым. Политические, социально-экономические и культурные

связи Казахстана и России уходят глубоко в историю, что выражается, в том числе, в компактном проживании казахского этноса на территории Омской области и русских на всей территории Казахстана. Общность историко-культурных связей становится главным фактором развития и особенностью трансграничной парадипломатии РК и РФ. Определенный диссонанс в развитие парадипломатии может внести китайская инициатива «Экономический пояс Шелкового пути».

Протяженность границ Казахстана и России в 7512,8 км становится двигателем парадипломатической деятельности. Активное развитие трансграничной парадипломатии между областями Республики Казахстан и субъектами Российской Федерации по всей протяженности межгосударственной границы становится своеобразным экономическим ноу-хау. Проекты международного сотрудничества субнациональных подразделений существуют не изолированно, а являются неотъемлемой частью более широкой стратегии сотрудничества Казахстана и России, укрепляя и дополняя его.

Поскольку казахстанские и российские законы предусматривают участие региональных и местных правительств в международной деятельности, субнациональные субъекты положительно влияют на национальную дипломатию. Например, сотрудничество Омской и Павлодарской областей может способствовать на национальном уровне решению межгосударственных вопросов между Казахстаном и Россией.

Напомним, что 17 февраля 2010 г. Казахстан ратифицировал «Конвенцию о приграничном сотрудничестве государств – участников Содружества Независимых Государств», подписанную в Бишкеке 10 октября 2008 г. В России 26 июля 2017 г. Государственной думой был принят Федеральный закон от № 179-ФЗ «Об основах приграничного сотрудничества», одобренный Советом Федерации.

Эти важные документы стали основой для подписания разного рода двусторонних договоров, что ведет к развитию тесного сотрудничества между субнациональными акторами. Подписание в 2003 г. «Соглашения между Правительством Омской области Российской Федерации и Акиматом (мэрией) Павлодарской области Республики Казахстан об осуществлении международных и внешнеэкономических связей в торгово-экономической, научно-технической, экологической, культурной и иных областях» под-

тверждает развитие парадипломатических отношений. Динамику расширения такого сотрудничества можно проследить на примере Омской области как субъекта РФ: Договор о сотрудничестве между Ташкентской областью Республики Узбекистан и Омской областью Российской Федерации (12.04.1994), Соглашение между Администрацией Омской области Российской Федерации и администрацией города Алматы Республики Казахстан о сотрудничестве в торгово-экономической, научно-технической и культурной областях (07.10.1995), Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между Администрациями Семипалатинской области Республики Казахстан и Омской области Российской Федерации (05.01.1996), Соглашение между Самаркандской областью Республики Узбекистан и Омской областью Российской Федерации о торгово-экономическом сотрудничестве (22.08.1996), Соглашение между Правительством Омской области и Министерством национального развития и экономики Венгерской Республики о развитии экономического сотрудничества (27.05.2008), Соглашение между Правительством Омской области и Акиматом Костанайской области об осуществлении международных и внешнеэкономических связей в торгово-экономической, научно-технической, культурной и иных сферах (30.09.2014). Договоры субнациональных акторов могут заключаться на краткосрочную (один-три года) или долгосрочную перспективу. Договоры, заключенные между субнациональными акторами на краткосрочную перспективу, в случае высоких показателей пролонгируются как результат интенсивной деятельности. Если таковая отсутствует, договор расторгается.

Как мы отметили выше, традиционные модели экономического развития продолжают развиваться, но современные вызовы приводят к тому, что предпочтение отдается региональным торговым блокам и подписанию двусторонних, а не международных договоров. После распада СССР в январе 1993 г. в Омске было подписано «Соглашение о принципах экономического, научно-технического и культурного сотрудничества сопредельных областей (края, республики) Республики Казахстан и Российской Федерации». Оно стало основой для разработки и подписания в 2003 г. «Соглашения между Правительством Омской области Российской Федерации и Акиматом (мэрией) Павлодарской области Республики Казахстан об осуществлении международных и внешнеэкономических связей в торгово-экономической, научно-технической,

экологической, культурной и иных областях». Местные власти эффективней осуществляют деятельность и координацию внешних контактов, чем бюрократизированный центральный аппарат или крупные интеграционные объединения.

Реализация предложения И. Духачека – включать в состав правительственных делегаций представителей субнациональных акторов – позитивно влияет на развитие парадипломатии. На XIV Челябинском форуме в рамках российско-казахстанского межрегионального сотрудничества (8.11.2017) в правительственные делегации Казахстана и России, возглавляемые президентами Н.А. Назарбаевым и В.В. Путиным, были включены руководители областей и городов. Организованные в рамках форума торговые и промышленно-инвестиционные выставки содействовали развитию парадипломатии. Аким (мэр) Северо-Казахстанской области К. Аксакалов отметил, что «объем товарооборота области с РФ вырос за 8 месяцев 2017 г. на 31%, ежегодно растет количество совместных предприятий, за 5 лет – рост на 40%, выплачено в бюджет 40 млрд. тенге...» [Путин назвал... 2017]. На форуме был подписан «Меморандум о сотрудничестве между акиматом Актюбинской области и АО “Русская медная компания”» по реализации в области инвестиционных проектов. Выбор, который субнациональный актор в лице акимата Актюбинской области сделал для адаптации к экономическим и технологическим изменениям, приводит к расширению международного сотрудничества и принятию практических мер и действий по развитию парадипломатии. Прямые контакты между субъектами парадипломатии, имеющими общие экономические и социальные интересы, делают межгосударственную бюрократию излишней. Утвержденная на форуме «Программа межрегионального и приграничного сотрудничества между Правительством Республики Казахстан и Правительством Российской Федерации на 2018–2023 годы» продолжит практику парадипломатии.

Парадипломатическая деятельность представляется более упрощенной, скоростной, эффективной, чем большие региональные объединения. Показателен пример ЕврАзЭС. На эффективное функционирование ЕАЭС влияет ряд системных факторов, среди которых – проблема разного уровня налога на добавленную стоимость (НДС): в Казахстане он составляет 12%, в России – 18, в Белоруссии – 20%. Решение проблемы – унификация налога.

В рамках СНГ и ЕАЭС разработано около 3500 документов, регулирующих торгово-экономические отношения между странами-членами, но решить этот вопрос документы не могут, как и вопрос полученной прибыли. В случае субнациональных акторов прибыль, полученная от реализации их деятельности, может остаться у субнациональных акторов в максимально полном объеме.

Санкции Европейского союза в отношении России становятся дополнительным фактором развития трансграничной парадипломатии с Казахстаном. Другим фактором является разработка стратегических планов по внутренней политике государств. Задача развития конкурентоспособности Казахстана, поставленная Президентом РК Н.А. Назарбаевым в 2004 г., направлена на активизацию открытости и дальнейшей либерализации экономики, что дает казахстанским областям, а особенно трансграничным, еще больше оснований для активизации парадипломатической деятельности [Назарбаев, 2004]. Некоторые страны намеренно разрабатывают внутреннюю политику так, чтобы сделать свои регионы более конкурентоспособными и привлекательными для инвестиций. Это case-studies Восточной Азии с ее микрорегионами, ориентированными на иностранные рынки.

Особенность парадипломатической деятельности заключается в диверсификации ее направлений и разной степени их интенсивности. Активная деятельность субгосударственных акторов становится инструментом предупреждения развития национализма, этнических и религиозных конфликтов.

Ежегодно проводимые совместно со Всемирной ассоциацией казахов и Омским государственным университетом им. Ф.М. Достоевского конференции, например, международные научно-практические конференции «Казахи в евразийском пространстве: история, культура и социокультурные процессы» (2014), «Казахи Евразии и их вклад в укрепление межнационального согласия» (2016), с участием представителей нецентральных правительств вносят свой вклад в развитие парадипломатии в области общественно-гуманитарных наук.

В контексте идентификационной парадипломатии, по С. Пакену, за последние годы на территории Омской области появился ряд организаций [Raquin, 2004, p. 73]. Созданный в 1989 г. инициативной группой казахской молодежи в Омске Сибирский Центр Казахской Культуры «Мөлдір» (СЦКК) работает в направ-

лении возрождения, развития и популяризации казахской культуры и языка, воспитания национального самосознания и гражданского патриотизма. Последнее в условиях возрастания конфликтов на религиозной и этнической почве приобретает особое значение. Иван Бло, бывший генеральный инспектор Министерства внутренних дел Франции, отвечавший за антитеррористическую деятельность, автор книги «Исламский терроризм как революционная угроза», среди предложений по борьбе с терроризмом первым пунктом назвал восстановление «патриотического воспитания и изучения французской истории для всех без исключения граждан начиная со школьной скамьи» [Бло, 2016].

Под сенью Сибирского центра «Мөлдiр» развивается казахский народный фольклорно-этнографический ансамбль «Мөлдiр», хореографический ансамбль «Айгерiм», ансамбль старшего поколения «Ақ жаулық», казахская футбольная команда «Намыс», Центр детского творчества «Созвездие», детский домбровский ансамбль «Қарлығаштар», кружок «Казахский язык и культура». Инициатива Центра по организации и проведению двусторонних международных конференций, участие в общественной жизни города и области подтверждает его необходимость и приветствуется местным населением, независимо от этнической принадлежности.

Идентификационная парадипломатия получает развитие в лице общественных региональных организаций, таких как Омская региональная казахская общественная организация «Адилет», Омская региональная общественная организация «Возрождение казахских традиций “Путь Чокана”», Омская региональная общественная организация «Казахский национально-культурный центр», городская казахская национально-культурная автономия «Атамекен» («Отечество»). «Адилет» оказывает помощь казахской диаспоре в вопросах права, взаимодействуя со всеми органами власти, его активная деятельность органично вписывается в мероприятия, организуемые городской администрацией. Общественная организация «Атамекен» видит в объединении сил возможности для увеличения своего вклада в развитие города Омска.

Как видим, в последние годы количество казахских организаций в Омской области увеличилось. Динамика их развития дает основания сделать два вывода:

– роль и значение казахских организаций в регионе возрастают;

– создаваемые новые казахские общественные организации становятся инструментом снижения очагов религиозной и этнической напряженности.

По заказу Управления по делам молодежи акимата Павлодарской области в 2015 г. группой специалистов ОмГУ им. Ф.М. Достоевского было проведено исследование социальной напряженности среди молодежи в городах и районах Павлодарской области (Казахстан). Вывод исследователей: социальная напряженность среди молодежи в городах и районах Павлодарской области присутствует, поскольку молодежь представляет разные социальные группы, имеющие свои особые и разнонаправленные интересы [Ветренко, 2015].

Если исходить из тезиса, что одна из основных задач местных властей заключается в повышении благосостояния населения, то местные власти заинтересованы в реализации договорных обязательств. И не только в плане взаимного экономического сотрудничества, но и в сфере охраны окружающей среды и взаимопомощи в чрезвычайных ситуациях. Взаимодействие организаций осуществляется через гуманитарно-образовательное и культурное сотрудничество в целях упрочения взаимопонимания и дружбы субнациональных акторов.

Факторы, влияющие на усиление роли субнациональных акторов

Новое геополитическое мышление и растущая конкуренция за энергоресурсы заставляют центральные правительства разрабатывать новые стратегии экономического и социально-культурного развития, повышающие роль субнациональных акторов. На основе анализа международных политико-экономических и социально-культурных процессов, развития новых технологий производства, мы выделили факторы, влияющие на усиление роли субнациональных акторов.

1. Поиск новых источников экономического роста и производительности в целях обеспечения благополучия населения заставляет субнациональных акторов активизировать свои действия в развитии парадипломатии.

2. Государственная поддержка посредством обмена ресурсами, технологиями, опытом управления содействует, с одной стороны, более близкому сближению местного правительства и населения субъекта Федерации или области. С другой стороны, она содействует развитию более интенсивного сотрудничества между трансграничными регионами как субнациональными акторами.

3. В условиях быстро меняющегося мира и развития новых технологий производства национальные правительства менее способны, чем субнациональные акторы и транснациональные корпорации, удовлетворять некоторые потребности населения. Население в первую очередь обращается к местным органам власти, т.е. субнациональным структурам, по самым разным социально-экономическим и образовательно-культурным вопросам, включая вопросы обеспечения безопасности. В первом случае субнациональные акторы выступают как защитники национальных интересов на своем пространстве, например области или города. Их роль в управлении экономикой и гуманитарно-образовательным пространством будет возрастать. А транснациональные корпорации, например, Alibaba, действуют в своих собственных интересах ради получения прибыли, не забывая о населении.

4. На местном уровне происходит формирование нового поколения предпринимателей, которое характеризуется быстротой реагирования на новые тенденции, коммерческой смекалкой, стремительным принятием решений и наступательностью действий. Различные компании на пространстве субнационального актора в лице нового поколения предпринимателей расширяют свое влияние, благодаря эффективному маркетингу, растущему перечню продукции и услуг, разработке таргетных программ и проектов. Развивается взаимная заинтересованность в сотрудничестве субнациональных акторов и молодого поколения предпринимателей, так как их деятельность ориентирована на повышение благосостояния населения своих пространств или территорий.

5. Несмотря на растущую геополитическую напряженность, парадипломатическая деятельность может предотвратить войну, смягчить политическую нестабильность, увеличивающуюся одновременно с неудовлетворенностью населения там, где государства не смогли адаптироваться к изменениям. Кроме того, способность контролировать информацию и манипулировать ею стала ключевым фактором в мировых процессах и международных отношениях.

Субнациональным акторам легче и проще обеспечивать информационную безопасность.

6. Развитие терроризма, внутренней и внешней миграции населения может быть предупреждено или минимизировано благодаря активной деятельности субнациональных акторов, накопивших соответствующий управленческий опыт.

7. Субнациональные акторы, например, местные благотворительные организации, общественные объединения и т.д., проявляют больше инициативы, чем громоздкие центральные государственные структуры.

8. Появляются новые субъекты парадипломатии в лице ассоциаций органов парадипломатической деятельности, региональных профессионально ориентированных кластеров, общественных профессиональных объединений (экологических, транспортно-логистических и т.д.), агентств местного развития приграничной территории, неправительственных организаций и т.д., которые ищут пути содействия торговле, инвестициям, сотрудничеству и партнерству на международной арене и составляют значительную часть современных межгосударственных и трансграничных контактов.

9. Происходит институционализация парадипломатической деятельности в виде формирования, например, свободных экономических зон (СЭЗ) и технопарков. СЭЗ «Павлодар» создана в 2011 г. на территории Павлодарской области, она развивает деятельность по развитию химической и нефтехимической отраслей промышленности. Похожие зоны созданы по всей протяженности казахстанско-российской границы.

10. Развиваются новые технологии, в том числе 3 D-производства, которые повышают эффективность производственных процессов, упрощая и ускоряя их. В Ярославле создан 3 D-дом. В Китае «печатают» 3 D-блинчики на 3 D-принтере. Биотехнологии в медицине приводят к тому, что органы (сердце, поджелудочная железа и т.д.) могут быть «распечатаны» на 3 D-принтере. По мнению экспертов, Россия может стать лидером в этой медицинской революции.

11. Происходит выход городов как субнациональных акторов на международную арену. Это явление возникло в Европе и Латинской Америке в 1990-е годы. Центральная власть передает городам часть своих полномочий в различных сферах, включая

финансовую. Города могут стать городами-государствами, как это было во времена Античности или в средневековой Европе, – история повторяется.

Заключение

«Мыслить глобально, действовать локально» – девиз Римского клуба 1960-х годов приобретает сегодня актуальность для осмысления парадипломатии в ее лучших проявлениях. Субнациональные акторы, как участники международных отношений, развивают свою деятельность в рамках национального законодательства, иногда бросая ему вызов, как в случае с Каталонией. Парадипломатия, не выходя за рамки национального закона, носит характер обмена опытом политического управления, содействует экономическому и социально-культурному развитию ее акторов. Но для парадипломатии характерны противоречия, например, неспособность предупредить конфликты, возникающие на религиозной или этнической почве, или развитие анархии.

Феномен парадипломатии ставит новые теоретические и практические вопросы, касающиеся роли государства, субнациональных субъектов, особенно города, в международных отношениях. Современность, исходя из сегодняшней точки отсчета, обуславливает и создает условия для продвижения и прогресса регионов и городов. Паскаль Бонифас, директор Института международных и стратегических отношений (Франция), предполагает, что в будущем границ между государствами не будет, придет всеобщая глобализация [Boniface, 2017]. Возможно, это и будет тот мир, в каком мы хотели бы жить: более справедливый, более свободный, более гармоничный.

Список литературы

- Альбина Е.А.* Внешние связи субъектов Федерации: Парадипломатия Фландрии в контексте бельгийских федеральных реформ: Дис. ... канд. полит. н. – Казань, 2005. – 222 с.
- Аттали Ж.* Краткая история будущего. – СПб.: Питер, 2014. – 288 с.
- Ачкасова В.А.* Региональный политический ландшафт России: Столкновение интересов. – СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2002. – 206 с.

- Байзакова Ж.И. Основные направления сотрудничества Казахстана с региональными структурами безопасности в военной сфере // Казахстан – Спектр. – Алматы: Казахстанский институт стратегических исследований, 2010. – № 3. – С. 26–35.
- Бло И.: «Нельзя разделять проблемы миграции и терроризма» // Лента. Ру. – 2016. – 29 июля. – Режим доступа: <https://lenta.ru/articles/2016/07/29/blotinterview/> (Дата посещения: 12.11.2017.)
- Ветренко И.А. Анализ приоритетных направлений молодежной политики Республики Казахстан на основе результатов социологического исследования социальной напряженности среди молодежи в городах и районах Павлодарской области // Качество жизни в Павлодарской области: Состояние и перспективы: Матер. междунар. науч.-практ. конф. VII Торайгыровские чтения. – Павлодар, 2015. – Т. 4. – С. 98–105.
- Гончарова Ю.С. Трансграничное сотрудничество Республики Казахстан и Российской Федерации в области туризма (на примере Алтая) // География в школах и вузах Казахстана. – Алматы: ТОО «Азия-Издат», 2016. – № 1. – С. 57–59.
- Дахин А. Конфликт глобальный – конфликт локальный: Взаимозависимость в системе региональной стратификации общества // Социальные конфликты: Экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения. – М.: Едиториал УРСС, 2000. – Вып. 17: Региональная конфликтология: Нижегородский вариант. – С. 21–35.
- Жундубаев М.К. Приграничное сотрудничество между Республикой Казахстан и Российской Федерацией на современном этапе: характер развития, проблемы и перспективы: Дис. ... канд. полит. н. – М., 2014. – 241 с.
- Муханова Г.К. Регионализация экономики и управления в Казахстане: Проблемы и перспективы // Известия НАН РК. Серия общественных и гуманитарных наук. – Алматы, 2014. – № 2. – С. 153–159.
- Назарбаев Н.А. К конкурентоспособному Казахстану, конкурентоспособной экономике, конкурентоспособной нации: Послание Президента Республики Казахстан народу Казахстана // Казахстанская правда. – 2004. – 15 марта. – С. 1–4.
- Путин назвал мудрейшим акима СКО Аксакалова // nur.kz. – 2017. – 9 ноября. – Режим доступа: <https://www.nur.kz/1672385-putin-nazval-mudreyshim-akima-sko-aksa.html> (Дата посещения 19.11.2017.)
- Сидоров А.А. Устойчивость социально-политической сферы субъекта Федерации в системе международных отношений: На примере Тюменской области: Дис.... канд. полит. н. – М., 2013. – 198 с.
- Туровский Р. Баланс политических отношений между центром и регионами в процессах государственного строительства: Дис. ... д-ра полит. н. – М., 2007. – 541 с.
- Устав Организации Объединенных Наций и Статут Международного Суда. – Нью-Йорк: ООН, 2001. – 104 с.
- Шаймарданова З.Д., Макашев Ж.К. Общественные организации казахов как инструменты парадипломатии (На примере Омской области) // Вестник КазНПУ им. Абая. Серия «Исторические и социально-политические науки». – Алматы, 2017. – № 2. – С. 34–42.
- Шеховцева Л.С. Управляемое развитие региона: Стратегическое целеполагание. – Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2005. – 354 с.

- Яковлева Н.В. Развитие трансграничного регионального сотрудничества субъектов России и Германии в форме парадипломатии: На примере немецких национальных районов: Дис.... канд. полит. н. – СПб., 2013. – 169 с.
- Яровой Г. Приграничное сотрудничество ЕС и РФ: Общие принципы и пример сотрудничества Республики Карелия и Финляндии. – Петрозаводск, 2014. – 13 с. – Режим доступа: <http://www.eu-studyweeks.ru/assets/files/history/2014/Narva/Yarovoу.pdf> (Дата посещения: 09.02.2017.)
- Boniface P. La Géopolitique: 42 fiches thématiques et documentées pour comprendre l'actualité. – Paris: Eyrolles, 2017. – 186 p.
- Bruyninckx H. Sustainable development and subnational government: Policy-making and multi-level interactions. – Hampshire: Palgrave Macmillan, 2012. – 269 p.
- Cornago N. Diplomacy and paradiplomacy in the redefinition of international security: Dimensions of conflict and co-operation / Aldecoa F., Keating M. (eds.) // Paradiplomacy in action: the foreign relations of subnational governments. – L.; Portland, OR.: F. Cass, 1999. – P. 40–57.
- Duchacek I. The international dimension of subnational self-government // Federated states and international relations. – Oxford, 1984. – Vol. 14, N. 4. – P. 5–31.
- Duran M. Mediterranean paradiplomacy: The dynamics of diplomatic reterritorialization. – Leiden: Brill Nijhoff, 2015. – 404 p.
- Keating M. Paradiplomacy and regional networking. – Hanover, 2000. – Mode of access: <http://www.forumfed.org/libdocs/ForRelCU01/924-FRCU0105-eu-keating.pdf> (Дата посещения: 09.02.2017.)
- Keohane R. Neorealism and its critics. – N.Y.: Columbia univ. press, 1986. – 378 p.
- Kirkow P. Russia's provinces: Authoritarian transformation versus local autonomy? – L.: Macmillan, 1998. – 240 p.
- Kuznetsov A.S. Theory and practice of paradiplomacy: Subnational governments in international affairs. – L.: Routledge, 2015. – 174 p.
- Lapidus G. The New Russia: Troubled transformation. – Boulder: Westview, 1995. – 269 p.
- Melvin N. Regional foreign policies in the Russian Federation. – L.: Royal institute of international affairs, 1995. – 46 p.
- Nicholson M. Towards a Russia of the regions: Adelphi series (Book 330). – Oxford: Oxford univ. press for the International institute for strategic studies, 1999. – 87 p.
- Paquin S. Paradiplomatie et relations internationales: Théories et stratégies internationales des régions face à la mondialisation. – Bruxelles: P.I.E. Peter Lang, 2004. – 189 p.
- Robertson R., Knondker H. Discourses of globalization: Preliminary considerations // International sociology. – L., 1999. – Vol. 13, N 1. – P. 25–40.
- Soldatos P. Cascading subnational paradiplomacy in an interdependent and transnational world / Fry E., Brown D. (eds.) // States and provinces in the international economy. – Berkeley: Institute of governmental studies press, 1993. – P. 112–135.
- Tavares R. Paradiplomacy: Cities and states as global players. – N.Y.: Oxford univ. press, 2016. – 272 p.
- Waltz K. Theory of international politics. – Boston: McGraw-Hill, 1979. – 251 p.

Н.К. Радина, А.В. Козлова, А.А. Набокова*

**МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОЛЯ:
АЛГОРИТМ ИДЕНТИФИКАЦИИ КОНТЕКСТУАЛЬНЫХ
ИДЕОЛОГЕМ (НА ПРИМЕРЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ)**

Аннотация. В статье описывается алгоритм идентификации контекстуальных (смысловых) идеологем как метода изучения продуктов политического поля, представляются итоги его апробации на документах региональной политики Нижегородского региона и Нижнего Новгорода. По итогам анализа заключается, что управление культурой на уровне региона определяет цели культурной политики, а на уровне города – инструменты достижения этих целей. Успешная апробация алгоритма позволяет рекомендовать его для идентификации контекстуальных идеологем в рамках решения множества задач, связанных с деятельностью агентов политического поля, чьи цели, задачи и активность отражены в порожденных ими документах.

* **Радина Надежда Константиновна**, доктор политических наук, профессор департамента социальных наук Национального исследовательского университета Высшая школа экономики (Нижний Новгород, Россия), e-mail: rasv@yandex.ru; **Козлова Анастасия Владимировна**, студентка 2 курса магистерской программы «Политическая лингвистика» Национального исследовательского университета Высшая школа экономики (Нижний Новгород, Россия), e-mail: anastasia_kozlova94@mail.ru; **Набокова Анна Алексеевна**, студентка 2 курса магистерской программы «Политическая лингвистика» Национального исследовательского университета Высшая школа экономики (Нижний Новгород, Россия), e-mail: do.your.best55555@gmail.com

Radina Nadezhda, National Research University Higher School of Economics (Nizhny Novgorod, Russia), e-mail: rasv@yandex.ru; **Kozlova Anastasia**, National Research University Higher School of Economics (Nizhny Novgorod, Russia), e-mail: anastasia_kozlova94@mail.ru; **Nabokova Anna**, National Research University Higher School of Economics (Nizhny Novgorod, Russia), e-mail: do.your.best55555@gmail.com

Ключевые слова: методы исследования политического поля; контекстуальная / смысловая идеологема; культурная политика.

N.K. Radina, A.V. Kozlova, A.A. Nabokova

Methods of studying the political field: The algorithm of contextual ideologemes identification (on the example of regional cultural policy)

Abstract. The article describes the algorithm of contextual (semantic) ideologemes identification as a method of studying the products of the political field and shows the results of its approbation on documents of Nizhny Novgorod regional politics. By the results it is concluded that governing regional culture determines the aims of cultural politics while governing city culture represents cultural politics in the instrumental way, in the context of achieving the aims set by the region. The successful approbation of the algorithm renders possible its usage for contextual ideologemes identification and for solving various problems connected with studying the political field and its agents whose aims, objectives and activities are reflected in documents they produce.

Keywords: methods of research of political field; contextual ideologem; cultural policy.

Введение: Теоретическая рамка «политическое поле»

Взаимодействие социальных и гуманитарных наук в последние десятилетия приводит к тому, что их предметные поля оказываются открытыми для взаимопроникновения теорий и концепций. Это объясняет «социологический транзит», активный перенос социологических теорий и понятий в область изучения политики.

Однако «социологический транзит» изменяет не только категории политических феноменов, но и взгляд на изучаемые проблемы, «оптику исследования», обращая внимание политологов на ранее невидимые аспекты политической реальности. Так, понятие «политическое поле», предложенное социологом Пьером Бурдьё [Бурдьё, 1993; 2007], акцентирует связи между различными позициями и интересами задействованных в них людей, использование противоборства или сотрудничества за обладание властью. По Бурдьё, вступая в политическое поле, субъект активности (агент) оказывается в социальном пространстве с объективными, уже сложившимися отношениями и правилами, которое также размечено интересами и выгодами других. Прочитывая правила поля, понимая их, принимая или пытаясь изменить, агент оказывается

тем, кто воспроизводит политическую реальность в собственной активности.

П. Бурдье проблематизирует множественность детерминации любого события (и особенно политического), ориентируя исследователя не столько на анализ формальных структур, сколько на изучение взаимодействия макрополитических структур и политических агентов на микроуровне. Разрабатывая и продвигая новые теоретические конструкторы «габитус», «капитал», «поле», «практики», он конструирует формулу ($\langle \text{габитус} \rangle * \langle \text{капитал} \rangle + \text{поле} = \text{практики}$), которая вдохновляет на использование «сложной оптики» и демонстрирует роль микросоциального уровня политики в воспроизводстве ее макроуровня.

Теоретическая рамка политического поля в российских исследованиях осваивается поступательно [Ваторопин, 2013; Хромова, 2016; и др.], в то же время зарубежные исследователи изучают реальность политического поля более активно, например в контексте городских исследований [Shin, 2016], анализируя поведение политических лидеров [Ietcu-Fairclough, 2008] или особенности национальных политических полей [Ribac, 2016], а также политики идентичности [Einrich, Ihelm, Chafer, 2014] и др.

Один из ключевых вопросов при освоении концепции политического поля касается особенностей операционализации политических проблем (практика «сложной оптики»), специфики выхода на анализ эмпирики, на уровень методов исследования политического поля.

Проблемы изучения политического поля и идеологемы

Современная методология социальных наук, в лице акторно-сетевой теории Бруно Латура [Латур, 2014], критикуя ограничения социального конструктивизма, при анализе политической реальности опирается на идею политического поля, поскольку данное понятие позволяет интегрировать и, одновременно, подвергнуть рефлексии объективное (структуры, отношения, правила) и субъективное (понимание, интерпретации, нарушение правил) при исследовании политики.

Что же такое политическое поле? Каковы принципы его операционализации и изучения?

В интерпретации П. Бурдьё – это борьба агентов поля за символическую власть «направлять взгляды и веру, предсказывать и предписывать, внушать знание и признание» [Бурдьё, 1993, с. 189]. За позициями агентов политического поля стоит капитал (экономический, символический, социальный, культурный и т.д.), а конкурентная борьба за власть связана с постоянным напряжением правил игры и притязанием на создание политических продуктов (концепций, программ, определяющих правила). Следовательно, обращение к изучению политического поля будет неизбежно сопряжено с анализом непрерывности и трансформаций (возобновляющихся или прерывающихся связей и отношений, правил и политических продуктов изменяющегося политического дискурса).

В этом контексте новое звучание получает понятие идеологемы¹, которое во многом раскрывает суть продуктов политического поля. В настоящее время в прикладных политологических исследованиях анализ идеологем позволяет понять особенности функционирования общественного сознания, так как он сопряжен с мониторингом проявления тех или иных компонентов идеологий в социальных установках различных групп [Аватков, 2010; Кирдина, 2012; Константинов, 2012; Лукичев, 2016; и др.] Аккумулирование идеологемами ценностных и содержательных аспектов продуктов политического поля позволяет им претендовать на постоянное место в исследованиях со «сложной оптикой», ориентированной на изучение как объективных, так и субъективных процессов политической реальности.

Однако в исследованиях идеологем не представлены объективные процедуры их идентификации: идеологемы определяются на основе мнения экспертов или исследовательского сообщества с

¹ Согласно лексикологическому подходу, идеологема может быть представлена словом или устойчивым словосочетанием, значение которого содержит идеологический компонент [Чудинов, 2007]. Семиотический подход предполагает более широкое толкование термина, например, Г.Ч. Гусейнов определяет идеологемы как несловесные формы представления идеологии, включая в идеологемы цитаты, буквы, символы, имена [Гусейнов, 2013]. В русле когнитивного подхода идеологеме предлагается рассматривать как единицу когнитивного уровня, многоуровневый концепт особого типа, ментальную единицу, характеризующуюся национальной специфичностью, динамичностью семантики, повышенной аксиологичностью, частотностью и разнообразием способов репрезентации знаками различных семиотических систем, в том числе языковой [Малышева, 2009].

произвольным обращением к эмпирическому материалу. Это усложняет оперативное изучение идеологем как продуктов политического поля, поскольку их экспертная идентификация, как любая другая «качественная процедура», субъективна и затратна по времени. Целями нашего исследования выступают поиск объективных маркеров при идентификации идеологем в текстах (политических продуктах), конституирующих политическое поле; необходимость формализации признаков идеологем; создание алгоритма для извлечения их из текста в контексте прикладных политологических исследований.

Специфика существования идеологем в политическом поле

Многозначность термина «идеологема» требует реконструкции системы его значений. Воспользуемся для этого классификацией идеологем А.А. Карамовой, отражающей формальные (объективные) характеристики политического дискурса [Карамова, 2015]. Принимая за основу тематическое разнообразие и структуру идеологем, исследовательница предлагает различать следующие группы.

Собственно **идеологемы**, включающие:

– идеологические лексемы (полные идеологемы), состоящие из однозначных и многозначных идеологически окрашенных слов (например, *коммунизм, красный день календаря, перестройка* и т.д.);

– идеологические значения лексем (неполные идеологемы) – многозначные слова, лексические значения которых содержат идеологический компонент, но не ограничиваются им (например, *консерватизм, пятилетка, оппозиция* и т.д.).

Идеологизированную лексику (слова и фразеологизмы, денотация которых осложнена идеологическим микрокомпонентом, отражающим субъективное отношение определенной идеологии к обозначаемому понятию в виде квалификации «свой / чужой»), а именно:

– идеологические лексемы (полные идеологемы) (например, *трудящийся, пролетарий, колхоз, нувориш* и т.д.);

– идеологические значения лексем (неполные идеологемы) (например, *господин, крестьянин, религия* и т.д.).

Смысловые (контекстуальные) идеологемы – слова и фразеологизмы, идеологическое значение которых формируется в результате активного употребления в определенных идеологических контекстах, содержащие:

- моноидеологические смысловые идеологемы (слова и фразеологизмы, значимые для какой-то одной идеологии) (например, *труд и капитал, рабочий класс, уровень жизни трудового народа* и т.д.);

- полиидеологические смысловые идеологемы (слова и фразеологизмы, значимые не только для одной идеологии) (например, *гражданское общество, правовое государство, патриотизм, интернационализм, справедливость, свобода, равенство* и т.д.).

Значительное число исследований посвящено общественно идеологемам [Гусейнов, 2003; Одесский, 2006; Образ врага, 2005; Каблуков, 2012; Малинова, 2008; и др.], идеологизированная лексика реже оказывается в исследовательском фокусе [Гусейнов, 2003; Образ врага, 2005; и др.], контекстуальные идеологемы – наименее изученный сегмент идеологем [Королев, 2015].

Представленная классификация раскрывает закономерности функционирования идеологем в политическом поле, при этом контекстуальные идеологемы наиболее зависимы от динамики и сегментов политического поля. Следовательно, более статичные полные идеологемы и идеологизированную лексику, функционирующие на макроуровне (на уровне изучения политического поля общества в целом), возможно идентифицировать и изучать, руководствуясь экспертной оценкой, а для изменчивых контекстуальных идеологем (релевантно отражающих конкретные области или сегменты политического поля) необходимо создание алгоритма, позволяющего извлекать новые (изменяющиеся) идеологемы из постоянно создающихся политических продуктов.

Идеологемы и поле культурной политики

Поскольку алгоритм идентификации контекстуальных идеологем будет представлен на материалах (продуктах) региональной культурной политики, кратко охарактеризуем ключевые проблемы в ее изучении.

В целом признавая связанность идеологии и культуры [Флиер, 2004; и др.], исследователи часто определяют культурную полити-

ку в контексте управления культурой [Востряков, 2011; Колякова, 2016; Ханнанова, 2015], подчеркивая при этом роль государственного управления.

Различия между «культурной политикой» и «управлением в сфере культуры» проводятся в области проектирования культуры, т.е. в области формирования смыслов для существования национально-культурной идентичности: смыслами занимается культурная политика, а управление культурой ориентировано на профессиональные институты и процессы развития искусства, науки, образования и т.д. [Флиер, 2004; Ханнанова, 2015]. Анализ эмпирических исследований культурной политики показывает, что характеристика идеологических координат культуры в эмпирических социально-политических исследованиях, включая анализ идеологием культуры, встречается в единичных описательных работах [Папушина, 2015].

Интрига эмпирического анализа связей идеологии и культуры заключается в том, что создание культурных смыслов (продуктов политического поля) происходит в области «культурной политики», а за воспроизводство смыслов и ценностей, которое чаще оказывается в фокусе исследования, отвечает «управление культурой» (ориентированной на отслеживание агентов поля), поэтому доступ к «смыслам» неразрывно связан с рефлексией особенностей области управления.

«Пространством воспроизводства смыслов» в управлении культурой по праву можно считать тексты, сопровождающие процесс реализации культурной политики: интервью с руководителями культурой, в которых более или менее рефлексивно представляют ценностные координаты культурной политики, документы, сопровождающие деятельность органов власти, управляющих культурой, включая регламентации мероприятий и других событий в области культуры и искусства (отражающие идеологемы реализуемой культурной политики).

Что это за тексты, каково их качество? Кто создает данные тексты? Чем они управляют? Какое послание несут корпусы этих текстов в документальном потоке, дискурсе, отражающем продукты политического поля?

Предлагаемый далее алгоритм для поиска идеологием поля культурной политики региона ориентирован на идентификацию полиидеологических контекстуальных (смысловых) идеологием,

которые в реальности могут быть недостаточно очевидны, поскольку встроены в рутинную повседневность функционирования органов управления культурой. Это те идеологиемы, которые управляют смысловым полем культуры, оставаясь при этом в состоянии контекстуальной нерелексивности.

Программа исследования

При планировании разработки и апробации алгоритма идентификации идеологем в массиве текстов в качестве эмпирического материала были использованы материалы, составляющие тексты / дискурс региональной культурной политики (Нижегородского и Нижегородского региона). Предполагалось, что созданный инструмент позволит идентифицировать идеологиемы культурной политики областного центра и региона, тем самым позволит охарактеризовать как смысловую наполненность культурной политики изучаемых территорий, так и проанализировать возможные иерархические отношения между институтами управления культурой.

Поскольку в определении полиидеологических контекстуальных идеологем учитывается их частотность в текстах, алгоритм идентификации идеологем данного типа предполагает анализ значительного массива текстов, отражающих активность изучаемых областей.

Для идентификации «культурных идеологем» на уровне региона были использованы нормативные документы Министерства культуры Нижегородской области, интервью министра культуры Нижегородской области С.А. Горина, положения, постановления, официальные письма в учреждения культуры и искусства Нижегородской области (43 документа с 01.01.2016 по 31.12.2016, объем – 59 440 слов, а именно: 23% – интервью, 7 – нормативные документы, 70% – письма и положения).

Для идентификации «культурных идеологем» на уровне областного центра были использованы положение о Департаменте, положения, постановления, официальные письма в учреждения культуры и искусства Нижнего Новгорода (21 документ с 01.01.2016 по 31.12.2016, объем – 30 190 слов, а именно: 5% – положения о департаменте, 95% – письма и положения).

Очевидно, что при идентификации контекстуальных идеологем уже на уровне формирования сложносоставной выборки можно столкнуться с проблемами несимметричности и количества, и качества документов. Так, в данном случае документов в открытом доступе за изучаемый период в областном правительстве оказалось больше, кроме того, руководители культурой региона активнее позиционировали себя на медийных площадках (а это тексты, принципиально отличающиеся, например, от инструкций и нормативных документов).

Этот факт тем не менее органично встроен в логику разрабатываемого алгоритма, поскольку характер выборки непосредственно детерминирует контекстуальные идеологемы, которые объективно не могут быть одинаковыми для разных «контекстов». Качество выборки реальных документов не только отражает действительность функционирования изучаемой области или группы, но и включает те самые «иерархии» между «контекстами», которые воспроизводятся в идеологемах.

С точки зрения анализа политического поля, авторство документов – носителей идеологем раскрывает агентов поля и их намерения (например, доминирование или компромис), следовательно, анализ авторства документов, составивших эмпирическую базу, является важной частью процесса изучения контекстуальных идеологем.

Поскольку прикладная политология активно использует социологические, исторические, психологические и лингвистические методы исследования, при идентификации контекстуальных идеологем предполагается опираться на методы компьютерной и квантитативной лингвистики. Для осуществления частотного, дистрибутивного анализа, анализа тональности используется корпусный менеджер AntConc, среда разработки PyCharm для языка программирования Python, библиотеки lxml, NLTK.

В общем виде процедура извлечения контекстуальных идеологем из коллекции текстов, предлагаемая в рамках апробируемого алгоритма, предполагает следующие шаги:

- подготовка коллекции текстов (материалы изучаемых структур);
- выделение ключевых слов (частотных);
- ранжирование слов с учетом меры TF-IDF (term frequency – inverse document frequency);

– анализ ассоциаций и толкований на предмет оценочности и эмотивности, формирование списка слов – претендентов на статус контекстуальной идеологемы;

– анализ субъективности контекста употребления идеологем;

– формирование списка слов – претендентов на статус идеологемы (на материале коллекции документов).

Сравнительный анализ контекстуальных идеологем двух регионально близких баз документов завершает этап идентификации полиидеологических контекстуальных идеологем и формирует понимание характера отношений (иерархических) между региональными структурами управления культурой.

Шаги алгоритма по идентификации контекстуальных идеологем

Рассмотрим более подробно этапы (или шаги) алгоритма извлечения контекстуальных идеологем из документов.

Шаг 1. Подготовка коллекции текстов.

В процессе подготовки коллекции необходимо привести слова к одному регистру (Министерство – министерство, Основной – основной и т.д.), а также провести лемматизацию текстов (т.е. привести словоформы к их словарной форме: задачами – задача, культурная – культурный и т.д.). Далее производится частеречная разметка (задача_NOUN, является_INFN и т.д.) и удаление стоп-слова («шумовые» слова, не несущие особой смысловой нагрузки, например предлоги, союзы, частицы, местоимения), гиперссылки, числа и т.п. Для предобработки текстов рекомендуется использовать морфологический анализатор MyStem [Segalovich, 2003], библиотеку rymorphy2 [Korobov, 2015] для языка Python.

Шаг 2. Выделение ключевых слов (частотных).

Следующим шагом предлагаемого алгоритма является выделение ключевых слов с опорой на методику П. Рейсона и Р. Гарсида [Rayson, Garside, 2000], согласно которой слово является ключевым, если имеет высокую частоту в исследуемой коллекции текстов в сравнении с частотой в так называемом «справочном» корпусе («normative», reference corpus). Нормативный («справочный») корпус должен быть репрезентативным, т.е. отражать современное состояние языка. Источником частот для сравнения для

русскоязычных документов являются материалы Национального корпуса русского языка (НКРЯ), в частности электронная версия «Частотного словаря современного русского языка» О.Н. Ляшевской и С.А. Шарова [Ляшевская, Шаров, 2009], созданного на основе современного подкорпуса Основного корпуса и Устного корпуса НКРЯ.

В итоге должны быть составлены частотные списки слов, для каждого слова вычислены значения логарифмического правдоподобия и проведено ранжирование. На вершине списка окажутся слова, наиболее характерные для исследуемой коллекции текстов.

Шаг 3. Ранжирование слов с учетом меры TF-IDF (term frequency – inverse document frequency).

Во время апробации алгоритма специфика исследуемых текстов (большая часть из них – стандартизированные приказы, положения и т.п.) привела к тому, что в число наиболее частотных слов попали такие, как «учреждение», «нижегородский», «область», «государственный», «положение», «приказ», «район», «программа», «адрес», «заявка» и т.п. Подобные проблемы могут возникнуть у любого исследователя, опирающегося на данный алгоритм. Отсеять слова, частота которых обусловлена в большей степени жанром текстов, позволило ранжирование с учетом статистической меры TF-IDF, которая используется для оценки важности слова в тексте, являющегося частью коллекции (корпуса), и назначает наибольший вес для слов, использующихся с высокой частотой в этом конкретном тексте, и с низкой частотой – в других документах.

Статистическая мера для оценки важности слова в документе (тексте), который является частью коллекции (корпуса):

$$idf = \log \frac{|D|}{|d_i \in t_i|} \quad tf = \frac{n}{N...} ,$$

где $|D|$ – число документов в корпусе; $|d_i \in t_i|$ – кол-во документов, в которых встречается слово; n – число вхождений слова в текст; N – количество слов в тексте

$$TF-IDF = tf * idf$$

Шаг 4. Анализ ассоциаций и толкований на предмет оценочности и эмотивности, формирование списка слов – претендентов на статус идеологемы.

На следующем этапе проводится анализ ассоциаций и толкований слов – претендентов на предмет оценочности или эмотивности. Ассоциации можно отнести к основным свойствам человеческой памяти, так, на слово-стимул человеческий мозг выдает слово-реакцию, которое и будет ассоциацией. Возникновение тех или иных ассоциаций – процесс индивидуальный, поскольку зависит от личного опыта респондента, его восприятия действительности. Само слово «мироощущение» уже показывает, что для каждого человека оно обладает эмотивным компонентом.

Говоря об идеологемах, важным наблюдением является тот факт, что они включают в себя эмоциональную составляющую, воздействующую на людей [Чудинов, 2007; и др.]. Поэтому исследуя полученные слова – претенденты на статус идеологем, необходимо учесть наиболее частотные ассоциации к ним, что является следующим ситом для отсеивания слов, не имеющих эмотивной или оценочной нагруженности.

Шаг 5. Анализ субъективности контекста употребления идеологем.

Определение идеологии как оценочного явления считается ее сущностным определением [Вепрева, Шадрина, 2006, с. 121], а идеологическим смыслом в целом присуща определенная степень субъективности, так как они определяются интересами той или иной группы людей: аксиологический модус, таким образом, может меняться в зависимости от политических убеждений говорящего («множественность» оценки [Малышева, 2009, с. 38]). Исследователи идеологем отмечают наличие ценностного компонента, особенно в ситуациях, когда «на первый план выходят чисто оценочные, эмоционально-экспрессивные коннотации, не имеющие опоры в непосредственном содержании слова» [Радбиль, 1998, с. 22].

Руководствуясь вышеизложенными принципами, на данном шаге алгоритма необходимо проанализировать контекст употребления предполагаемых идеологем (размер контекста – предложение или клауза) на наличие показателей субъективности или эмотивности, а именно оценочных слов, интенсификаторов (т.е. слов вроде «очень», «крайне»). В связи с тем, что доступные списки оценочных слов для русского языка найти достаточно сложно, использовали:

а) списки, изначально составленные для английского языка, автоматически переведенные на русский с помощью Google [Liu, Hu, Cheng, 2005] (что, очевидно, повышает вероятность ошибки при автоматическом анализе);

б) списки для русского языка, но для разных предметных областей (книги, кинофильмы) [Manually created sentiment lexicons... 2016].

Данные списки использовались для анализа ввиду того, что они достаточно объемны (создание надежных и полных списков тональных слов для политических текстов представляется отдельной и достаточно трудоемкой проблемой). Списки были дополнены интенсификаторами и прочими паттернами, характерными для выражения оценки в русском языке [Вольф, 2002].

Шаг 6. Формирование списка слов – претендентов на статус полиидеологических контекстуальных идеологем, и шаг 7 (дополнительный) – сравнительный анализ контекстуальных идеологем двух регионально близких баз документов для определения окончательного списка.

После формирования итогового списка полиидеологических контекстуальных идеологем рекомендуется сравнить итоговые идеологемы с результатами, полученными на иной, сопоставимой коллекции текстов. Данное дополнительное действие позволяет сузить окончательный список контекстуальных идеологем, а также определить отношения между сравниваемыми коллекциями текстов.

Таким образом, предлагаемый алгоритм применим к любым коллекциям политических текстов должного объема и репрезентативности и рекомендуется для идентификации полиидеологических контекстуальных идеологем в документах организации или любой социально-политической структуры.

Полиидеологические контекстуальные идеологемы культуры в контексте региональной культурной политики

При анализе коллекций текстов, составленных на основе документов департамента культуры администрации Нижнего Новгорода и министерства культуры Нижегородского региона, после оформления списка слов с высокой частотностью по итогам шага 3 был определен показатель TF-IDF, высокое значение которого присуще словам с высокой частотой в конкретном тексте и с низ-

кой частотой в других документах коллекции. Например: искусство (0.0244), культура (0.0206), ценность (0.0189), область (0.0159), культурный (0.0158), сфера (0.0157), обеспечение (0.0150), кинематография (0.0150), нижегородский (0.0144), территория (0.0119), гарантия (0.0110), образование (0.0109), библиотечный (0.0091), музейный (0.0085), государственный (0.0082) и т.д.

Работа с алгоритмом на шаге 4 позволила оценить ассоциативный ряд претендентов на идеологемы. Например: *наследие* (культурный, литературный, творческий, научный, художественный, тяжелый, эпистолярный, великий, огромный, духовный, национальный, поэтический, бессознательный, классический, древний, тайный, отцовский, обширный, шахматный, всемирный, военный, ценный, идейный, тяжкий, мрачный, фольклорный и т.д.), *толерантность* (дизентерия, терпимость, рашка, жид и т.д.) [Словарь ассоциаций русского языка, 2006].

Шаг 5, посвященный анализу субъективности контекста употребления слов-претендентов в изучаемых коллекциях текстов, позволил определить «субъективный контекст» у таких частотных слов как культура, искусство, развитие, творчество, самобытность, оригинальность, наследие, воспитание, патриотизм, власть, толерантность, победа, потенциал, сотрудничество, совершенствование и т.д.

Например: *«Цели и задачи IV открытого областного фестиваля декоративно-прикладного искусства “Лоскутная мозаика” – сохранение и развитие народных традиций декоративно-прикладного искусства; выявление и поддержка талантливых мастеров, работающих в традиционных и новых техниках лоскутного шитья; повышение профессионального уровня участников и создание новых работ; широкая пропаганда традиционного и современного народного творчества; активное воспитание и формирование эстетических вкусов подрастающего поколения»* (Положение о IV открытом областном фестивале декоративно-прикладного искусства; 2016 год).

На последних этапах были сформированы два списка претендентов на роль контекстуальных идеологем. Для дискурса культурной политики в масштабах областного центра Нижнего Новгорода это (семь наиболее рейтинговых по всем показателям слов): преподаватель, профессионализм, развитие, искусство, творчество, достижение, поддержка.

Для дискурса культурной политики Нижегородского региона (топ-7): культура, искусство, развитие, творчество, самобытность, оригинальность, наследие.

Сравнительный анализ контекстуальных идеологием позволил выделить общее, присущее документам как городской культурной политики, так и региональной культурной политики, а именно «развитие» и «искусство». Данные контекстуальные идеологемы позволяют утверждать узкое понимание культуры, которое транслируется в анализируемых документах, а именно «культура» как «художественная культура» (высокая частотность «искусства»). Это отражает типовую позицию в отношении культурной политики со стороны власти и политического регулирования [Гун, 2014]. Формулируя миссию культурной политики в определении ценностей и целей общества, на уровне конкретных действий и мероприятий управление культурой трансформирует эту миссию в поддержку структур, групп и действий, включенных в воспроизводство именно художественной культуры (в поддержку танцевальных коллективов, конкурсов, художественных выставок, музыкальных фестивалей и т.п.)

Специфические контекстуальные идеологемы культуры региона (культура, творчество, самобытность, оригинальность, наследие) определяют сущностные характеристики культурной политики, связанные с целеполаганием и ориентированные на сохранение наследия и самобытности региона. В то же время специфические контекстуальные идеологемы культуры города (преподаватель, профессионализм, творчество, достижение, поддержка) отражают в большей степени инструментальные характеристики, отвечают на вопрос, как достигать целей, поставленных в регионе (посредством профессионализма и достижений через творчество, преподавание и поддержку). Некоторая условная согласованность между контекстуальными идеологемами раскрывает тип связей между агентами изучаемого политического поля, а именно «вертикальную» логику отношений между управлением городской культуры и управлением культурой региона.

Таким образом, представленный алгоритм успешно реконструирует поле региональной культурной политики и с точки зрения ее продуктов – целей и ценностей, отраженных в контекстуальных идеологемах, и с точки зрения отношений между его агентами (управленческими структурами), подтверждая типичность и стан-

дартность функционирования поля культурной политики нестоллического региона и города.

Заключение

Итак, апробация алгоритма для идентификации контекстуальных идеологем на материале документов управления культурной политикой в масштабах города и региона позволяет обоснованно утверждать, что культурная политика данными административными единицами мыслится стандартно как политика в области продвижения художественной культуры. При этом управленческий уровень региона определяет цели (во многом связанные с сохранением самобытного наследия региона), тогда как на управленческом уровне города культурная политика мыслится инструментально, в контексте установок на реализацию поставленных на уровне региона целей. Фактически культурная политика региона определяет «что» сохранять и развивать, а культурная политика города – «как». Таким образом, идентификация контекстуальных идеологем позволяет реконструировать не только продукты / смыслы, но и логику взаимодействия агентов поля (в данном случае логику зависимости).

Успешная апробация представленного алгоритма позволяет рекомендовать его для идентификации контекстуальных идеологем в рамках решения множества задач, связанных с деятельностью агентов политического поля, чьи цели, задачи и активность отражены в порожденных ими документах. Данный алгоритм представляется особенно продуктивным в сравнительном контексте, когда идентификация контекстуальных идеологем происходит параллельно на нескольких коллекциях текстов, раскрывающих в документах деятельность агентов политического поля, интересующих исследователей.

Сложности с обращением к представляемому программному обеспечению снимаются в условиях работы междисциплинарных команд, включающих компьютерных лингвистов, благодаря которым современные политические исследования, опирающиеся на текстовую базу (оцифрованную документальную базу), выходят на новый уровень. Политологическая «сборка» материала, представленного компьютерными лингвистами, осуществляется в формате

теоретизирования, принятого в политологии, поддерживая тем самым точность, своевременность и практичность эмпирических исследований.

Список литературы

- Аватков В.А.* Идеологемы внешней политики России: 25 лет поиска // Свободная мысль. – М., 2010. – № 5. – С. 27–38.
- Бурдые П.* Социология политики. – М.: Socio-Logos, 1993. – 336 с.
- Бурдые П.* Социология социального пространства. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. – 288 с.
- Ваторопин А.С.* РПЦ в политическом поле современной России // XVI Международная конференция «Культура, личность, общество в современном мире: Методология, опыт эмпирического исследования» памяти профессора Л.Н. Когана. 21–22 марта 2013 года, Екатеринбург: Сборник докладов. – Екатеринбург: УрФУ, 2013. – С. 1544–1552.
- Вепрева И.Т., Шадрин Т.А.* Идеологема и мифологема: Интерпретация терминов // Научные труды профессоров Уральского института экономики, управления и права. – Екатеринбург, 2006. – Вып. 3. – Режим доступа: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/3625/2/prof_uieup_3_vepreva_1.pdf (Дата посещения: 09.10.2017.)
- Вольф Е.М.* Функциональная семантика оценки. – Изд. 2-е, доп. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 280 с.
- Востряков Л.Е.* Государственная культурная политика: От патерналистской к партнерской модели? // Управленческое консультирование. – СПб., 2011. – № 4. – С. 140–155.
- Гизатуллина А.Р.* Идеологемы постперестроечного периода как фактор формирования нового сознания: Общая характеристика (на материале газеты «Известия») // Политическая лингвистика. – Екатеринбург, 2015. – № 3 (53). – С. 95–101.
- Гончаров В.Э.* Гражданское общество как идеологема // Гражданское общество: Первые шаги / Под ред. А.Ю. Сунгурова. – СПб.: Норма, 1999. – С. 39–43.
- Гун Г.Е.* Художественная культура города: Структура, динамика, перспективы: Автореф. дис. ... д-ра культурологии. – Челябинск, 2014. – 41 с.
- Гусейнов Г.Ч.* Советские идеологемы в русском дискурсе 1990-х. – М.: Три квадрата, 2003. – 272 с.
- Каблуков Е.В.* Официальные идеологемы: Специфика функционирования в современном российском медиадискурсе // Вестник НГУ. – Новосибирск, 2012. – Т. 11, № 6. – С. 64–88.
- Кармова А.А.* Идеологемы: Определение понятия и типология // Электронный научный журнал «Современные проблемы науки и образования». – М., 2015. – Режим доступа: https://elibrary.ru/elibrary_24123230.pdf (Дата посещения: 09.10.2017).
- Кирдина С.Г.* «Гражданское общество»: Уход от идеологемы // СОЦИС: Социологические исследования. – М., 2012. – № 2. – С. 63–73.

- Колякова И.В. Власть и общество в реализации культурной политики современной России: Традиции и тренды // Вестник Самарского муниципального института управления. – Самара, 2016. – № 1. – С. 103–108.
- Константинов М.С. Имперский палингенез: Праворадикальные идеологиемы в студенческой среде // Политика и общество. – М., 2012. – № 132. – С. 167–168.
- Королев С.В. «Базовое образование» и «профильность» юриста как идеологиемы Болонской системы // Russian journal of legal studies. – М., 2015. – № 3 (4). – С. 115–124.
- Латур Б. Пересборка социального: Введение в акторно-сетевую теорию. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. – 384 с.
- Лукичев П.Н. Идеологиемы правового радикализма в общественном сознании студентов вузов Ростовской области // Гуманитарий Юга России. – Ростов-на-Дону, 2016. – Т. 22. № 6. – С. 80–91.
- Ляшевская О.Н., Шаров С.А. Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). – М.: Азбуковник, 2009. – 1087 с.
- Малинова О.Ю. Дискуссии о государстве и нации в постсоветской России и идеологема «империи» // Политическая наука / РАН. ИНИОН. – М., 2008. – № 1. – С. 31–58.
- Малышева Е.Г. Идеологема как лингвокогнитивный феномен: определение и классификация // Политическая лингвистика. – Екатеринбург, 2009. – № 30. – С. 32–40.
- Образ врага / Сост. Л. Гудков; ред. Н. Конрадова. – М.: ОГИ, 2005. – 334 с.
- Одесский М. Идеологема «революция» и возможность социальных потрясений в современной России // Логос. – М., 2006. – № 5 (56). – С. 131–136.
- Папушина Ю.О. Постсоветский городской праздник и культурность (на материале городского фестиваля искусств «Белые ночи в Перми – 2012») // Журнал социологии и социальной антропологии. – М., 2015. – Т. 18, № 2 (79). – С. 60–71.
- Радбиль Т.Б. Мифология языка Андрея Платонова: Монография. – М.; Н. Новгород: Изд-во НГПУ, 1998. – 116 с.
- Словарь ассоциаций русского языка / Под ред. Н. Бабичева, В. Ситниченко. – М., 2006. – Режим доступа: <http://www.slovesa.ru> (Дата посещения: 09.10.2017).
- Флиер А.Я. В порядке дискуссии: Культурная политика и идеология // Обсерватория культуры / НИЦ Информкультура, РГБ. – М., 2004. – № 1. – С. 20–22.
- Ханнанова А.С. Культурная политика как функция государства // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. – Челябинск, 2015. – Т. 15, № 4. – С. 62–66.
- Хромова Е.Б. Поле политики в социальной философии П. Бурдьё: Некоторые элементы теории // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Культура. История. Философия. Право. – Пермь, 2016. – № 1. – С. 34–43.
- Чудинов А.П. Политическая лингвистика: Учебное пособие. – М.: Флинта: Наука, 2007. – 256 с.
- Einrich H., Ilhelm W., Chafer S. Identity politics and the political field: A theoretical approach to modelling a «field of identity politics» // New world colors: Ethnicity,

- belonging, and difference in the Americas. *Inter-American Studies* / Ed. by J. Raab. – Trier: Wissenschaftlicher Verlag Trier; Tempe, AZ: Bilingual Press/Editorial Bilingual, 2014. – Vol. 9. – P. 375–399.
- Ietcu-Fairclough I.* Legitimation and strategic maneuvering in the political field // *Argumentation*. – Amsterdam, 2008. – N 22 (3). – P. 399–417.
- Korobov M.* Morphological analyzer and generator for Russian and Ukrainian languages // *Analysis of images, social networks and texts: 4 th international conference, AIST 2015, Yekaterinburg, Russia, April 9–11, 2015, Revised Selected Papers* / M.Y. Khachay, N. Konstantinova, A. Panchenko, D.I. Ignatov, V.G. Labunets (eds.). – Cham: Springer international publishing, 2015. – P. 320–332.
- Manually created sentiment lexicons: Research and development / E.V. Kotelnikov, N.A. Bushmeleva, E.V. Razova, T.A. Peskischeva, M.V. Pletneva // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной международной конференции «Диалог» (Москва, 1–4 июля 2016 г.)*. – М.: Изд-во РГГУ, 2016. – Вып. 15 (22). – С. 300–315.
- Liu B., Hu M., Cheng J.* Opinion observer: Analyzing and Comparing opinions on the web // *Proceedings of the 14 th International World Wide Web conference (WWW-2005)*, Chiba, Japan, 10–14 May 2005. – Mode of access: <http://www.cs.uic.edu/~liub/FBS/sentiment-analysis.html> (Дата посещения: 09.10.2017.)
- Rayson P., Garside R.* Comparing corpora using frequency profiling. – Hong Kong, 2000. – 6 p. – Mode of access: http://ucrel.lancs.ac.uk/people/paul/publications/rg_acl2000.pdf (Accessed: 09.02.2017.)
- Ribac M.* The slovenian political field and its constraints // *Annales: Series historia et sociologia*. – Koper, 2016. – N 1 (26). – P. 159–170.
- Segalovich I.* A fast morphological algorithm with unknown word guessing induced by a dictionary for a web search engine // *MLMTA*. – Las Vegas, 2003. – P. 273–280.
- Shin Y.* Connecting political communication with urban politics: A Bourdieusian framework // *International journal of communication*. – L.A., 2016. – N 10. – P. 508–529.

Я. Лю*

ДЕПОЛИТИЗАЦИЯ И РЕПОЛИТИЗАЦИЯ СЕЛЬСКИХ ПРОТЕСТОВ В МЕДИЙНОЙ СФЕРЕ КИТАЯ

Аннотация. В статье представлено процессуально-ориентированное описание де- / реполитизации сельских протестов в китайских медиа путем сравнения сюжетной линии протестов и ее репрезентации в медиа. Показано, что массмедиа не только преуменьшают «антисистемную» радикальность сельских протестов, но и вписывают протесты в рамки углубления реформ, хотя сами протесты на практике туда не совсем укладываются.

Ключевые слова: протесты; гегемония медиа; дискурс класса; неолиберальный транзит; реквизиция земли; сельское самоуправление.

Y. Liu

Depolitization and re-politicization of rural protests in the media sphere of China

Abstract. The article presents a process-oriented description of de / re-politicization of rural protests in Chinese media by comparing the story line of protests and its representation in media. It shows that Chinese mass media not only downplay the «anti-system» radical nature of rural protests, but also embed protests into the frames of deepening reform, even though the protests in reality don't quite fit into this discourse.

Keywords: protest; media hegemony; class discourse; neoliberal transit; land requisition; rural self-governance.

***Лю Янь**, аспирант Департамента коммуникаций и медиа Школы гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета (Владивосток, Россия), e-mail: karenly_62@mail.ru

Liu Yan, The Department of Communication and Media of the School of Humanities of the Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia), e-mail: karenly_62@mail.ru

Введение

Деполитизация социальных процессов в КНР, с 1980 г. нацеленная на разрешение конфликта между практикой либеральных экономических реформ и социалистическими ценностями, характеризуется исчезновением дискурса класса [Wang, Connery, 2006]. Официальный дискурс социальной стратификации отрицает возникновение нового рабочего класса в составе рабочих-мигрантов из сельской местности, складывающегося в ходе становления Китая как всемирной фабрики, и соответственно препятствует формированию классовой идентичности рабоче-крестьянских масс [Ngai, Chan, 2008]. Определяя «противоречие внутри народа» как причину «массовых инцидентов» – официального эвфемизма для коллективных протестных действий, центральное партийное руководство Китая отсекает классовое измерение конфликта интересов между социальными группами [Lee, Zhang, 2013]. В то же время правительство пытается обозначить пределы «правомерного» поведения для отстаивания протестующими своих интересов [So, 2003]. В результате протесты, легитимность которых признана органами власти, получают нейтральное название – «защита законных прав».

Если в дискурсивном поле Китая деполитизация протестов рабочих и крестьян означает размывание их классового измерения, то реполитизация подразумевает политический характер конфликтов интересов. Данная дискурсивная борьба, в частности, происходит в академических кругах.

В большинстве исследований показано, что протесты трудящихся в большей мере относятся к сфере экономических интересов, чем к защите абстрактных прав [Perry, 2001; Yu, 2009]. С другой стороны, часть ученых обнаруживает растущее осознание гражданских прав в том факте, что рабочие и крестьяне для оправдания своих коллективных действий ссылаются на официальную политику государства и законы [O'Brien, Li, 2006; Wong, 2011]. Их протесты интерпретируются как политически осознанное сопротивление во имя защиты себя от действий органов власти и оцениваются как движущая сила демократических преобразований в авторитарном Китае [см.: Perry, 2008]. Некоторые исследователи, обращая внимание на то, что рабочие и крестьяне используют социалистическую символику для предъявления радикальных требований, говорят о пробуждении у них классового сознания и вос-

становлении социалистического культурного лидерства в современном Китае [Chan, Ngai, 2009; Feng, 2013].

Китайская медиасистема, одна из самых подконтрольных в мире и в то же время одна из самых динамических площадок дискурсивной борьбы [Zhao, 2010], также вовлечена в процессы де- / реполитизации протестов. Поддерживая официально провозглашенный курс на построение гармоничного общества, массмедиа правительственной ориентации сводят протесты либо к изолированным случаям правонарушения, либо к спонтанным локальным инцидентам, вызванным противоречиями чисто экономических интересов [ibid.]. В частности, государственные массмедиа с целью укрепления авторитета государства и КПК [Xia, Yuan, 2017] подчеркивают обязанность властей по защите интересов «простых людей», но при этом не указывают на классовый характер конфликтов между элитой и трудящимися [Sun, 2014]. Итак, в дискурсе официальных массмедиа протесты лишены политических значений, а рабочие и крестьяне, бывшие передовым классовым отрядом Китая, деполитизированы и представлены в качестве абстрактных масс.

Массмедиа рыночной ориентации, наоборот, представляют протестующих как современных просвещенных граждан с пафосом и готовностью требовать от правительства предоставить им гражданские права [Steinhardt, 2015]. В означенных массмедиа триггером протестов выступают недостатки правовой системы; для того чтобы впредь избегать подобных конфликтов, необходимо проводить структурные изменения в Китае [Lv, 2012]. В этом дискурсивном контексте массовые протесты приобретают политическое значение для разоблачения пороков общества и контроля над чиновниками. Некоторые ученые [Xing, 2012; Sun, 2014; Zhao, Wu, 2016] считают, что массмедиа рыночной ориентации, идентифицируя без разбора протестующих разных социальных слоев как либеральных защитников прав, легитимируют классовое неравенство и продвигают неолиберальный транзит Китая.

Большинство исследований де- / реполитизации протестов в медиа сфокусировано лишь на медиарепрезентации протестов без обращения достаточного внимания на политический характер самих протестов. Многообразие политических коннотаций протестов рабочих и крестьян, как упоминалось выше, подразумевает, что производство политических значений протестов со стороны медиа

может быть сложнее, чем представленный в нашем обзоре литературы паттерн «исчезновения дискурса класса – артикуляции демократизации». В силу этого актуальной становится задача нашей работы – представить процессуально-ориентированное описание де- / реполитизации протестов в медиа на основе сравнения сюжетной линии протестов и ее репрезентации в медиа.

Характеристика исследования

Метод фрейм-анализа (frame analysis) оказывается полезным инструментом для исследования вышеуказанного вопроса. «Фрейм» представляет «основные, подлежащие идентификации элементы», посредством которых человек воспринимает социальные реальности [Goffman, 1986]. Фреймы образуются и развиваются неосознанно как результат процесса взаимодействия когнитивной деятельности человека с социальной структурой, поэтому «определения ситуации основываются на принципах организации событий... и нашей собственной субъективной вовлеченности в них» [ibid., p. 10].

В рамках теории фрейма организация протестов сопровождается актуализацией фрейма коллективного действия (далее – ФКД): связыванием интерпретационных схем потенциальных участников и лидеров протестов таким образом, чтобы их наборы интересов, убеждений и целей стали конгруэнтными и дополняемыми [Frame alignment processes... 1986, p. 464]. Учеными выделяются три главных функции ФКД: диагностика (определение ситуации как социальной проблемы), прогнозирование (определение тактики сопротивления) и мотивация (определение мотивов и стимулов участия) [Snow, Benford, 1988, p. 199].

Медиапрезентацию протестов можно анализировать при помощи медиа-фрейма. Конструирование медиафрейма определяется «выбором некоторых аспектов воспринимаемой реальности и приданием им большей заметности в коммуникационном тексте таким образом, чтобы способствовать специфическому определению проблемы, каузальной интерпретации, моральной оценке и / или выработке рекомендации» [Entman, 1993, p. 52].

В качестве объекта данного исследования выступают протесты против реквизиции земли в селе Укань уезда Луфэн города Шаньвэй провинции Гуандун Китая в 2011 г. Эмпирическую базу со-

ставили прежде всего материалы освещения этого случая в китайских медиа: 90 медиатекстов, опубликованных с 21 сентября 2011 г. (дата появления первого сообщения) по 17 марта 2012 г. (дата временного ухода из медийной сферы). Большинство материалов (82 текста) входит в выделенные автором семь медиафреймов.

Отметим, что мы в данной статье различаем массмедиа и интернет-медиа. Последнее относится к новым медиа, социальным медиа и т.д., которые не являются информационными органами власти или филиалами традиционных медиа. Хотя все китайские СМИ находятся под управлением КПК и правительства КНР, интернет-медиа успешно создают дискурсивное пространство, временно и частично независимое от власти [Лю, 2016]. Среди выше-названных 90 текстов 22 опубликовано на сайтах интернет-медиа. Маркетизация СМИ приводит к дифференциации массмедиа, где можно выделить издания рыночной ориентации и официальные. Последняя категория включает в себя центральные массмедиа как информационные органы центрального руководства и местные массмедиа под контролем местных правительств.

В основу эмпирического изучения также легли материалы протестов: документальные фильмы о протестах и интервью с протестующими, снятые активистами, учеными и массмедиа, видеозаписи о выступлениях местных чиновников, открытые письма, жалобы, официальные документы, блоги и записи собраний протестующих. Выделено четыре ФКД, поочередно используемых в ходе протестов в Укани – «относительная депривация», «протест с возмущением», «правомерное сопротивление» и «борьба за признание».

Сравнение ФКД и медиафреймов позволяет увидеть, каким образом центральная организующая идея протестов представлена в медиа. На основе этого изучается де- / реполитизации протестов в медиа.

Результаты и обсуждение

Протесты в селе Укань

С июня 2009 по 21 сентября 2011 г. молодые активисты 11 раз подавали жалобы в местное правительство по поводу реквизиции земли, но не получили никакого результата. После послед-

ней петиции 14 марта 2011 г. активисты переключились на мобилизацию жителей Уканя на массовые протесты, напоминая им об их материальных потерях и чувстве «относительной депривации».

Первая масштабная коллективная акция, в которой участвовали более 2000 человек, вспыхнула 21 сентября 2011 г. Акция, в ходе которой должна была состояться передача петиции местным властям, быстро переросла в осаду здания сельского комитета, и на следующий день возник конфликт между протестующими и полицией. Двухдневный «протест с возмущением» привел к изгнанию сельских чиновников и отступлению полиции. Правительство уезда Луфэн классифицировало инцидент в Укани как преступление.

В этой ситуации пользующийся авторитетом 68-летний житель села Линь Цзулуань согласился руководить протестами. Он вместе с активистами образовал сельский временный комитет. С этого момента протесты сдвинулись в сторону «правомерного сопротивления» (с 23 сентября по 21 ноября). Протестующие, с одной стороны, по законным каналам подавали жалобу, а с другой – прибегали к полузаконным способам давления на местные власти: 21 ноября они провели мирную массовую демонстрацию.

Негативная оценка демонстрации со стороны местного правительства привела к эскалации столкновения. Арест 4–9 декабря избранных жителями представителей и смерть 11 декабря в тюрьме представителя Сю, вызвав у протестующих гнев и страх, превратили борьбу против продажи земли в «борьбу за признание». Они каждый день проводили сидячие забастовки в селе, оплакивали смерть Сю и кричали лозунги, выражая решимость бороться любой ценой. Протесты утихли только после 20 декабря, когда правительство провинции Гуандун признало жалобы жителей правомерными.

Деполитизация: Смягчение радикальности протестов

Для анализа медийной деполитизации протестов внимание уделяется моментам ФКД, которые имплицитно присутствуют или скрываются в медиатекстах. Протестующие считали тайный сговор между сельскими чиновниками и бизнесменами причиной захвата коллективной земли. Возглавивший протест сельчан Линь на митинге выступил с заявлением, что «сельские чиновники Уканя и

гонконгский бизнесмен тайно сговорились. Они вместе создали компанию Луфэнцзяе. <...> Ее председатель – гонконгский бизнесмен Чен Вэньцин, а заместитель – секретарь сельского отделения компартии Сю Чан. <...> С 93 г. сельский комитет и отделение компартии Уканя переродились, превратившись в преступный синдикат» [Zhang, 2012 а].

В речи Линя названа глубинная причина земельного конфликта в сельском Китае. С южного турне Дэн Сяопина в 1992 г. модель стимулирования местной экономики предусматривала развитие поселковых предприятий по инициативе местной власти на основе привлечения зарубежного капитала и использования дешевых земельных ресурсов и рабочей силы [Oi, 1995]. Эксплуатация сельских средств производства ради модернизации Китая привела к обнищанию крестьян и потерям ими земли [Sargeson, 2013]. В этом процессе развития экономики сельские органы власти начали функционировать как компании, в результате чего и произошло срастание политической элиты и бизнес-элиты на локальном уровне. Как привилегированные круги, они пользуются большими преимуществами в распределении экономических выгод от движения Китая к преуспеянию [Oi, 1995].

В рано урбанизированном рыбацком селе Укань пахотная земля не являлась основным средством производства, против ее продажи в 1990-е и начале 2000-х годов жители Уканя не возражали [см.: Zeng, Zhang, 2015]. Они начали осознать свой ущерб только в контексте резкого роста стоимости земли примерно с 2005 г. Парадоксальным стал тот факт, что благодаря реформам улучшались экономические условия жизни жителей Уканя, но они сильнее чувствовали себя обделенными из-за того, что лишились дивидендов экономического развития в форме повышенной стоимости земли.

Массмедиа упоминают тайный сговор между чиновниками и инвестором как причину возникновения «протеста с возмущением» 21–22 сентября, но редко освещают его как структурную проблему. Только в некоторых массмедиа, цитируя речь тогдашнего секретаря комитета КПК провинции Гуандун Ван Ян, отмечается, что протесты в Укани вызваны *«игнорированием противоречий, накопленных в экономическом и социальном развитии»* [Hu, 2011], но не проясняется, какие это противоречия. В интернет-медиа, напротив, открыто пишут, что *«инцидент в Укани <...>, это жесткая борьба масс против захвата бюрократическим привилегиро-*

ванным классом общественного достояния» [Chen, 2012]. Кроме того, в массмедиа транслируется только противостояние между населением Уканя и сельскими чиновниками, в слепой зоне оказывается роль капитала в захвате коллективной земли: в одном медиатексте даже подчеркивается: «...но в этом не виноват капитал» [Tudi, 2011].

Главное требование жителей Уканя – возвращение им каждого куска проданной земли [Zhang, 2012 a]. Но в существующей правовой системе Китая их требование невозможно удовлетворить: в соответствии с законом коллективная собственность жителей Уканя на большинство потерянных земель уже изменена на государственную, а на данный момент в Китае отсутствует правовая основа аннулирования таких контрактов

В массмедиа и интернет-медиа почти не упомянуто это радикальное требование, а освещаются более абстрактное требование возвращения земли и более осуществимое требование расследования продажи земли. Только в одном медиатексте отмечена сложность конфликта в Укани: «...и даже если правительство было бы в силах удовлетворить требование Уканя, <...> оно не было бы способно таким образом скорректировать все подобные реквизиции. <...> Что делать, если другие села потребуют того же?» [Sun, 2012]. Земельные требования протестующих до сих пор не полностью удовлетворены. Поэтому в июне – сентябре 2016 г. снова возникли протесты в Укани, и в этот раз массмедиа разрешено только транслировать позицию местных властей, что требования жителей Уканя необоснованные.

В ходе мобилизации активисты косвенным образом использовали дискурс социалистической революции, например, играли Гимн КНР, «Интернационал» и другие революционные песни. Из материалов медиа узнать об этом невозможно. Хотя заимствование дискурса социалистической революции придает протестам оттенок классовой борьбы, в целом жители Уканя не восприняли ситуацию на основе дискурса класса. В связи с этим деполитизация протестов в массмедиа только в ограниченной степени препятствует формированию классового сознания крестьян.

Другой важной сюжетной линией протестов является антикоррупция. «Долой коррупционеров» [Zhang, 2012 a] становилось второй центральной целью протестов. Медиа редко ссылаются на дискурс антикоррупции при освещении протестов. Среди всех

90 медиатекстов только два касаются коррупции, и слово «коррупция» в остальных медиатекстах упоминается лишь 20 раз. В массмедиа лишь один раз протесты интерпретировались следующим образом: «Член КПК Линь Цзудуань от имени десятков тысяч местных сельских жителей бросил вызов коррумпированным чиновникам – членам КПК, нарушающим линию и политику партии» [Tang, 2012].

Кроме того, протестующие часто использовали такие лозунги как «Да здравствует компартия» и «Без центрального правительства мы не можем решить наши проблемы» [Zhang, 2012 a] для поиска покровительства высших органов власти. Массмедиа редко сообщают об этом, игнорируя права обычных китайцев на поиски защиты у компартии и государства, несмотря на то, что такие права предусмотрены в доктрине КПК и Конституции КНР. В этом смысле массмедиа деконструируют «социалистические с китайской спецификой» отношения между государством и гражданами КНР.

Деполитизация отражается и в том, что массмедиа, скрывая глубинные причины конфликта и радикальное требование протестующих, преуменьшают антагонизм низового слоя и местной элиты. В результате представленные в массмедиа протесты имеют вид повседневного сопротивления. Это создает иллюзию, будто бы конфликт в Укани вызывают просто неправомерные поступки некоторых чиновников или недостаточная компенсация за потерю земли, а проблема легко решается в правовых рамках через диалог и компромисс. Таким образом, в массмедиа исключается возможность обсуждения накопленных в процессе реформ проблем относительно общественной справедливости. Например, как компенсировать сельским жителям – «жертвам» реформ их экономические потери, как безземельные крестьяне могут лучше воспользоваться достижениями реформ?

Реполитизация I: Медиа как новые протестующие

Фрагментарная репрезентация протестов жителей Уканя ведет к переплетению в медиа реальных сцен протестов и воображенных медиа сценариев сопротивления. Медиафреймы «преступ-

ление» и «массовый инцидент», созданные местными массмедиа, выражают позицию местных властей и выступают орудием стигматизации и репрессий. «Правомерное сопротивление» с акцентом на ущерб экономическим интересам протестующих оправдывает протесты дискурсом «права выживания». Остальные фреймы «земельная реформа», «защита прав», «демократизация» и «классовая борьба» придают политическое значение протестам. Анализ этих четырех медиафреймов позволяет подробно обсуждать реполитизацию протестов в медиа.

Протесты жителей Укани представляются в «земельной форме» как часть общественного движения в защиту земельных прав крестьян. Причина конфликта определяется тем, что *«в существующей системе управления сельскими землями коллективная собственность оказывается только формальной и отсутствует механизм защиты прав коллектива»* [Tudi, 2011]. Большинство медиа предлагают через законодательство расширять права крестьян как индивидуальных распорядителей земель и повышать компенсации за проданные земли. Некоторые массмедиа рыночной ориентации говорят намеками о приватизации земли. В медиатекстах не найдены предложения по усилению коллективной собственности на земли, хотя по Конституции земля находится в общественной собственности — это основа социалистической экономической системы Китая.

Освещение протестов в медиафрейме «защита прав» проходит по линии аргументации обеспечения политических прав сельских жителей. *«Конфликт в Укани коренится в том, что самоуправление сельского населения и низовая демократия существуют только в названии»* [Zhu, 2012], в результате чего местные власти могут посягать на интересы сельских жителей. В «защите прав» разрешение конфликта увязывается с тем, насколько полно защищаются права сельских жителей на голосование и демократический надзор и как работает демократический механизм принятия решений.

«Защита прав» характеризуется той логикой, что, если политические права сельских жителей гарантированы, то их экономические интересы будут защищены. Однако в планах активистов увольнение сельских чиновников являлось необходимым, но только первым шагом, который необязательно обеспечивал возвращение земли. После проведения перевыборов в Укани 4 марта 2012 г. активист Чжан Цзяньсин написал в своем блоге, что *«пока земля не*

возвращена, нам это не удастся. Мои слова составляли контраст с атмосферой в массмедиа, которые праздновали успех Уканя. Но при этом контрасте (Укань) был так бессилён, так одинок» [Zhang, 2012 b].

Медиафрейм «демократизация» вписывает протесты в картину реализации западной демократии и конституционализма в Китае. Массмедиа рыночной ориентации полагают, что так как политическое устройство КНР не позволяет развивать автономное общество, *«жалобы часто превращаются в радикальные, насильственные протесты» [Xiao, 2011].* Интернет-медиа дальше сообщают, что *«ущерб жителям причинила диктатура и коррупция чиновников, которая обусловлена <...> отсутствием демократической политической системы в Китае» [Wei, 2012].* В то время когда массмедиа косвенно предлагают умеренную реформу политической системы, интернет-медиа уже со всей прямотой требуют политической трансформации в Китае. Медиатексты, посвященные «демократизации», высоко оценивают «успешное решение конфликта в Укани» как надежное начало политической реформы.

Одинаково высоко оценивая задачу развития политических прав граждан, медиафреймы «защита прав» и «демократизация» усиливают заметность друг друга в публичном пространстве. В результате смещения акцента на проблему защиты прав, на второй план отодвигаются медиафрейм «земельная реформа» и земельные требования жителей Уканя. С другой стороны, фреймы «защита прав» и «демократизация» способствовали демократическому просвещению в Укани. Медиа впервые познакомили сельских жителей с понятиями «процедурная демократия» и «автономность общества». Сельские перевыборы сами по себе послужили демократической практикой. Благодаря китайским и зарубежным СМИ, перевыборы привлекли внимание ученых, специализирующихся на сельской демократии, которые предлагали дельные советы по организации выборов.

Медиафрейм «классовая борьба» задает рамку осмысления протестов как современного социалистического движения. С точки зрения «классовой борьбы», из-за развития рыночной экономики местные чиновники становились капиталистами или крупными землевладельцами. Жители Уканя, *«продолжая традиции Первой китайской социалистической аграрной революции»*, героически боролись против новых богатых, выступали на защиту государст-

венной собственности, коллективизма и социалистической справедливости [Yang, 2012].

Медiateксты с позиции «классовой борьбы» не получают доступа в массмедиа, а распространяются только в интернет-медиа. В этом медиафрейме предлагается радикальный способ разрешения земельного конфликта – восстановление коммунистической общественной системы. Однако жители Уканя на практике боролись не против экономической реформы или маркетизации земли, а только против того, что они были лишены экономических дивидендов реформ.

В процессе создания четырех фреймов медиа превращают протесты жителей Уканя в схватку с властями для защиты права, утверждая влияние протестов на содействие системным изменениям в стране. Таким образом, решение земельного конфликта признается в медиа политической задачей. Расхождения между протестующими и медиа в понимании характера протестов показывают, что реполитизация протестов вызвана не сочувствием медиа к несчастью крестьян, а увлеченностью СМИ реформированием Китая. Реполитизации протестов в медиа можно дать такую трактовку: используя известность протестов и давление крестьян на власти, медиа как новые протестующие предъявляют требование реформ к законотворческим органам власти.

Реполитизация II: Гегемония массмедиа в отчуждении протестов

Несмотря на готовность медиа продвигать общественный прогресс, освещение ими событий ведет к отчуждению протестов в публичной сфере: отраженные в медиа протесты отклоняются от целей, за которые крестьяне на практике боролись, а становятся движущей силой предпочитаемых медиа реформ.

Как следствие, сельским протестующим не хватает подлинного представительства в медиа. Жителям Уканя не предоставляются возможность выражать в медиа свою точку зрения по вопросам, касающимся реформирования сельского общества – в медиа отражаются только взгляды журналистов, ученых и чиновников. А между тем сельским жителям тоже есть что сказать. В частности, хотя содействие институциональным изменениям не является

целью протестов, активисты хотели, чтобы на основе их опыта сформировалась модель для решения схожих земельных проблем в других селах [Zhang, 2012 b]. Вопреки этой логике, медиа выдвигают меры макроуровневых реформ, с помощью которых будто бы можно раз и навсегда разрешить все сложные проблемы в сельской местности Китая. Можно сказать, что в сельских протестах не проявляются взаимное понимание и тесное сотрудничество между протестующими и медиа.

Далее, отчуждение протестов обнаруживается в том, что массмедиа вписывают сельские протесты в рамки углубления реформ, хотя сами протесты в них не совсем укладываются. Выделяются два представленные массмедиа курса реформ: неолиберальный транзит и официальный курс развития. В первом случае массмедиа рыночной ориентации связывают протесты жителей Уканя с актуальностью создания гражданского общества, приватизации земли и демократизации КНР. При этом массмедиа с опорой на принцип верховенства права определяют умеренное улучшение нормативной системы как способ реформ, чтобы избежать обострения социальной напряженности. В свете второго варианта протесты признаются сигналом о необходимости осуществления линии центрального руководства в сельской местности, например усиления сельского самоуправления и расширения земельных прав крестьян.

Смесь официальной и неолиберальной перспектив реформ доминируют в массмедиа вследствие ряда политэкономических и культурных причин. В частности, центральное партийное руководство использует медиа для «пропаганды и агитации» реформ [Xia, Yuan, 2017], и официальный курс развития представляет выборочное применение неолиберальных стратегий [Ong, 2006, p. 3–13]. Это дает массмедиа рыночной ориентации существенную, но ограниченную, возможность артикуляции либерализации. В этом смысле три медиафрейма в массмедиа – «земельная реформа», «защита прав» и «демократизация», по сути, транслируют близкие политические ценности, а именно: неолиберальные принципы. В то же время центральные массмедиа, чтобы деполитизировать протесты, избегают ссылаться на партийные и социалистические ценности и тем самым уступают дискурсивное поле неолиберальным фреймам.

Дискурсом углубления реформ маскируется тот факт, что крестьяне оказываются жертвами проводимых в КНР экономических реформ, и протесты в Укани на самом деле вызваны побочным эффектом реформаторского курса. Осознав свою обездоленность, активисты в открытом письме к жителям Уканя задаются вопросом: *«Разве в Китае из-за развития капитализма больше не нужны крестьяне?»* [Zhuang, 2009]. В массмедиа не вспоминается проблематичный аспект политики реформ, а распространяется предположение, что посредством углубленных реформ разрешится противоречие, порождением которого на самом деле является модель развития экономики в реформируемом Китае. Хотя даже вскоре после протестов в Укани тогдашний премьер Госсовета Китая Вэнь Цзябао 27 декабря 2011 г. замечал, что *«не следует продолжать снижать себестоимость индустриализации и урбанизации в ущерб экономическим правам крестьян на земли»* [Wen Jiabao... 2011], массмедиа все-таки затушевывали проблему социальной справедливости дискурсом защиты прав.

Для характеристики отчуждения протестов можно использовать понятие «гегемония массмедиа»: массмедиа преобразуют форму и содержание общественных конфликтов таким образом, чтобы коннотация конфликтов стала совместимой с доминирующей системой значений [Gitlin, 1979, p. 264]. Соответственно, в китайских массмедиа отстаивание крестьянами Уканя интересов приобретает одно-единственное политическое значение – как часть общенационального движения за углубление реформы. Наличие гегемонии массмедиа также отчасти объясняет, почему некоторые аспекты ФКД и альтернативная реполитизация протестов – фрейм «классовая борьба» – не получают доступа к массмедиа. Исходя из этого, можно утверждать, что массмедиа в Китае не выступают символическим пространством для открытого обсуждения между различными заинтересованными группами, опирающимися на разные политические ценности.

Заключение

Де- / реполитизация протестов в медиа осуществляется через «журналистские» преобразования событий. В этом процессе сельские жители не в силах оказать влияние на воспроизводство значе-

ния их протестов в медиа. Показательно, что медиа, подчеркивая важность защиты политических прав сельских жителей, не обеспечивают им права выражать мнение в публичной сфере. Как следствие медиа вносят ограниченный вклад в развитие политического сознания крестьян.

Исследование подтверждает, что де- / ре-политизация протестов в китайских массмедиа проявляет черты «исчезновение дискурса класса – доминирование неолиберализма». В этом процессе снижается «антисистемная» радикальность крестьянских протестов: деполитизация размывает острое противоречие между сторонами конфликта, а реполитизация вписывает протесты в рамки углубления реформ. Фреймы «демократизация» и «классовая борьба» в интернет-медиа, напротив, имеют тенденцию к радикализации конфликта.

Положительное освещение протестов помогает протестам завоевать легитимность и резонанс, что является важными рычагами влияния на принятие властями решения относительно жалоб протестующих. Однако, в то же время в медиа происходит отчуждение протестов вопреки желаниям протестующих.

Неизбежен вопрос: служат ли медиафреймы интересам крестьян? Предложенные медиа способы решения сельских проблем касаются лишь реформ макро- и мезоуровня и в этом отношении являются скорее теоретическими, чем практическими. Кроме того, массмедиа рыночной ориентации проявляют чрезмерный энтузиазм относительно неолиберальных ценностей, по сути следуя за популярным в 1990-е годы академическим трендом оценки сельских выборов как зародыша демократизации Китая [Choate, 1997]. Идеологическая озабоченность препятствует глубокому пониманию медиасельского общества и крестьянских интересов. Между тем в академических кругах ставят под сомнение эффективность приватизации земли и других неолиберальных мер на защиту земельных интересов крестьян и предотвращение разорения сельского общества Китая [Lv, 2010], что позволяет говорить об опасности неолиберального консенсуса в массмедиа относительно разрешения земельного конфликта в Китае.

Отсюда наш заключительный вывод: показывая крестьянские протесты, медиа должны сознательно воздержаться от собственного идеологического предпочтения, устанавливать искренние связи с протестующими и способствовать рациональному обсуж-

дению сельских проблем, воспитанию политического сознания крестьян и обеспечению здорового развития сельского общества.

Список литературы

- Лю Я. Публичная сфера под контролем: Современный опыт регулирования интернет-журналистики в КНР // Ойкумена: Регионоведческие исследования. – Владивосток, 2016. – № 2. – С. 32–43.
- Chan C.K.C, Ngai P. The making of a new working class? A study of collective actions of migrant workers in South China // The China quarterly. – Cambridge, 2009. – Vol. 198. – P. 287–303.
- Chen X. Wukan de yidabu, Zhongguo de yixiobu [Big step of Wukan – Small step of China] // Gongshi wang [Consensus (21 ccom.net)]. – Beijing, 2012. – 5 January. – Mode of access: http://www.21ccom.net/articles/sxpl/pl/article_2012010451421.html (Дата посещения: 18.01.2017.)
- Choate A.C. Local governance in China: An assessment of villagers' committees. – San Francisco, 1997. – 19 p. – (Asia foundation working paper series). – Mode of access: <http://unpan1.un.org/intradoc/groups/public/documents/apcity/unpan018197.pdf> (Дата посещения: 23.07.2017.)
- Entman R.M. Framing: Towards clarification of a fractured paradigm // Journal of communication. – N.Y., 1993. – Vol. 43, N. 3. – P. 51–58.
- Feng X. China: Solidarity under a song: What a strike tells us // Fondation Institut d'Études Avancées de Nantes. – Nantes, 2013. – Mode of access: <https://www.iea-nantes.fr/rtefiles/File/china.solidarity-under-a-song.pdf> (Дата посещения: 10.05.2017.)
- Frame alignment processes, micromobilization, and movement participation / D.A. Snow, E.B. Rochford Jr., S.K. Worden, R.D. Benford // American Sociological Review. – Menasha (Wis.), 1986. – Vol. 5, N 1. – P. 464–481.
- Gitlin T. Prime time ideology: The hegemonic process in television entertainment // Social Problems. – Berkeley (CA), 1979. – Vol. 26, N 3. – P. 251–266.
- Goffman E. Frame analysis: An essay on the organization of experience. – Boston: Northeastern univ. press, 1986. – 600 p.
- Hu Sh. Wukan shijian zhi jian [Lessons from Wukan incident] // Xinshiji Zhoukan [Century Weekly]. – Beijing, 2011. – 26 December. – Mode of access: <http://magazine.caixin.com/2011-12-23/100341960.html> (Дата посещения: 23.06.2017.)
- Lee C.K., Zhang Y. The power of instability: Unraveling the microfoundations of bargained authoritarianism in China // American Journal of Sociology. – Chicago, 2013. – Vol. 118, N 6. – P. 1475–1508.
- Lv D. Meiti dongyuan, dingzihu yu kangzheng zhengzhi. Yihuang shijian zai fenxi [Media mobilization, nail-houses and contentious politics: Reanalysis of the Yihuang incident] // Shehui [Chinese journal of sociology]. – Shanghai, 2012. – N 3. – P. 129–170.
- Lv X. Xin xiangtu zhuyi, huanshi chengshi pinminku? [New ruralism or urban slums?] // Kaifang shidai [Open times]. – Guangzhou, 2010. – N 4. – P. 115–135.

- Ngai P., Chan C.K.C. The subsumption of class discourse in China // *Boundary 2*. – Durham, 2008. – Vol. 35, N 2. – P. 75–91.
- O'Brien K., Li L. Rightful resistance in rural China. – N.Y.: Cambridge univ. press, 2006. – 200 p.
- Oi J. The role of the local state in China's transitional economy // *The China Quarterly*. – Cambridge, 1995. – Vol. 144. – P. 1132–1150.
- Ong A. Neoliberalism as exception: mutations in citizenship and sovereignty. – Durham: Duke univ. press, 2006. – 304 p.
- Perry E.J. Challenging the mandate of heaven: popular protest in modern China // *Critical Asian studies*. – Abingdon, 2001. – Vol. 33, N 2. – P. 163–180.
- Perry E.J. Chinese conceptions of «rights»: From Mencius to Mao – and now // *Perspectives on politics*. – Cambridge, 2008. – Vol. 6, N 1. – P. 37–50.
- Sargeson S. Violence as development: Land expropriation and China's urbanization // *Journal of peasant studies*. – L., 2013. – Vol. 40, N 6. – P. 1063–1085.
- Snow D.A., Benford R.D. Ideology, frame resonance, and participant mobilization // *International social movement research*. – Greenwich (Conn.), 1988. – Vol. 1, N 1. – P. 197–217.
- So A.Y. The changing pattern of classes and class conflict in China // *Journal of contemporary Asia*. – Abingdon, 2003. – Vol. 33, N 3. – P. 363–376.
- Steinhardt H.C. From blind spot to media spotlight: Propaganda policy, media activism and the emergence of protest events in the Chinese public sphere // *Asian studies review*. – L., 2015. – Vol. 39, N 1. – P. 119–137.
- Sun L. Zheyici, bianhua zhende fasheng le [This time, changes did take place] // *Jingji guangcha bao* [The economic observer]. – Beijing, 2012. – 17 February. – Mode of access: <http://www.eeo.com.cn/2012/0217/221017.shtml> (Дата посещения: 10.05.2017.)
- Sun W. Subaltern China: Rural migrants, media, and cultural practices. – Lanham: Rowman & Littlefield, 2014. – 320 p.
- Tang B. Wukan cunwei xuanju yinglin jiceng dangzuzhi chongjian [Wukan village election leads to the reconstruction of grassroots Party organizations] // *Fenghuang Wang* [Ifeng.com]. – Hong Kong, 2012. – 18 January. – Mode of access: http://news.ifeng.com/opinion/phjd/sh/detail_2012_01/18/12050812_2.shtml (Дата посещения: 18.01.2017.)
- Tudi zhidu wenti shi zhongguo nongcun de genben wenti. [The land system problem is fundamental in rural China] // *Guangming wang* [Gmw.cn]. – Beijing, 2011. – 28 December. – Mode of access: <http://news.163.com/11/1228/11/7MBVPAU300014AEE.html> (Дата посещения: 23.06.2017.)
- Wang H., Connery C. Depoliticized politics, multiple components of hegemony, and the eclipse of the Sixties // *Inter-Asia cultural studies*. – Abingdon, 2006. – Vol. 7, N 4. – P. 683–700.
- Wei D. Cong Wukan chufa: Zhongguo disanci nongcun baowei chengshi [From Wukan: The third movement of Encircling Cities from Rural Areas] // *Gongshi wang* [Consensus (21ccom.net)]. – Beijing, 2012. – 9 January. – Mode of access: <http://www.21ccom.net/articles/zgyj/dfzl/2012/0107/51616.htm> (Дата посещения: 18.01.2017.)

- Wen Jiabao: You biyao dafu tigao nongming zai tudi zengzhi shouyi zhong fenpei biyi [Wen Jiabao: It's necessary to substantially increase the farmers' proportion in the distribution of added value of land] // Caijing [Finance (caijing.com.cn)]. – Beijing, 2011. – 27 Dec. – Mode of access: <http://money.163.com/11/1227/19/7MA9N84R00253B0H.html> (Дата посещения: 23.06.2017.)
- Wong L. Chinese migrant workers: Rights attainment deficits, rights consciousness and personal strategies // The China quarterly. – Cambridge, 2011. – Vol. 208. – P. 870–892.
- Xia Q., Yuan G. State division, control networks and the opportunity structure of the coverage of contentious issues // Media and society in networked China / Ed. by J. Qiu. – Leiden: Brill, 2017. – Forthcoming.
- Xiao S. Xue Jingbo xianran siyu weiwenqiang moshi [Xue Jingbo obviously died of the policy of maintaining stability] // Fenghuang wang [Ifeng.com]. – Hong Kong, 2011. – 12 December. – Mode of access: <http://www.zjjzx.cn/news/shxw/131293.html> (Дата посещения: 23.06.2017.)
- Xing G. Online activism and counter-public spheres: A case study of migrant labour resistance // Javnost-The public. – Abingdon, 2012. – Vol. 19, N 2. – P. 63–82.
- Yang J. Tan Wukan shijian de benzhi yi yi [About the nature of Wukan incident] // Caogen wang [Grassroots (Caogen.com)]. – Zhejiang, 2012. – 6 January. – Mode of access: http://www.caogen.com/blog/infor_detail/32690.html (Дата посещения: 23.06.2017.)
- Yu J. Dangdai woguo quntixing shijian de zhuyao leixing ji qi jiben tezhen [Major types and basic characteristics of mass incidents in today's China] // Zhongguo zhengfa daxue bao [Journal of CUPL]. – Beijing, 2009. – N 6. – P. 114–120+160.
- Zeng Z., Zhang Y. Zhengshang guanxi de dijie, guhua yu wajie: Wukan tudi kangzheng zhong de difang zhengfu zizhu xing yu shehui lilian [The establishment, stabilization and collapse of the government-business relations: The autonomy of local government and social power in Wukan's struggle for the land] // Gonggong guanli pinglun [China public administration review]. – Beijing, 2015. – Vol. 20. – P. 73–94.
- Zhang J. Chengbai Wukan [Gain and lose of Wukan] // Xinlang boke [blog.sina.com]. – Beijing, 2012 b. – 17 Oct. – Mode of access: http://blog.sina.com.cn/s/blog_5ef6da2e010185li.html (Дата посещения: 23.06.2017.)
- Zhang J. Wukan! Wukan! – Shanwei, 2012 a. – Mode of access: https://www.youtube.com/watch?v=Lb_tto2GwoU&t=59s (Дата посещения: 02.08.2017.)
- Zhao Y. Chinese media, contentious society // Mass media and society / Ed. by J. Curran. – L., 2010. – P. 252–270.
- Zhao Y. Wu Ch. Re-establish socialist cultural leadership in the networked Era? State, intellectuals, and working-Class political communication // Media and society in networked China / Ed. by J. Qiu. – Leiden: Brill, 2017. – Forthcoming.
- Zhu J. Tanxun zouchu zhuanxing xianjing de dongli [Searching for the motivation to escape transformation trap] // Zhongguo gaige [China reform]. – Beijing, 2012. – N 2. – Mode of access: http://blog.sina.com.cn/s/blog_96a3ed1e0100ywe5.html (Дата посещения: 23.06.2017.)
- Zhuang H. Women bushi wangcunnu [We will not be slaves without our village]. – Shanwei, 2009. – 3 April. – Mode of access: http://cnlaf.blogspot.ru/2011/09/blog-post_29.html (Дата посещения: 02.08.2017.)

С КНИЖНОЙ ПОЛКИ

М.О. Комин^{*}

**МНОЖЕСТВЕННЫЕ ПОЛЯ И УПРАВЛЕНИЕ
ИДЕНТИЧНОСТЬЮ: НОВЫЙ ПОДХОД ДЛЯ АНАЛИЗА
ПРИЧИН И ДИНАМИКИ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ
ТРАНСФОРМАЦИЙ**

**Рецензия на кн.: Fligstein N., McAdam D. A Theory of fields. –
Oxford: Oxford univ. press, 2012. – 256 p.**

Проблема необходимости учета множества факторов, одновременно влияющих на социальные трансформации, а также находящихся в постоянном взаимодействии между собой, относится к числу наиболее актуальных для наук, с 1990-х годов объединенных под общим зонтичным направлением «Исследования развития» («development studies») [A radical history... 2016]. Доминирующий фактически с середины XX в. вектор на предметную дифференциацию внутри научных сфер и парадигм привел к появлению большого числа теорий микро- и мезоуровня, объясняющих важность учета различных переменных, способных влиять на направление социальных изменений. Подходы, подобные «culture matters», «institutions matter» «geography matters», «gender matters» и другие, стали отражением этого тренда в развитии науки и позволили выйти на принципиально новый уровень по глубине и качеству исследования

^{*} **Комин Михаил Олегович**, старший эксперт Центра стратегических разработок (Москва, Россия); аспирант Департамента политологии Финансового университета при Правительстве РФ (Москва, Россия), e-mail: kominmo@yandex.ru

Komin Michael, Center for strategic research (Moscow, Russia); Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russia), e-mail: kominmo@yandex.ru

взаимосвязи отдельных общественных феноменов. Набирающий в последние годы популярность мультидисциплинарный подход призван компенсировать некоторый перекося в исследованиях, используя наиболее комплементарные теоретические предпосылки изначально узконаправленных теорий. Получаемые на выходе теории макро- и мезоуровня (с высокой степенью абстракции) пытаются обеспечить возможность одновременного учета нескольких факторов, гарантируя минимальные потери в точности аппарата измерений.

К подобным теориям мезоуровня высокой степени абстракции относится и работа американских социологов Нила Флигстина и Дуга Макадама о «стратегических полях взаимодействия» (*strategic action fields*, SAF), увидевшая свет в 2012 г. Построенная на синтезе подходов символического интеракционизма, неоинституционализма (как исторического, так и рационального выбора [Hall, Taylor, 1996]), теории социальных движений, влияния социокультурных факторов и модели полей Пьера Бурдьё [Bourdieu, Wacquant, 1999] – теоретическая рамка Флигстина и Макадама стремится описать процесс конструирования, институционализации и изменения порядков социального взаимодействия. Как пишут сами авторы, «основная цель их книги – выявить интегрирующую теорию, способную объяснить, как стабильность и изменяемость систем зависят от действий социальных акторов на ограниченных социальных аренах (*circumscribed social arenas* (р. 3). Именно на этих «аренах» выстраиваются «стратегические поля взаимодействия» (далее – SAF), являющиеся основным структурным элементом в любой из современных подсистем: политике, экономике, государстве, гражданских организациях и т.д.

Метафору поля американские социологи заимствуют у Пьера Бурдьё и группы исследователей, развивавших концепт французского философа в применении к институциональной теории (В. Пауэлл и П. Димаджо, Р. Скотт и Дж. Мэйер и др.). Под полями в данном случае понимаются различные сферы, в которых происходят социальные процессы, но которые автономны друг от друга и характеризуются собственными формами властвования, правилами взаимодействия, оценки и приписывания статусов. Переход из одного поля в другой сопряжен с необходимостью принять ограничения и правила игры нового поля, подвергнуться оценке, согласно установленным в нем критериям. Бурдьё описывал множество полей – от политического и экономического до

юридического и поля рынка труда, постоянно воздействующих друг на друга. Флигстин и Макадам дополняют эту теорию, обосновывая большую значимость для структуры поля не индивидуальных игроков, а коллективных акторов, мотивом действия которых может быть не только доминирование и конфликт, о чем, прежде всего, и писал Бурдьё, но и желание достичь консенсуса, порядка, стабильного положения внутри поля.

Поле Флигстина и Макадама становится «стратегическим» вследствие введения в его аппарат концептуализации трех типов игроков, два из которых они заимствуют из классических работ в неоинституциональной парадигме (теория игр, теория социальных движений, теория элит). Первый – коллективный актор, заинтересованный в сохранении действующего положения внутри поля, защитник и основной бенефициар статус-кво, называемый термином «инкумбент» (*incumbent*). В политическом поле этому игроку, как правило, соответствует государство, правящая элита, обладающая властью и определенной степенью легитимности. Второй – противоположный ему коллективный актор, бросающий вызов и стремящийся изменить текущее положение вещей на более подходящее его представлениям и интересам, называемый «челленджером» (*challenger*). В рамках политического поля этому игроку соответствует контрэлита, оппозиция, пытающаяся оспорить легитимность и забрать власть у правящей элитной группы. Эти два типа игроков находятся в постоянном взаимодействии, и без вмешательства внешних по отношению к этому стратегическому полю сил, их действия уравновешивают друг друга, образуя стабильное положение системы. При этом эта стабильность (консенсус) динамична, т.е. отдельные характеристики, правила локального порядка могут изменяться вместе с изменением в соотношении сил между акторами.

Третий тип игроков, который авторы вводят в SAF, является новым для социологической и политологической литературы. Флигстин и Макадам называют этот тип «узлами внутреннего управления» (*Internal Governance Unit, IGU*), функцией которого является «опосредованное < т.е. не прямое > обеспечение рутинной стабильности и порядка» (р. 77). IGU выступают на стороне инкумбентов, в качестве ресурса легитимности установленного ими порядка, наблюдателями за соблюдением правил игры, трансляторами их позиции на более широкие группы, однако напрямую IGU с инкумбентами не аффилированы. В политическом поле к таким

игрокам можно отнести пул негосударственных объединений, играющих роль медиатора или источника обратной связи для правящей группы, например, профсоюзы, группы интересов, сообщества экспертов и т.д. В условиях стабильности поля стратегического действия, IGU в моменты самоидентификации отстраиваются от государства и правящей элиты, но в кризисные периоды, периоды нестабильности поля выступают в качестве консервативной силы, стремящейся вернуть систему в равновесие.

Подобная трактовка процессов внутри SAF напоминает концепцию Карла Мангейма о взаимосвязи идеологии и утопии [Мангейм, 1994]. Согласно немецкому философу, господствующие группы, используя различные каналы, формируют картину восприятия мира (идеологию), обосновывающую доминирование именно этих групп, как бы «скрывая» имеющуюся в этом несправедливость. Группы контрэлит формулируют и стараются продвигать альтернативную картину мира (утопию), с критикой господствующей идеологии и путями перехода в более приемлемую для них политико-экономическую систему. Когда «поклонников» утопии становится больше, чем «поклонников» идеологии, группы и их месседжи меняются местами, происходит социально-политическая трансформация, и процесс противостояния двух картин мира повторяется заново. Важное дополнение Флигстина и Макадама к теории Мангейма – операционализация игроков в рамках поля и создание аппарата описания и анализа предпринимаемых ими действий. Кроме того, Мангейм описывает исключительно макропроцессы, происходящие при социальной трансформации, в то время как авторы теории SAF дают возможность погружения в конкретные детали этого макропроцесса, с различением внутри него нескольких полей, влияющих друг на друга.

Возможность для анализа этого взаимного влияния нескольких SAF предоставляет еще одно свойство описанного выше типа акторов IGU, которые, по мысли Флигстина и Макадама, могут присутствовать «одной ногой внутри SAF, а другой – вне его, в окружающей среде» (р. 78), т.е. в других, соседних полях. Описываемые Флигстином и Макадамом SAF хотя и автономны друг от друга, тем не менее погружены в единое пространство и могут пересекаться, образуя круги Эйлера, или впадать друг в друга, образуя «матрешечные» структуры. В этом случае IGU являются проводниками, «узлами», через которые происходит воздействие внешней среды по

отношению к полю, на его локальный порядок. Флигстин и Макадам убедительно показывают, что именно окружающая среда SAF, процессы в ней, служат главными источниками нестабильности внутри самого поля, вызывая наиболее масштабные социальные трансформации. Кроме того, эти трансформации внутри одного поля неминуемо вызывают волновую реакцию и дестабилизацию в других, соседних полях, подобно тому как экономический кризис вызывает политическую дестабилизацию, изменение наиболее распространенных организационных моделей в компаниях, деформирует рынок труда, влияет на потребительские практики, распределение социальных ролей в семье и на многое другое.

Таким образом, Флигстин и Макадам подчеркивают важность учета при анализе социальных изменений внешней по отношению к рассматриваемому полю окружающей среды и предоставляют исследователю методологию для вовлечения важных, но не относящихся напрямую к исследовательской модели факторов в объекты анализа без чрезмерного расширения исследовательского поля. В этом состоит первое из практических преимуществ использования данной теоретической рамки для анализа социально-политических процессов.

Второе важное практическое преимущество разрабатываемой Флигстином и Макадамом теории – более полное, чем это было возможно до этого, соединение в рамках одного аппарата анализа институциональных факторов и социокультурного контекста, политики идентичности или так называемой символической политики (*symbolic politics*) [Sears, 1993]. Эту возможность авторы предоставляют благодаря интегрированию в их подход заимствованной из символического интеракционизма идеи экзистенциальной функции социального (*existential function of the social*), понимаемой как естественная и неотъемлемая для каждого индивида потребность в создании смыслов и определении себя как части некоторой социальной группы, направляемой этими смыслами. Индивид, гонимый страхом непонимания цели своего существования, продуцирует эту цель для себя и старается убедить в ее эффективности других, вступая с ними в конкуренцию за смыслы, и тем самым создавая определенные идентичности или ассоциируя себя с ними.

Флигстин и Макадам делают следующий шаг за эту посылку символического интеракционизма и в течение всей второй главы рассматриваемой книги убедительно доказывают, что подобное

создание смыслов (meaning making) является мощным основанием для коллективного действия, которое может привести к масштабным социально-политическим трансформациям, т.е. изменению внутри SAF. При этом «успешность» стимулирования других к кооперации и действиям у разных акторов отличается и определяется их социальным навыком (social skill) – возможностью наиболее точно ассоциировать себя с другими и создать с ними общую идентичность и мотивацию к действиям. Однако источник для создания новых смыслов и идентичностей в большинстве случаев лежит не внутри самого SAF, а в окружающей его среде. Поэтому главной задачей челленджеров каждого SAF становится использование входящих через IGU колебаний из другого поля и переработка этого информационного потока в новые идентичности, актуальные для этого SAF и способные стимулировать существенное число акторов на совершение коллективных действий по изменению системы внутри поля. Подобные действия челленджеров противопоставляются властным ресурсам и легитимности (т.е. возможности поддержания доминирующей трактовки реальности) инкубентов, что и позволяет ввести в научный анализ одновременно институциональные позиции акторов и дискурсивные практики формирования идентичностей, основанные на окружающем социокультурном контексте.

В современных исследованиях социально-политических трансформаций проблема учета факторов идентичности и доминирующего дискурса не разрешена до конца, однако исключительная важность их учета подчеркивалась неоднократно. Ряд исследователей описывают этот феномен как протестную идентичность [Goldstone, 2001], влияющую на эффективность консолидации оппозиции и организации ими публичных протестных акций, способных подорвать легитимность господствующей элиты и привести к революции, что в терминах теоретической рамки Флигстина и Макадама можно назвать изменением локального порядка SAF. Более современные исследования, в том числе основанные на анализе российского опыта [Smyth, Sobolev, Soboleva, 2013], уделяют внимание стратегиям разрушения смыслов и дискурсов оппозиции, которые подрывают легитимность и стабильность режимов, т.е. в терминах рассматриваемой теории анализируют стратегии противостояния инкубентов использованию челленджерами социальных навыков для конструирования альтернативной картины

мира внутри SAF. Однако данные исследования ограничены в своем методологическом арсенале, поскольку рассматривают факторы конструирования смыслов и идентичностей либо как отдельный феномен [см. напр.: Малинова, 2013], либо как одно из проявлений стандартного набора институциональных факторов. Напротив, теоретическая рамка Флигстина и Макадама позволяет посмотреть и на институциональные, и на символические факторы в равной степени, создавая основания для их взаимоучета и взаимовлияния в рамках стратегического взаимодействия акторов внутри полей.

Несмотря на свои преимущества, теория SAF имеет и ряд направлений для существенной доработки. Первое из них – учет в концептуализации социального навыка не только базовой потребности индивида в причислении себя к близкой социальной группе, но и в противопоставлении себя другим в дихотомии «я – они». Как показывают последние теоретические разработки, в том числе на российском опыте [Морозов, 2009], для конструирования коллективной идентичности важнее не то, с кем индивид или группа хотят себя ассоциировать, а то, кому они себя противопоставляют. На методологическом уровне взаимная увязка обеих этих характеристик идентичности может происходить через модель позитивного и негативного «конституирующего другого» («constitutive outside») [Laclau, Mouffe, 2001]. Подобное обогащение теории позволит более качественно описывать процессы трансформации и сохранения стабильности в политических полях, поскольку негативная идентичность, «образы врага» в политическом дискурсе и политическом процессе используются чаще, чем в остальных типах полей.

Второе направление для повышения степени применимости теории SAF – выявление генерализирующих характеристик поля, пригодных для сравнения нескольких кейсов. В данный момент подход Флигстина и Макадама оказывается наиболее применим в качестве глубокого анализа отдельных случаев социальной трансформации из-за фокуса внимания на частных и отличающихся в каждом отдельном случае переменных для анализа поля или полей. Авторы, безусловно, понимая это, демонстрируют применение своей теории в пятой главе рассматриваемой книги на двух совершенно отличных друг от друга кейсах – социально-политической трансформации в Южной Африке в ходе борьбы за гражданские права и более позднем примере социально-экономических транс-

формаций из-за изменений на рынке ипотечных ценных бумаг в США. Однако возможность рассмотрения темпоральной динамики контрастирует с возможностью сравнимости кейсов между собой, что снижает объяснительный и прогностический потенциал теории.

Тем не менее теория SAF Флигстина и Макадама обладает дополнительным преимуществом для анализа поля российской политики, вследствие ее концентрации не на формальных институтах и акторах, которые в России часто являются фасадными [Институциональная политология... 2006], а на неформальных нормах и практиках, реальном положении игроков внутри полей и их доступе к использованию инструментов символической политики, а не только имеющихся властных ресурсов.

Список литературы

- Институциональная политология: Современный институционализм и политическая трансформация России / Под ред. С.В. Патрушева. – М.: ИСП РАН, 2006. – 586 с.
- Малинова О.Ю. Проблема политически «пригодного» прошлого и эволюция официальной символической политики в постсоветской России // Политическая концептология. – М.: ЮФУ, 2013. – № 1. – С. 114–130.
- Манхейм К. Идеология и утопия // Манхейм К. Избранное. Диагноз нашего времени. – М.: Юрист, 1994. – С. 7-276.
- Морозов В.Е. Россия и другие: Идентичность и границы политического сообщества. – М.: Новое литературное обозрение, 2009. – 656 с.
- A radical history of development studies: Individuals, institutions and ideologies / Ed. by U. Kothari. – Chicago: Zed books Ltd., 2016. – 240 p.
- Bourdieu P., Wacquant L.J.D. The logic of fields: Interest, habitus, rationality. – Paris, 1999. – 348 p.
- Goldstone J.A. Toward a fourth generation of revolutionary theory // Annual Review of Political Science. – Palo Alto, 2001. – T. 4, N 1. – P. 139–187.
- Hall P., Taylor R. Political science and the three new institutionalisms // Political Studies. – Oxford: Blackwell Publishers, 1996. – Vol. 44, N 4. – P. 936–957.
- Laclau E., Mouffe C. Hegemony and socialist strategy: Towards a radical democratic politics. – N.Y.: Verso books, 2001. – 240 p.
- Mannheim K. Ideology and Utopia: An Introduction to the sociology of knowledge. – Eastford (CT): Martino fine books, 2015. – 352 p.
- Sears D.O. Symbolic politics: A socio-psychological theory // Duke studies in political psychology. Explorations in political psychology / S. Iyengar, W.J., McGuire (eds). – Durham: Duke univ. press, 1993. – P. 113–149.
- Smyth R., Sobolev A., Soboleva I. A well-organized play: Symbolic politics and the effect of the pro-Putin rallies // Problems of Post-Communism. – N.Y.: M.E. Sharpe, 2013. – T. 60, N 2. – P. 24–39.

В.О. Деткина*

**ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА
В РОССИЙСКИХ ДИССЕРТАЦИОННЫХ
ИССЛЕДОВАНИЯХ
(2001–2016)**

Аннотация. Статья представляет собой обзор диссертаций отечественных исследователей, научный интерес которых сосредоточен вокруг теории политического пространства. Подходы к определению и концептуализации, необходимость переосмысления понимания «политического пространства» в условиях современных трансформационных процессов являются центральной темой работ, представленных в настоящем обзоре.

Ключевые слова: теория; политическое пространство; политический процесс; территория; концептуализация.

**V.O. Detkina
Theory of political space
in Russian dissertations (2001–2016)**

Abstracts. The article is an overview of the dissertations of domestic researchers whose scientific interest is centered on the theory of political space. Approaches to the definition and conceptualization, the need to rethink the understanding of the «political space» in the conditions of modern transformation processes is the central theme of the scientific papers presented in this review.

Keywords: theory; political space; political process; territory; conceptualization.

* **Деткина Валерия Олеговна**, студентка 2-го курса магистерской программы «Прикладная политология» Национального исследовательского университета Высшая школа экономики (Москва, Россия), e-mail: valeriya_detkina@mail.ru

Detkina Valeriya, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia), e-mail: valeriya_detkina@mail.ru

Сложные и противоречивые процессы, протекающие в современном мире, способствуют появлению исследований, направленных на осмысление новых аспектов реальности. Возникает потребность в обогащении теоретической базы научных исследований, переосмыслении и актуализации понимания научных категорий.

Категория «политическое пространство» является важной для политической науки, поскольку определяет субстанциональную основу политической деятельности, среду, в которой протекают политические процессы [Ахременко, 2009].

Понятие «политическое пространство» широко используется как исследователями, так и публицистами. Однако на сегодняшний день фактически отсутствует общетеоретическая постановка проблемы политического пространства. Отечественные исследователи видят необходимость в обновлении методологической базы для изучения этого феномена, концептуализации его современной формы, выявлении теоретического содержания и расширении методологического потенциала.

В соответствии с традициями постструктурализма исследователи определяют политическое пространство как релятивную реальность, которая возникает в результате автономной деятельности политических акторов и состоит из отношений политического актора и других акторов и агентов общества [Кудашева, 2011].

Под влиянием глобализационных процессов и развития технологий современное политическое пространство качественно изменилось. Ученые, занимающиеся его исследованием, отмечают появление новых субъектов политики, способных распространять свою власть и влияние, выходя за пределы границ государств. Развитие системы коммуникаций и информационных технологий формирует новый, информационный уровень политического пространства [Семенов, 2010].

Н.В. Гришин впервые в отечественной исследовательской практике предпринял «попытку синтеза и согласования различных идей ведущих исследователей по проблемам политического пространства, сравнительного анализа подходов к определению сущности политического пространства, выявления общих принципов теории политического пространства» [Гришин, 2001].

Изучение эволюции понятия «политическое пространство» происходит в контексте родового понятия «социальное пространство». Первоначально исследователи, находясь под влиянием фи-

зикалистских тенденций, не вкладывали социального содержания в понятие «социальное пространство», рассматривая его исключительно как занимаемую социумом часть физического пространства. Однако уже в период классической социологии существовала группа исследователей, которые рассматривали социальное пространство именно как социальное явление, а не как социальное измерение физического пространства, но при этом трактовки понятия «социальное пространство» отражали общенаучную тенденцию того времени, согласно которой пространство представлялось как лишенное динамизма «вместилище вещей». Автор отмечает, что «социальное пространство рассматривалось как объективная реальность, существующая первично и независимо от занимающих его субъектов» [Гришин, 2001, с. 14].

Также для данного периода характерно «представление о частных пространствах с позиции социологического холизма, которая признавала приоритет общего над частным вплоть до полного растворения специфики последнего». Поскольку сферы социума функционально находятся в полной зависимости от социума в целом, то пространством политической деятельности является не часть, а все социальное пространство в целом [Александрова, 2004].

Во второй половине XX в. берет начало принципиально новый этап в развитии понятия социального пространства. Фокус его изучения смещается в сторону частных, видовых понятий социального пространства, в том числе понятия политического пространства. «Доминирующей тенденцией в определении социального пространства становится признание его динамичности, изменчивости, неразрывной связи со временем и деятельностью занимающих его субъектов» [Гришин, 2001, с. 20].

Вопрос о субъективном факторе в политическом пространстве и о роли политического субъекта в нем находил различные решения. Если в период распространения объективистских трактовок политического пространства господствующей тенденцией было приуменьшение субъектного фактора, то в постнеклассический период роль субъекта значительно возросла.

Н.В. Гришин с сожалением отмечает, что для отечественной исследовательской практики характерно понимание «пространства» преимущественно с физикалистской точки зрения, т.е. определение политического пространства во взаимосвязи с физическим пространством или территорией, изучение политических процес-

сов в границах определенной территории, ее экономико- и социально-географическими характеристиками. Данный подход ограничивает познавательные возможности исследователя и приводит к поверхностному пониманию того, что представляет собой политическое пространство.

На сегодняшний день информатизация и влияние глобальной сети Интернет на общество обусловили необходимость пересмотра привычной для российской исследовательской практики физикалистской точки зрения на понятия «поле» и «пространство» [Казанцев, 2004].

Современные зарубежные исследователи практически не прибегают к «физикализации» политического пространства. Основное внимание фокусируется на вопросах деятельности и практиках. На первый план выходит анализ субъектов политического пространства и стратегий политических акторов [Манжосов, 2003].

Тем не менее политическое пространство можно в равной степени воспринимать как политическое и как географическое. Для объективного изучения категории «пространство» исследователи предлагают обратиться к классическим геополитическим концепциям [Бекларян, 2011]. Среди них – теория-концепция Ф. Ратцеля, которая рассматривает государство как пространственный организм; теория стратегически важного пространства – «хартленда» Дж. Макиндера; концепция «морской силы» А. Мэхена и др. Пространство с точки зрения геополитики представляет собой прежде всего территорию, определяющую силу и могущество государства. В данных концепциях понятия «политическое пространство» и «территориальное пространство» являются тождественными [Ермолаева, 2006].

Трактовка понятия «политическое пространство» имеет высокую вариативность, в зависимости от предметной области исследователя. Представитель политической психологии В.А. Бианки понимает политическое пространство «как психологическое пространство существования населения, в котором реализуется политическая активность, труд и работа, поведение и деятельность» [Бианки, 2006, с. 16–17]. Политическое пространство определяют структурные и динамические компоненты, но их воздействие различно. Политические эмоции, взаимодействие, поведение и сознание характеризуют структурные компоненты пространства, которые интегрируются посредством политических установок.

Е.М. Гурарий ставит вопрос о роли политического пространства в эффективном осуществлении политики как инструмента управления социальными процессами в современном мире. Политическое пространство определяет форму власти, ее организацию и строение, границы властного воздействия. Процесс осуществления власти в политическом пространстве неразрывно связан с вопросом о роли индивидов, характером их взаимодействия в политическом процессе [Гурарий, 2016].

Автор представляет политическое пространство в качестве одной из проекций политики на область отношений, которые складываются между различными субъектами по поводу власти. Пространство выступает регулятором отношений групп и индивидов, областью взаимодействий групп интересов на пересечении «горизонтальных» и «вертикальных» отношений.

Существующая необходимость реорганизации пространства-поля, по мнению автора, требует расширения границ мира политического, появления новых институтов и организаций. «Переход к информационному обществу и вызванный этим метаморфоз власти и демассификация индивидов обосновывают необходимость новой концептуализации политического пространства» [там же]. Складывающиеся в условиях горизонтальной модели коммуникативные отношения обуславливают первичность индивидов перед государством в осуществлении институциональных изменений, определяя «проблемность» политического пространства и политической конкуренции индивидов, их доступ к участию в политических обменах на различных уровнях.

Новая концептуализация политического пространства возникает как ответ на необходимость обеспечить управление социально-политическими процессами, вызывающими эффект эмансипации индивидов в ситуации нарастающей неопределенности. Образ политического пространства складывается в условиях временного распада социальных связей, вызванного дезорганизацией социальных структур. В контексте процесса социальной трансформации исследователь определяет политическое пространство как функциональную систему открытого типа, обеспечивающую реорганизацию социального целого посредством институционального упорядочивания интеракций индивидов [там же].

Формирование нового образа политического пространства следует за постепенным отказом от традиционных институтов и

структур. Складывается новый институциональный порядок, опосредствованный формальными институтами, аккумулировавшими культурно-исторические аспекты предшествующего развития. Формируется система, направленная на сохранение общества в новых условиях, в которой институциональную структуру политического пространства создают эмансипированные индивиды. Новая институциональная структура отражает ценности и знания, сформированные в ходе исторического развития общества, которые при помощи символизации сохраняются в процессе эволюции политического пространства.

Таким образом, современное политическое пространство формируют институционально регулируемые взаимодействия индивидов, что позволяет представить политическое пространство как конструкт, где ведущую роль играет символический ресурс. Символизация связывает формальные и неформальные институты, создает единую систему для политических обменов, универсализирует каналы коммуникации [Гурарий, 2016].

Роль символического ресурса заключается в построении нового образа политического пространства в соответствии с изменениями потенциала политики, границ возможного в политическом действии, характера социальных взаимодействий [Харунова, 2006]. Посредством механизмов символизации самые разные, не имеющие политического смысла и содержания, процессы получают статус политических. Неполитические процессы и блага, попадая в сферу политики, становятся предметом политических обменов и образцами моды, обладание которыми становится залогом возрастания капитализации индивида в политическом пространстве [Мурзина, 2013].

И.С. Башмаков рассматривает символическую политику как инструмент коммуникации между властью и обществом. Использование инструментов символической политики в публичном пространстве может нести как позитивные черты, к которым можно отнести политическое просвещение граждан, консолидацию сообщества, артикуляцию общественных интересов и т.д., так и негативные, приобретать характер манипуляции и использоваться, например, для формирования территориальной идентичности у индивидов [Башмаков, 2012].

Политическое пространство содержит уровни (измерения), среди которых выделяют, например, геополитическое, публичное,

коммуникативное, электоральное и др. «Деление политического пространства по территориально-пространственному принципу определяет национальные, региональные и локальные особенности функционирования политических институтов и иных структурных компонентов» [Галкина, 2010, с. 23].

Н.В. Галкина отмечает, что «институциональные аспекты политического пространства проявляются в его структурировании, дифференциации на отдельные элементы» [там же, с. 34]. Функционирование общественных и политических институтов в политическом пространстве зависит от особенностей среды. Перенесение институтов из одного политического пространства в другое сопровождается их трансформацией посредством адаптации к особенностям системы [Исхаков, 2006]

В исследовательской литературе существует различное, но не противоречивое, понимание того, каким образом организована структура политического пространства [Арсентьева, 2010].

Политическое пространство состоит из ряда подструктур, подполей, представляющих собой, согласно П. Бурдьё, «совокупность объективных отношений сил, которые навязываются всем, кто входит в это поле» [Бурдьё, 1993]. Исходя из этого, политическое пространство можно рассматривать как поле разворачивания политических акторов, воплощение их политических практик [Черепанов, 2010].

В качестве основных структурных элементов политического пространства исследователи выделяют политические институты и политических акторов. Политическое пространство подразумевает, что его составляющие находятся в постоянном взаимодействии и взаимовлиянии.

М.Г. Заболотная в качестве важного структурного элемента политического пространства отмечает как формальные, так и неформальные политические институты, при усилении роли последних. «Институты определяют принципы политических обменов, доступ к власти, закрепляют распределение ресурсов, предписывают роли и др.» [Заболотная, 2003, с. 28].

Современные социально-политические системы являются более открытыми, значение неформальных практик усиливается. Глобальное пространство представляет собой систему взаимозависимых политических субъектов, границы взаимодействия которых расширяются, выходя за рамки национальных [Раскладкина, 2006].

Большое значение в исследованиях политического пространства имеет вопрос о его границах. В качестве факторов, определяющих границы политического пространства, Н.В. Плугатаренко рассматривает «процессы политизации других сфер жизнедеятельности социальных систем и процессы деполитизации политического пространства» [Плугатаренко, 2012]. Подобный подход является «классическим» и связан с изменением размера политической сферы, ее распространением на неполитические отношения. «Представляя собой диалектическое единство, данные процессы определяют условность и неустойчивость границ политического пространства. Таким образом, усиление процессов политизации экономического и социокультурного пространств происходит в кризисных ситуациях функционирования социальных систем, что приводит к расширению границ сферы политического, и, напротив, деполитизация политических процессов и феноменов, характерная для периода стабильного развития общества, ведет к ограничению политического пространства» [там же, с. 10].

Рассуждая в русле описанной теории, автор определяет российское политическое пространство как открытую и неустойчивую систему, на функционирование которой большое влияние оказывают внешние факторы. Процессу политизации социальной сферы и, как следствие, расширению границ политического пространства России способствует кризисное состояние экономики страны.

Несмотря на достаточно широкий спектр научных работ, посвященных изучению политического пространства, многие важные вопросы теории политического пространства остаются нераскрытыми. Являясь относительно новой, теория политического пространства несет в себе высокий научный потенциал, поскольку политическое пространство имеет большое значение для современной политики, во многом определяет ход и характер развития государства, особенности культуры и менталитет народа.

Список литературы

Александрова Ж.П. Социальное партнерство на региональном рынке труда в условиях Российского Севера: Дис. ... д-ра полит. н. / Ур. гос. эконом. ун-т. – Екатеринбург, 2004. – 182 с.

- Арсентьева И.И.* Регионализация пространственной организации России в целях обеспечения национальной безопасности: Дис. ... д-ра полит. н. / Рос. акад. гос. службы при Президенте РФ. – М., 2010. – 400 с.
- Ахременко А.С.* Электоральное пространство: Теоретико-методологические проблемы: Дис. ... д-ра полит. н.: 23.00.01 / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. – М., 2009. – 430 с.
- Башмаков И.С.* Символическая политика в пространстве публичной политики: Функции, акторы и технологии: Региональный и локальный уровни: Автореф. дис. ... канд. полит. н. / Кубан. гос. ун-т. – Краснодар, 2012. – 25 с.
- Бекларян Э.А.* Современные политические процессы в транзитивных странах: на примере стран Южного Кавказа: Дис. ... канд. полит. н. / Ставроп. гос. ун-т. – Ставрополь, 2011. – 155 с.
- Бианки В.А.* Психология формирования политического пространства Санкт-Петербурга: Автореф. дис. ... канд. полит. н. / СПб. гос. ун-т. – СПб., 2006. – 29 с.
- Бурдые П.* Социология политики. – М.: Socio-Logos, 1993. – 336 с.
- Галкина Е.В.* Гражданское общество в политическом пространстве современной России: Автореф. дис. ... д. полит. н. / Кубан. гос. ун-т. – Краснодар, 2010. – 65 с.
- Гришин Н.В.* Политическое пространство как объект теоретических и прикладных политических исследований: Дис. ... канд. полит. н. / Волгогр. акад. гос. службы. – Волгоград, 2001. – 144 с.
- Гурарий Е.М.* Концепт политического пространства: Институциональная природа и особенности конструирования: Автореф. дис. ... канд. полит. н. / Рос. акад. нар. хоз-ва и гос. службы при Президенте РФ. – М., 2016. – 27 с.
- Ермолаева Е.В.* Пространственно-временной континуум политики: Дис. ... канд. филос. н. / Саратовская государственная академия права. – Саратов, 2006. – 138 с.
- Заболотная Г.М.* Социально-политическое пространство региона: социологический анализ: Автореф. дис. ... канд. полит. н. / Рос. акад. нар. хоз-ва и гос. службы при Президенте РФ. – Тюмень, 2003. – 48 с.
- Исхаков В.Б.* Модели партийной идеологии в условиях трансформации общественно-политической системы: Сравнительный анализ на примере современной России: Дис. ... канд. полит. н. / Моск. Обл. институт управления и права. – М., 2006. – 229 с.
- Казанцев В.Г.* Конституционный порядок в регионах федерации: Социологический анализ: Автореф. дис. ... д-ра социол. н. / Рост. гос. ун-т. – Ростов-на-Дону, 2004. – 44 с.
- Кудашиева Ю.В.* Позиционирование региона в политическом пространстве современной России: Автореф. дис. ... д-ра полит. н. / МГУ им. М.В. Ломоносова. – М., 2011. – 48 с.
- Манжосов А.А.* Политическая ситуация как объект политологического исследования: теоретические и прикладные аспекты: Дис. ... д-ра полит. н. / Моск. гос. ин-т междунар. отношений. – М., 2003. – 187 с.
- Мурзина Д.Ш.* Мифотворчество региональных политических элит России: Автореф. дис. ... канд. полит. н. / Казан. (Приволж.) федер. ун-т. – Казань, 2013. – 24 с.

- Плугатаренко П.Н.* Современное политическое пространство: Особенности и тенденции его формирования (теоретико-методологический анализ): Автореф. дис. ... канд. полит. н. / Моск. пед. гос. ун-т. – М., 2012. – 21 с.
- Раскладкина М.А.* Интернет как средство организации информационно-политического пространства России: Дис. ... канд. полит. н. – СПб., 2006. – 198 с.
- Семенов А.В.* Институционализация публичной сферы в политическом пространстве региона: Дис. ... канд. полит. н. / Тюменский гос. ун-т. – Тюмень, 2010. – 252 с.
- Харунова Э.Р.* Становление многопартийности в российском электоральном пространстве: Дис. ... канд. полит. н. / Казанский гос. ун-т. – Казань, 2006. – 225 с.
- Черепанов М.С.* Мусульманское сообщество в политическом поле региона: Структурно-генетический анализ стратегий активистов: Дис. ... канд. полит. н. / Перм. гос. ун-т. – Тюмень, 2010. – 192 с.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Журнал «Политическая наука» – одно из ведущих периодических изданий, входящих в **перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ**, в которых публикуются результаты исследований соискателей ученых степеней кандидата и доктора наук по специальности «Политология». Журнал издается с 1997 г. и хорошо известен среди зарубежных исследователей, владеющих русским языком. В частности, он входит в базу **Russian Science Citation Index** на платформе Web of Science.

Учредителем журнала является Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН; журнал издается при участии Российской ассоциации политической науки (РАПН).

К публикации принимаются научные статьи, обзоры, рефераты, рецензии, переводы. Тексты предоставляются в электронном виде по адресу: politnauka@inion.ru; politnauka1997@gmail.com (просим направлять материалы на оба адреса) в форматах. doc или. rtf.

Основные требования к рукописям:

Кегль – 14, межстрочный интервал – 1,5.

Объем – 30–40 тыс. знаков (включая пробелы) для статей и 16–24 тыс. знаков для рецензий на книги.

Графики и диаграммы должны дублироваться в файлах формата. xls., xlsx (чтобы сделать возможным их дальнейшее редактирование).

Рисунки и схемы желательно создавать в форматах. ppt., pptx или. jpg. Соответствующие файлы также прилагаются к рукописи.

Текст, таблицы, диаграммы, графики, рисунки и схемы должны быть выполнены исключительно в черно-белой графике.

С целью соблюдения авторских прав заимствованные из других изданий элементы (рисунки, схемы, графики, таблицы и пр.) должны сопровождаться ссылками на первоисточники.

Ссылки на литературу внутри текста даются в квадратных скобках с указанием фамилии автора, года публикации и страниц. Материалы могут иметь постраничные сноски.

В конце текста приводится список литературы и источников – в алфавитном порядке без нумерации; сначала русские источники, потом иностранные. При этом необходимо соблюдать требования библиографического оформления, принятые в ИНИОН РАН, и правила, установленные Национальным стандартом РФ (ГОСТ Р 7.0.5. – 2008).

К рукописям прилагаются аннотации на русском и английском языках (до 200 слов).

В полном объеме приводятся фамилия, имя и отчество автора, место его работы, должность и контактная информация.

Решение о публикации рукописи принимается на основе отзыва рецензентов. Плата за публикацию не взимается.

INFORMATION FOR THE AUTHORS

«**Political Science (RU)**» is one of the leading Russian periodicals in the field of the political science. Founded in 1997, it is well known among foreign researchers. «Political science (RU)» is included in the list of the academic journals that are recommended by the High Certification Commission (VAK) of the Ministry of Education and Science of Russian Federation. The journal is in the list of the **Russian Science Citation Index** database of the **Web of Science platform**.

«Political Science (RU)» is quarterly published by the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN) with the assistance of the Russian Political Science Association (RAPN).

«Political Science (RU)» accepts manuscripts of the following genres: research articles, review articles, review essays, book reviews, abstracts, translations. Authors are invited to submit articles through e-mail politnauka@inion.ru and politnauka1997@gmail.com.

Manuscripts should be printed in Microsoft Word or RTF format, in standard 14-point type with 1.5 lines spacing. The maximum length is 5,400 words for article and 3,200 words for book reviews.

Charts and diagrams should be duplicated in.xls or.xlsx format in order to enable further editing.

Pictures and schemes should be duplicated in.ppt,. pptx, or JPEG format. Texts, tables, charts, diagrams, and pictures must be executed in black-and-white. Pictures, diagrams, charts, tables and other elements taken from other publications must not violate the copyright law and should be accompanied by citations to the primary sources.

A list of references should be placed at the end of the manuscript. The sources should be listed in alphabetical order without numbering, first Russian sources, then the foreign ones. References should follow the rules of the Institute of Scientific Information for Social Sciences and the bibliographical standard of the Russian Federation (GOST R 7.0.5–2008). Citations in the text should be enclosed in square brackets and must include the name of the author (s), the year of the publication, and the number of pages. Footnotes with text comments are also possible.

A manuscript should be accompanied by the annotation in Russian and English, no longer than 200 words. Authors must provide their full name, the place of work, position and contacts.

All articles are subject to anonymous peer review by scholars in the relevant field. An article can be accepted, sent to the author for revision and resubmission, or rejected. The publication is free of charge.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА
Научный журнал
2018 № 2

Редакторы-составители номера
канд. ист. наук *С.В. Патрушев*,
канд. полит. наук *Л.Е. Филиппова*

*Издание рекомендовано Высшей аттестационной комиссией
Министерства образования и науки Российской Федерации
и включено в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов
и изданий, в которых должны быть опубликованы основные
результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и
кандидата наук» по политологии*

**Адрес редколлегии: 117997, г. Москва, Нахимовский проспект 51/21.
ИНИОН РАН. Отдел политической науки.
E-mail: politnauka@inion.ru**

Оформление обложки И.А. Михеев
Техническое редактирование
и компьютерная верстка Л.Н. Синякова
Корректор М.П. Крыжановская

Гигиеническое заключение
№ 77.99.6.953. П. 5008.8.99 от 23.08.1999 г.
Подписано к печати 29/VI – 2018 г. Формат 60 х 84/16
Бум. офсетная № 1 Печать офсетная
Усл. печ. л. 19,5 Уч.-изд. л. 16,5
Тираж 500 экз. (1–120 экз. – 1-й завод) Заказ № 43

**Институт научной информации по общественным наукам РАН,
Нахимовский проспект, д. 51/21, Москва, В-418, ГСП-7, 117997
Отдел маркетинга и распространения информационных изданий
Тел. / Факс: (925) 517-36-91
E-mail: inion@bk.ru**

Отпечатано по грантам ИНИОН РАН
в ООО «Амирит»,
410004, Саратовская обл., г. Саратов,
ул. Чернышевского, д. 88, литера У
Тел.: 8-800-700-86-33; (845-2)24-86-33